

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

Volume four

**THE GOBLIN
RESERVATION**

OUT OF THEIR MINDS

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Книга четвертая

**ЗАПОВЕДНИК
ГОБЛИНОВ**

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

Издательская фирма «Полярис»

1993

The Goblin Reservation
Copyright © 1968 by Clifford D. Simak

Out of Their Minds
Copyright © 1970 by Clifford D. Simak

Заповедник гоблинов
© 1972 И. Гурова
перевод на русский язык

Исчадия разума
© 1993 Издательская фирма «Полярис»
перевод на русский язык

© 1993 В. Иванов, иллюстрации,
форзац

© 1992 Издательская фирма «Полярис»
оформление, название серии

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-039-5

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Глава 1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубili из сучковатого чурбака. Глаза его, напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с упорством и бульдожьей хваткой, не обращая внимания ни на что.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право же не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

— У меня нет никаких сомнений в том, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы вы сказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил Питер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне не известны ни ее название, ни местонахождение. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы мне объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сначала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить мне в сущности нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой.

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И доволь-

но смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Ведь пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконе есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он неловко умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините инспектор, — сказал он. — Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, дошедшие до нас от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец...

— Возможно, — перебил Максвелл, — но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали во времена динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долго живут, они почти бессмертны по нашим меркам, хотя, конечно, в свой срок тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народа холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может быть, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон мягко спросил:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете подвох, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас, как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон. — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которого в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Тоже поступили сюда. Оба они были посланы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись...

— В том-то и дело, — воскликнул Дрейтон. — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то собака и зарыта! — воскликнул Дрейтон. — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, пораженный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул.

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

Глава 2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где они беседовали с Дрейтоном, за поворотом коридора Максвелл увидел ряд свободных стульев и, поставив чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со световой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку ни в одном уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но, если тот, другой Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только собираться вернуться. Ведь он уехал туда

на шесть недель и мог задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно Максвелл заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, он зажал ладони в коленях.

Держись! — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Но это могло быть и правдой... все-таки могло!

Но, если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А, впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катанье на лодках по озеру. Будут беседы и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень

многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а сколотить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды. Но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибвеев. Они плыли по кристально-прозрачным протокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полудивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Сидение, на котором расположился Максвелл, было повернуто к западу, и сквозь гигантские стеклянные окна он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, намереваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отды-

шаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначенных для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекачивалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожих на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили на плитах что-то вроде игровой доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И, может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них не известно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по Вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой цивилизацией.

И Максвелл воскресил в памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из Института сравнительной

анатомии Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящим потрясением.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах Вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал над осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивавшиеся существа в этом обвислом безобразном брюхе действительно были если и не червяками, то во всяком случае какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их сообщество слагалось из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах Вселенной. И, если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек наконец столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя Вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали

внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает непоборимое отвращение, хотя человек и все другие обитатели Вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему Вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громко-говоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир № 5692 прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысячи планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы Вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья и топота множества ног.

Максвелл поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижой. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания

фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР

из Стрэтфорда-на-Эйвоне

(Англия)

прочтет лекцию

«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»

под эгидой Института времени

22 октября в аудитории Музея времени

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются во всех агентствах

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил, увидев, что окликнувший незнаком ему. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монтти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами

около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном гала-вечере.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И, кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь к себе в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих вполне хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

Глава 3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножья лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти, — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал посторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную скорость.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну в лесу — крохотный светло-зеленый островок в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки деревьев стремительно мчались им навстречу, и Максвелл уже различал осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копыта взметнулись, чтобы пронзить, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг, словно в нерешительности, повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой чаще леса.

Лужайка фей, отметил Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и снова устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом.

Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного — и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — сказал Черчилл. — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно

угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч, — но мотор не выходит из строя никогда. Его можно только выключить.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой.

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта такие лужайки были предусмотрены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться все равно было некуда — и я рискнул...

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Топот явно приближался.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

По тропе осторожно спускалась лошадь. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно крылья.

Лошадь тяжело спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намеревался опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные мехи, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно слез с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и пусть летит, а вы не

вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы шутку пошутить. Наложат заклятие, и все тут...

— Мистер О'Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Наш общий добрый друг! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Вы сказали — заклятие?

— А что же еще? — негодовал мистер О'Тул. — Что еще может спустить помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — Настоящий? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я и настоящий, — сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О'Тул, — выпьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, снять первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежали полдюжины других гоблинов, и мистер О'Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они всегда приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них добрые, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины, вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и даже не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова придутся за свое, мы разнесем тот мост по камушку и

каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летало как новое! А вы идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что, когда они придут сюда танцевать под полной луной, лужайка будет как новая. Вы позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причинили лужайке нового ущерба, но, если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладони в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы охотно подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О'Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, уж раз вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Ведь мы жили в них потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего. — Он умолк, отдышался и продолжал: — Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди в те века не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был

народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями. А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только людьми, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать... — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл покачал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — заявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

— Будьте добры, — перебил О'Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или во всяком случае вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но живут так долго, что нам и представить трудно. Рождения у них редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О'Тул, — что мы проникаем в самое сердце природы и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе — заметно быстрее, чем раньше.

Сверху им навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаша, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, едва не упав.

— Ну и что эль? — пропыхтел мистер О'Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — простонал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полило вело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о, проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! — вопил мистер О'Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всеокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испытать сладкого октябрьского эля.

Глава 4

Когда Максвелл на одной из более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по-настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благодатной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И всюду высились древние величественные вязы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что университетский городок дружелюбно здоровается с ним. Часы были его другом и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещаая, что все спокойно.

Впереди, в сумраке, возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножью прижалось здание музея. Поперек его фасада протянулось быющее на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили обиды, когда два-три года назад Институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэдфорда во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, на вершине холма высились административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась мимо Института времени и его кубообразного музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы закончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года... нет, впрочем, уже не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и нащупал кольцо с ключами.

Впервые, после того как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, он вспомнил о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности могла вполне пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему

известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, то с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представилась возможность поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Грегу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона — ведь, если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он убедит себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно, — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил кулаком по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пухлик! Мог бы, кажется, вспомнить... но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пухликом.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинным розовым языком, шершавым, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери. — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я...

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае жил раньше. Это ведь квартира двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами. — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый...

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и...

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула.

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд.

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побледнели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он. — Наверное, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произойшла какая-то путаница...

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, показывая Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто...

— Все это очень запутано, — заметил Максвелл.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, — на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить. — Он поднес рюмку к губам. — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответил Максвелл. — И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей...

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только...

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы...

— Ни в коем случае, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда бы я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл. — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Глава 5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти в другое место. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок был облюбован студентами и преподавателями его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрл Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное большой наплыв — официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И совершенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в ком случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, здесь очень интересно.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Тогда следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хорошили три недели назад, в четверг? И я, и Дух, оба были там. И ты нам должен двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что ты укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп. — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил подбородок на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животина — никакой не биомех. У него в глазах самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл. — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот. — Я ведь дух и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы познакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не перевариваю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрол.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет подобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от жажды.

— Больше всего меня в нем восхищает, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знаниям, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов преподавателей и дураков студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели — обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что *Homo sapiens neanderthalensis* — глупая скотина, и ничего больше. Ведь, что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, —

который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскресение дружеской вакханалией.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведро льда и четыре... нет, три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьет.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю...

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. Повидимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил брентную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически...

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести короткими пальцами волосатую грудь.

— Не глядите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрол. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, — сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоём месте, — сказал Оп, — я подал бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить иск. За причинение морального ущерба. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легкомысленно. Один из трех друзей...

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп. — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И, пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу.

— А что скажете вы?

Он покачал головой.

— Я начну всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, я просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она. — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников решили подзакусить мною. Впрочем у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть... — Он умолк и обвел глазами зал. — Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разговора за столом. Оп поглядел на Кэрол.

— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю: «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Пододшел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое...

— В таком случае, сэр... — Официант положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведро поближе и начал раскладывать лед в рюмки.

— Но мы поужинаем тут? — спросила Кэрл. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонаравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Ведь он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил Оп. — В старину такое чудовище в один присест уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрл. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл, — верни официанта. У тебя отлично получается. Твой голос словно создан для этого.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрл, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрл, обращаясь к Духу. — Ну, понюхайте хотя бы!

— Пусть вас это не тревожит, — вмешался Оп. — Это субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного... — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я во всяком случае знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду.

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп. — Всегда высматривает, где чем можно пожить.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И вас это удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй... Я сама не очень понимаю, что, собственно, имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал...

Раздались возмущенные воли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал...

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. На пол полетели стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, стаскивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил и толкнул Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведро. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их, как кегли, — крикнул он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг топталось множество ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то высоко раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп. — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками едва удерживая за голову Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, схватил тигренка поперек живота, поднял и прижал к груди.

— Позаботься о девушке! — скомандовал Оп. — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

Глава 6

— Я трус, — признался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нетесаных досок. Кэрл отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он. — Чего зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет. — Он указал на дверцу в полу. — Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

— Из-за какой-то там сломанной ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел на огонь, а ветер снаружи шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрл. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул.

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери висел там вот этот простенький замок...

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж, конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра зайду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — у тебя есть деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались, как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю. — Он повернулся к Опу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь, и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнотов и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — За мной должок.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого ничего не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали...

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это биомех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудница Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-Йоркского или венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь он мог бы побывать, если б захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по же-

ланию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть целый миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по биомеханике и сами смастерить его не могли.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Они стоят безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого рода протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы... Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп. — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял такую попытку, — сказал Максвелл. — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априорно отрицать даже существование Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп. — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскивали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрл.

— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. По-видимому, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Максвелл.

— ...Приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Кэрл.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл. — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я могу вам ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, эту историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится...

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмешался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять-пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит все необходимые средства, — сказала Кэрл. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убраться ко всем чертям. Когда состоится продажа...

Внезапно она умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря, слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие, тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

— Оп, нельзя ли без речей? — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрл.

Все трое вопросительно посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и... Пожалуйста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и...

— Нет, — сказала Кэрл, покачив головой. — Моя болтовня бессмысленна. Да я и не имела права болтать об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша. Кэрл удивленно переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно, — сказал он, — как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса принес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик...

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрл.

Но все дело как раз в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой невероятных усилий и затрат. Его масса потребовала для переброски во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы — даже в столь отдаленном, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной шесть футов и четыре высотой и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — единственный предмет в мире, для которо-

го не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрл, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. Если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрл. — Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в Институт...

— Это же только предположение, — возразил Максвелл. — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

Глава 7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэррол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неудобно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга... Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал. Это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — сказала Кэррол. — Я не раз видела его в Институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да, если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я предпочитаю держаться подальше,

и он казался мне именно таким. Я воображала, что он груб и неотесан...

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрол.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли огни университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах палых листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — вздохнула Кэрол. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сот лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме, или почти в каждом, был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе, когда огонь был источником тепла и защитником. Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Оп не может жить без огня, — сказал Максвелл. — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но, когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И, конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил,

пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу, вместо того чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрл.

Максвелл засмеялся.

— Есть одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрл. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья...

— Я еще подумала, зачем он там их прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего Института. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с Институтom. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты. Насколько мне известно, он ведет большую работу в Гималайском Институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опom сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже баньши, хотя трудно вообразить более коварных и скрытных существ.

— Но, значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, но каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрл, — его лицо, хотя и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намеки на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это только мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрл, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он того и гляди свалится на скоростную полосу. Ну просто ничего не соображает! И засыпает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Потом я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев...

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь в конце-то концов в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши.

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрл, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст, — возразила Кэрл. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой Питер Максвелл был самостоятельной личностью и... нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был приятный, — сказала Кэрл. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех, кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел спросить вас вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

Глава 8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Он сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать.

— Брось-ка его туда, а сам садись рядом со мной. Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне никогда этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Он, ухмыляясь. — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рвоте, —¹ продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Он. — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорила нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что, если упомянуть об этом в присутствии болтуна вроде тебя, наутро новость станет известна всему городу. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул ее Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула по горлу, как бритва, и он закашлялся.

«Ну хоть бы раз выпить эту дрянь не поперхнувшись!» — подумал он.

Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд никак не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый, как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп в свою очередь взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову — и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первокласное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделял лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть если тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как спортсмены допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета и, по-моему, не так уж далеко. Странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она ведь может выбрать орбиту в другой плоскости. И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глаза и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, какие-то тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате побежали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем, другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он сказал, что на планетах Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказа-

лось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл. — Я никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но вот тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком...

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-нибудь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели...

— Были, — сказал Максвелл. — Это поразительное место...

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае такой она показалась ему при первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в млечной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удержать небеса на месте. И совершенно безлюдное место, рождавшее сравнение с пустым балльным залом гигантских размеров, с убранным и натертым полом, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Балльный зал, но балльный зал без стен, простирающийся вдаль, — не к горизонту — горизонта там, казалось, не было вовсе, — а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя тогда он этого не осознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и

пустыннное место, все его великолепие и вся его белизна на терялись в этой пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил... нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже забегали мурашки, замороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, путаясь этой чужеродности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение... Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, — эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной Вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок Вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее, чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался принять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание, как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени. И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычер-

кнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, не известных человеку. И странно, но утешительно одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним, — но до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумееется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но, предположим, что-то мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть.

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знаний, что могли контролировать мутации... — Он умолк и по-

смотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Оп прстянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами стонал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» И протянул банку Опу. Оп поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла.

— Ты сказал — что-то, ради чего необходимо жить. Что-то не позволяет им умереть, заставляет их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И, думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каждый металлический лист... Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал огромный глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они долж-

ны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобится я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать?! Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И хоть убей, я не могу догадаться.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проводят репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ведь если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется, — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей Вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду и мне, и...

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он — администратор. Его

интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора, суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они не были нашпигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором...

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко...

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы то ни было другие, — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но во всяком случае я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее, о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один маленький вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информа-

цию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал?..

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письма, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить. Но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью Вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них еще много всякой всячины, — ответил Максвелл. — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некоторыми образчиками, которые выбрал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Дело в том, что звезда для них не обязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп. — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше уже не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как

возникла наша Вселенная. Видишь ли, они успели свое- временно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо, которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но в любом случае она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И, до того как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор — обитатели прежнего мира на планете-космолете. Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они оставались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единой вспышки света, ни единого всплеска энергии. Вероятно — точно я не знаю, — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки видеть его. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало Вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую Вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они как раса утратили жизне-

способность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп. — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — уточнил Максвелл. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал, словно что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

Глава 9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руки.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратительный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину, чтобы не подхватить инфекцию.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет двор шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему, протянув руки.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он. — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь. — Он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах, да! Конечно же, нет!

— Если бы вы сказали, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана на тропинку медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше, на фоне голубого утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно? — повторил Максвелл. — Это звучит, как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволоочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа церемонии ни к чему. Ректор вас не примет. Он ни в коем случае не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое? И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет.

— Ну, так вы — сенсация дня. И, должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и...

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других...

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И, возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло. — Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике Четыре.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле...

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и наверняка нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну разумеется, — сказал Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

Глава 10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинами на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитаннее и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не оставалось.

Он оказался прав — шансов увидеться с ректором у него почти не было и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с раздвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя

в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли на позицию ректора повлиять беседа с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого, Питера Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты должны учиться, и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовали два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то, стремящийся избавиться от него, опасаящийся, что он помешает... Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл... А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее... Ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И, если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто. Ведь Черчилл профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы он, наверное, обзавелся

источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае задача Максвелла очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка соскочила со ствола и теперь деловито снова ла по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже закончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, превосходным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещаая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, приглашенного сияния златоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За спиной послышался торопливый топот множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что владелец этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла. Оно заговорило высоким пискливым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконецник Копья Двадцать семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно неземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий Вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны ли вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл. — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжело находить. Я бегаю быстро и тяжело. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку на груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно. — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопало по лестнице, ведущей к выходу на улицу. Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт! Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал... возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

Глава 11

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт, — гласила первая страница, — родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливо-го символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в новой манере до тех пор, пока полностью не удовлетворился тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях, быстро перелистал образчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера. Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном

самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу показалось, что в сумрачной тишине читальни он слышит шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, а четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск», — говорилось в предисловии... Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения натуры.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова, и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, замороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой, скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих цветных репродукциях,

крылось что-то не известное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее взглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало, — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Приоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника. Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

Глава 12

— Мне сообщили о твоём возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустил в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиваться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам...

Максвелл криво усмехнулся.

— Да, конечно. Ты был рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаясь за свой рассудок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? — спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но, если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь... и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в

Енотовую Шкуру, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул.

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло. Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот потому я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку стула и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неувязима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае до тех пор, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать точный ответ на твой вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется, и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы отправлены в архив и, несомненно, уже подшиты...

— Но все мои документы при мне, — спокойно сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него.

— Ах, да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, качая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай я подумаю, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться... Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание...

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло...

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое имущество. У тебя нет ничего, кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике Четыре. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке. Оп пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну, а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. В крайнем случае возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Но разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе будет угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению. Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой.

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон. — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоём месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но, если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удовольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл, — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли тут какой-нибудь связи... хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И, значит, чудесная находка для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то слышала, что я вернулся. И, конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон. — В ней, конечно, заговорило любопытство.

Глава 13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому они еще не пронюхали, где он теперь живет.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившем к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены.

Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край, где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обита-

тели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек не способен вообразить подобное. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Или они были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа? Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной Вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя Вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокоился нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части Вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя Вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И вдруг ему показалось, что он вновь сгибается над столиком вроде журнального, на который он положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на

глаза у него надето приспособление для чтения... или перевода... А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, а как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершенно новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому, руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек. А свод истории? Не одной Вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь. Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся в прах, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь, если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе Галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предположение похоже на правду. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог

понадобиться кому-нибудь еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение... Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — маленький аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на этой планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного. Однако, если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука не покажется такой уж обыкновенной...

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер, и ветка

ударяет по крыше? Но ветки, обычно, стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три быстрых удара, пауза, еще два быстрых удара и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. Но вдруг они только предполагают, что он должен быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта, и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он велел, чтобы это существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно цели.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По-моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неизвестно, — ответил Краб.

— Ну хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

Глава 14

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснил шофер. — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень любезны.

Нэнси, подумал он, как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым озером. Слева от дороги, в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно взбираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались по бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под аркаду и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности опустил руку.

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились приглушенные звуки музыки и голоса.

Максвелл постоял несколько секунд, не двигаясь, и когда глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор...

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И во всяком случае она могла бы сказать, чтобы свет не гасили — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу... Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома; а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится.

Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси! Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянув вперед руки. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей.

Он обогнул винтовую лестницу, и холл показался ему еще темнее, потому что проблески света остались за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор Максвелл?

Максвелл замер на одной ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол другую, уже поднятую для шага, и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушил ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова... может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — он затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог. Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столь же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда!

Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под аркаду нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу? Опрокидывая все на пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему побежать, и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы такого ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намек на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий!

Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой, жесткий голос. — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячившим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказала существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям Вселенной, которых вы именуете колесниками. На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьук». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьук, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и отдельно, потому что губы у него тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — ответил колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьук. — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть...

— И дожидаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна, слишком поглощена своими зваными вечерами и совершенно не способна на интриги.

— Мы могли бы обсудить одну тему, — сказал мистер Мармадюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы не отвечаете, — сказал мистер Мармадюк. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запыряться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И, возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадюк, — нам следует немедленно приступить к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили, безусловно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — что они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадюк, — назначить вас... не сказать ли «библиотекарем?» — при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья... Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадюк. — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — сказал колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие-либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами

космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин Вселенной.

«Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса», — сказал мистер Мармадьюк... Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчики человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части Вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше...

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость...

— Вовсе нет, — негодуя перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для

вас, и для меня, и для любого другого существа во Вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот-вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова.

Возможно, подумал он, это произошло потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» стали одинаково грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадюк. — И, возможно, вы не нетерпимы...

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему окончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление такого чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае, что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слышом много говорим, — объявил мистер Мармадюк. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Краем глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл. — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком.

В холле он резко повернул и отчаянно засеменял, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро катил колесник, но Сильвестр настигал его. Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадюк круто свернул влево, и Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояли, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обхватил его шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел,

что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться на бок.

Тут раздался испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На это раз, утрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала.

Он лежал у стены над лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса крутились как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол, и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — Она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь за ним по коридорам, словно он мышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл. — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись бы по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодуя спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званных вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол. — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь, видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, стал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом. Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит! — воскликнула она. — Так значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила... — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит ты не посылала Краба...

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которые не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он. — Оно сказала, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказала, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что...

— Пит, — перебила Нэнси. — Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Приблизившись к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадюком.

— Мне очень жаль... — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и...

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы, правда, не пострадали? — спросила она. — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героический поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и оскалился.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрл. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменял тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадюк. — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадюк. — Мне нужно кое-кого увидеть. — И, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удастся заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то скользкое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он — обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают...

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же...

— Нэнси, — перебил Максвелл. — Я вернулся только вчера. Я узнал, что скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и...

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно, удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси. — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси. — Репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невоз-

можно, как я убедилась на горьком опыте. Так что они тебе не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина...

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же прежде неизвестный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины, но эта — особенная, потому что была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал — во всяком случае, сохранившихся. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или... ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл поднял голову и взглянул на стену.

Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище... и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иным был ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники, деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которых кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у поножья которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели еще никто этого не заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

Глава 15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начала редеть. А те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. И если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрл, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и соображали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на это вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом высадить у задней двери, чтобы он прошел через холл мимо двери, за которой поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это настолько отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой

плащей и кинжалов, что становилось смешно. Но только... только ему почему-то не хотелось смеяться.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Сквозь густую листву над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже выпил больше, чем следовало бы, — не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не среди шумной толпы незнакомых и мало-знакомых людей в большом и безликом зале... Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной. — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл обернулся и встретился взглядом с Кэрл, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно...

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глаз на глаз, — заявила Кэрл. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл. — У меня буквально дух захватило. Я никак не ожидал увидеть Сильвестра. Мне и в голову не приходило...

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрл. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-видимому, удивило, а ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрл. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе...

Кэрл обогнула вазу и села рядом с ним.

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой.

— Трудно. Все было как-то запутанно.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания... Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрл, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Кэрол. — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Максвелл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться, а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его картине объяснить трудно, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл. — Он принес из своих неандертальских дней воспоминания о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл. — Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и необязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же...

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы

ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духа сказать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу...

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И, пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ними без исключения. Ведь их интересую вовсе не я. На самом деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну, и чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Но я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрл, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрл, — и попрощаться.

— Как-нибудь в другой раз, — предложил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести...

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то.

Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбежал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Что вам угодно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделяюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал...

— То есть вы знали, что колесник устроил засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он. — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл. — Только Богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, а в третьих, а в четвертых... мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованьи. Но осторожней выбирайте способы это жалованье отбавывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился по широким ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрл мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением. — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

Глава 16

Максвелл прыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше в лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался обомшелый каменный мост, обителище троллей.

Час был еще ранний: Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это: и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатуму пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убогавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним,

неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по ложине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и намерен был устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахrome седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисли, как рваная мантия.

Максвелл не спеша поднялся по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. Вскоре он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь — общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благодатная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно странным строем. Они шли тремя вереницами, и каждая тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната

привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу, вскидывая задом.

Тролли тяжелой рысцей спускались по тропе — темно-коричневые, морщинистые, злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыбачиющиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные кличи, мчалась орда гоблинов. Впереди, тяжело переваливаясь, неся мистер О'Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек балного зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывалось эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему

нужна была подпорка. Конь с любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножья холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в замок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О'Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножья холма тем временем стих, и вскоре, пытая и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О'Тул настолько величественно, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма неотложное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О'Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взбираться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — Мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами. — Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах

необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И чем же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин. — Они разбежались, как цыплята. Мы выкурим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащат сажальный камень туда, откуда забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и...

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль небезупречен. В его вкусе ощущается нарек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О'Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки

и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. Я не знал...

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О'Тул. — За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он — последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрустнев. — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься: так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя я и заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О'Тул. — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, — сказал Максвелл. — Разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гоблин встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить его можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О'Тул. — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свинское пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причину слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — а эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин. — И ни перед одним человеком в мире, кроме вас, не мог бы я выразить свои чувства. Но, может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О'Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но, может быть, вы все-таки выпьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой.

— Но себе налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О'Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он, скорбно покачивая головой. — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно... — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много и самых разных. А теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий...

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щекам гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил мистер О'Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивляется смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию...

— Как? Никто... Никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Я не могу сделать вам понятным... он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гоблин. — В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гоблин, — таят волшебство, в его древесине... — Он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задержался.

Максвелл сунул руку в карман и достал фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул, — сказал он, — я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну так показывайте! — проворчал он. — Сколько реверансов, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания...

— Оп видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он...

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и убедился, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил ее. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты. — Он перебросил фотографию через стол Максвеллу. — Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

Глава 17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось поперек него, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, это темное облако и есть умирающий баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал баньши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись, — сказал баньши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую, пожухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем непохожим на холмы этого, южного берега — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голу-

бой туман, который висел над узким оврагом, круто уходящим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая, ласковая тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал баньши. — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал баньши. — Ты явился сюда незванным. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец. — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал баньши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я тебе чем-нибудь помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал баньши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но, может быть, разговаривая, ты ускоряешь...

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось всего двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи...

— Ты не понимаешь, — сказал баньши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл. — За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал баньши. — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил баньши. — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и...

— Нет, — сказал баньши. — Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средство связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочий класс. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, то с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я

представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон: разум слишком редко встречается во Вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил баньши. — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому, прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: «Какова цена этого движимого имущества?» Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в извест-

ность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И, конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал баньши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно? Что такое Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал баньши.

Преданы! — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл. — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил. — Максвелл гневно вскочил на ноги. — А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл. Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывает в человеке всё умирающее. Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит

в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным, чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

Глава 18

Максвелл проехал почти половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необдуманно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это не имеет значения.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но в любом случае можешь быть совершенно спокоен...

— Я просто хотел знать, нужно ли мне излагать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографии картины Ламберта.

— Да, — сказал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, что он говорил правду. Баньши никогда нельзя доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я показывать ему не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще, — чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим, в разговоре с О'Тулом я понял, что отголоски какой-то неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт — это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком хорошо знает, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстергать меня и предлагать работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять: пойти к Хар-

лоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом ворваться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух. — Но, боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг... но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл. — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое, и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир...

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье так невезенье! Надо же было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько рассказывали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не произошло. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл. — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Максвелл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл. — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги — во всяком случае потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны... что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела... как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает их ум, их гибкость. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному Богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у меня не было, а также знаниями, которых у меня нет и самое

существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И, возможно, именно они должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь, если колесники будут знать, что она находится у нас, они скорее всего не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, миру быть или войне.

Максвелл съезжился на сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который прилетел не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление... вернее, мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением... И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, в которой возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой. Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И, мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть,

у каждой расы есть свой срок, и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух. — То есть, что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей Вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже почти стали теньями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что...

— Нет, — сказал Максвелл. — Ничего.

Глава 19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп. — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я слышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считаю, что это деловое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп. — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересуется тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазят гости университета и туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими программы, и...

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда,

университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас, и..

— Нам приходится экономить, кланчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые стоицей окупилсь бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теориек, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в унижительное положение, не говоря уж о неприятностях и хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который...

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спору с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подворачивается возможность продать Артефакт. И за сумму, которую от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прошупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это мечя не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчила за горло — наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши фонды нам не

представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл. — На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, а возможно, и от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда...

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен...

— Ну да же! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку...

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же...

— Не говори глупостей, — перебил Шарп. — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе еще кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос... Относительно путешествий во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта...

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существ, изображенных на картине — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действительно нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и тех существ, которых изобразил на своей картине. Мне кажется, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, что находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел втайне, так как верил, что на

путешествиях во времени можно нажать сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее, и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и обчистить кимберлийские алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней толком не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл. — Эпоха совпадает, Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение... словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествие во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп. — Но не думаю.

Глава 20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды, и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверняка прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет распросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух. — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли закончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не даст.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну, так идем.

Они свернули в переулочек и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух. — Но готовят там сносно и подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух. — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрл, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достоянный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь... — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп. — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрл. — Я считаю, что Оп поступил благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а...

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он. — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда тот закончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, поглажив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристаёт? — спросила Кэрл.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали против колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас так задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл. — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл. — Он уже получил обещанные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятную! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл. — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что смогли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то... отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрл отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте, как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя.

— Весьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь

по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на край кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет... Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой.

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрл. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл. — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть Галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — И он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превышает всех похвал, — сказал Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться к ней. К

тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это — великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока, наверное, обойдетесь. Повар говорит, что горячее сейчас будет готово.

— Так, значит, вы не собираетесь читать эту лекцию? — спросил Максвелл у Шекспира.

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп. — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проявляется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрл.

Потому что Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и схватил два самых сочных куса ростбифа. Услышав голос Кэрл, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. — Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрл, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир. — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по берегам, и...

— Что-что? — вскрикнул Оп. — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния... если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я наконец вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь...

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — торжественно сказал Дух. — Я знаю, чей я дух.

— Ну, и слава Богу, — заметил Оп. — Перестанешь теперь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира.

На мгновение наступила ошеломленная тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос капал соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, уперев пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвращался от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал...

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Благодаря этой встрече. Может быть, какие-то слова Шекспира пробудили в нем воспо-

минания... Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности...

— Последняя соломинка! — объявил Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл. — Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп. — Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

Глава 21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрал вверх. На морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрл. Она понюхала содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп. — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко дозреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл утрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться до беспамятства и не приходить в себя дня два! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепутался своего духа? А тут

сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда...

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая губы тыльной стороной руки.

— Одно дело чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне не способен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это...

— Ради Бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну во всяком случае он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски заявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А кроме того, она любопытна, как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт... что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговори-лась. А потом...

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его пропажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп. — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна...

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно о нем кое-что знаю — чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о всем значении Артефакта, то увидела, что это их совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь...

— Вы подумали, что мы сможем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт заинтересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к институту требовала, чтобы я молчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате...

— Нет, — сказала Кэрл. — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него... Ну, как любый турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт интересный и таинственный предмет. И тут я увидела... или мне показалось... Я не

знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал... Или, быть может, кто-то и заметил, но...

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Максвелла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она. — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп. — Расскажите все, как было.

Кэрол кивнула.

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный луч падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, что Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз... и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и...

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Станный металл! — возразил Максвелл. — Металл, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт...

— И купит за него хрустальную планету, — закончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще, похищение Шекспира...

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили вре-

меншики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрол. — Например, стащить Арнольда с постели...

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую он получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, с трудом отвинтил крышку и протянул Кэрол. — Устроимся же поудобнее и наложимся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— погоди! — остановил его Максвелл. — У меня наклеывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит...

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила

Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся...

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но...

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно...

— Не думаю, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул деньги.

— Ну во всяком случае не будем терять зря время на обсуждения и предложения, — объявил Оп. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

Глава 22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, утраченное, забытое, неизвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде доходившие из глубины веков только в черепках, флаконы из древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет которых был утрачен в незапамятные времена, — все это и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе были бесценными сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это «Музей времени»? — подумал Максвелл. Нет, это скорее «Музей безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно

новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания. Кэрл удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим. Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож. — Не знаю, может, вас и вообще пускать не стоило.

Но Кэрл заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы. Максвелл нырнул под бархатный канат, отгораживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали и приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее легкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застёжки.

Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чувствует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть, — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза. И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно был вещью в себе, инородным телом во Вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае это не записи... Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю...

В то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа... шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал

на бок, чуть не сломав ключицу, но зато не ударился головой о каменный пол. Он рывком поднял очки на лоб.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт, — вернее, на то место, где раньше был Артефакт. И каждая сияющая чешуйка была зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона! И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей Вселенной, — древний, легендарный современник тех страных необыкновенных рас, захиревшими, жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх, — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, ощерив клыки. На его ногах под густым мехом вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрл.

Ее голос был странным: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол. — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр не тронет Опа, можете не опасаться!

— Причем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона...

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот бегущих ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рявкнул Оп, железной хваткой держа за лапу Сильвестра.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный грохот, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона.

Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпираются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставьте его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено сильным треском и грохотом. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И будет прав: хоть они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной взрыв. Сильвестр следовал за ним, припадая к полу. В темноте Максвелл с трудом различил дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракошечка, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и необидительно. Но как вообще полагается разговаривать с драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

А где сейчас сторож? — подумал он. Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту.

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, когда они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что? Максвелл содрогнулся при мысли о том, что гигантское чудовище начнет резвиться на улицах городка и в академических двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона и минусы дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого

разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустил галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — И еле успел отскочить с пути мчавшегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрл и Оп метнулись в разные стороны, при виде надвигавшегося чудовища, которому явно хотелось погулять.

По залам музея прокатился громовый рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрл кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые захлопали, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с трудом затормозив, тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на улетавшего дракона. Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрл с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрл.

— Да, — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакт больше не существует, и колесник лишился покупки. Но и он уже не мог предоставить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, на-

чавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И, если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая круги, и уже казался просто разноцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что нам теперь делать?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрл.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну во всяком случае мы сорвали Харлоу его сделку! — Заметил Максвелл.

— Что да, то да, — сказал голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, и его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот...

— Пожалуйста, не вмешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить...

— Я так и предполагал, — сказал Шарп. — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты приостановил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. Я к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— В кого? В кого?

— В дракона. Пойми же, Харлоу...

— Ага! — воскликнул Шарп. — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалившим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрл. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем программы. Я уже вижу анонс — большими такими буквами: «ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН».

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрл. — Он взял да улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп. — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки не ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — к тому же чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги...

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну и...

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но, возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар...

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он — дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые добрые чувства. Но просто все пошло кривь и вкось да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы все трое вместе взятые не способны отработать и миллионной доли того, во что обошлись институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — возопил Максвелл. — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы

меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером...

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

Глава 23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы наконец пришли, доктор Шарп, — сказал он. — Произошло нечто...

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — воскликнул он. — Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что наша радость взаимна.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту, — это, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом относительно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые...

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте добры встать в очередь. У меня тоже есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо сказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим дру-

гом. Его появление с вами — это всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь мне нужна в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней...

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп. — Ну причем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета. — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп. — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборозженным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он. — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто — как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп. — Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я был бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не...

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? Ах, да! — Шарп посмотрел на Ламберта. — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть несомненно моя. И хотя не мне об этом говорить, но вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Вы ведь путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что реле времени закапризничало. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется...

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него. — Он повернулся к Ламберту. — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, должен вам сказать! — я получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь. — Возможность независимых действий и малый объем аппарата... несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и... Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и...

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь? В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но, попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт вре-

мени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберт, — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда были в юрской... в юрском... ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину...

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь...

— Ну хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт. — Там не было их.

— Но вы же сказали...

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что я вижу. Я никогда ничего не опускаю. Я никогда ничего не ввожу. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О ком вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрл. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих... на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не смогу вам объяснить, что они такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, пчелиный рой или муравейник. Ответственные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не

жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий звук, словно от быстро катящихся колес. Все замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Звук все приближался, становясь все громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на пороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт. — Что он тут делает?

— Мистер Мармадюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник. — Не мистер Мармадюк. Так называемого мистера Мармадюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро схватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шарп.

— В таком случае, сэр, я должен спросить вас, как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется не достаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко не достаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и...

— Ах, ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон не распространяется на таких тварей! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился, наконец! — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия. — Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника. — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил: да, конечно, знали! Ведь это они сами или их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки бывших поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную Вселенную, о которой мечтала хрустальная планета.

И может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд. И не пытался ли умиривший баньши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную — в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите и угрожаете мне, — сказал Шарп колеснику, — ваши бандиты...

— Уж он ничего не упустит, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп. — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьок был единственным...

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть, пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и...

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться...

— Мистер Мармадюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику: — Ну-ка, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконецники сопел, и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает — тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он хватал себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра — вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренек рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком крутился на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо.

Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он, наконец, глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправлявшегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натываясь на стены. Из огромной прорехи в животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крался Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве. За тигренком шел Оп, а за неандертальцем все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно поставил ее на ноги. Она прислонилась к стене и негодуя заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умыться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он. — Надо выбраться отсюда.

В коридоре все еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси. — Почему мистер Мармадюк...

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жуков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп. — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и...

— Но ведь убит внеземлянин! — возразил Дрейтон. — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспыхнула Кэрл. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смысл, — ответил Оп. — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал...

— Правильно, — отозвался Оп. — И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

Глава 24

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он людей, едва те сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А нам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про них?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются они на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта — это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — спросил Шарп. — Дух испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гоблин. — Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. У нас не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуетс^я убеждений, чтобы они согласились помочь нам.

Они засели в обомшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают, как умалишенные. Хотя, как ни горька такая правда, но этим грязным троллям лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, выющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— К нам прилетел Дракон, — рассказывал О'Тул. — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники, — которые в древние времена назывались совсем по-другому, — напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине он сражается доблестно и отражает их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжкую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть, — ответил О'Тул. — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют только подлости и зло. Сколько веков ни прошло, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах Вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон. — Я мог бы вызвать орудия и самолеты...

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние слуги должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил...

— Тигр. А не человек. Мы можем...

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла...

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт. — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось, доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, как он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли втиснуться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьбы человечества и союза дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой Питер Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе

чувствовался странный, отвратительный запах, — и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался его исход, отыскать его и свести с ним счета по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к О'Тулу. — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О'Тул, — поладить с ними может? Упрямыцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся пискливый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентарю. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью! — взвизгнул он. — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи...

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил его за спицу за штаны и поднял, не обращая внимания на бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А, если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтавшегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Оттоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что тымышь, — объяснил Оп. — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра под ребра. Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрл, кидаясь к нему. — Если вы позволите себе еще хоть раз ударить Сильвестра, я... я...

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл. — Все заткнитесь! Дракон там бьет из последних сил, а вы тут затеываете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю, что все будет честно и справедливо, но, если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий пискливый голосок:

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех правил! — возопил О'Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить

больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют...

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех умучит жажда! — вопил О'Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И время, и размышления, и усилия.

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он. — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, пока он будет бродить, я знаю. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набрасаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыпем в чан.

О'Тул захлебнулся от ярости. Его лицо побагровело.

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и...

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрл:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка! — вопил неандерталец. — Вы посмотрите на эту кисоньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, рана только его самолюбие. Он почти не сжимал зубов, и в то же время огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрл. — Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О'Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три, — согласился гoblin.

— И без вранья? — спросил Максвелл.

— Мы, гoblinы, никогда не врем, — заявил О'Тул.

— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О'Тула и попятился.

Из-под моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрл, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два других черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорость, а столкнувшись, взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю.

Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот, наконец, дракон, но так ли все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат как-то повлиял, но как — это оставалось тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой Вселенной. Да, но случайно ли переводящий аппарат попал в его чемодан? Не положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступали в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые, после того как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта показался краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была похожа на звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него, на лужайке фей играл оркестр.

Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

«Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!»

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядом на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крылышках и сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть здесь. Две чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыки, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

Глава 25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его разноцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды в пламенеющей лесной чаще. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, стуча огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый кедр — искривленный ветрами, пронесившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя — светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценной. Но, если и нет, колесники все равно проиграли, а это, пожалуй, даже еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому что он велел Харлоу пнуть Сильвестра, а ее попросил заткнуться. О'Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но, может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И, конечно, Дрейтон, который, наверное, еще намеревается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникинется к нему симпатией.

Иногда, думал Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким, шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они стали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку. — Нет у тебя никаких забот. Живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы присвоили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрол, — и очень мне не понравились. Но, вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее.

— Все в порядке, — сказал он. — Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако...

— В этом нет ничего странного, — сказал ей баньши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышющиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, — сказал Максвелл. — Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще остаются одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны транспортному центру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе, и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл. — Им же нужен был...

— Артефакт, — докончил баньши. — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком большой срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал баньши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, что могла бы его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил баньши, — он последний в своем роде и очень дорог всем нам. Он последний

из... из... я не знаю, как это выразить... У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрл. — Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал баньши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрл. — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — подтвердила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не Бог, а домашний зверь. И все-таки вряд ли это так просто. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале, — не рабочий скот, не роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей.

Кэрл потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но, конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрл. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

7 Миры Клиффорда Саймака кн. 4

Глава 1

А я все вспоминал давнего своего друга и слова, что он сказал мне в последний раз, когда я его видел. Это было за два дня до того, как его убили — убили прямо на шоссе, и во время катастрофы автомобилей там было не меньше, чем всегда, а его машина превратилась в искореженную грудку металла, и следы покрышек рассказывали, как это случилось, как он врезался в другую машину, внезапно вывернувшую со своей полосы ему наперерез. Все было ясно, кроме одного: та другая машина бесследно исчезла.

Я пытался выбросить загадку из головы и думать о чем-нибудь еще, но проходили часы, бесконечная бетонная лента разматывалась мне навстречу, мимо мелькали весенние сельские пейзажи, а память нет-нет да и возвращала меня к последнему вечеру, когда мы с ним виделись.

Он сидел в огромном кресле, которое, казалось, того и гляди, поглотит его, засосет в глубину своих красно-желтых узоров, — сморщенный гном, перекачивающий в ладонях стаканчик бренди и посматривающий на меня снизу вверх.

— Сдается мне, — говорил он, — что мы в осаде. Нас обложили наши собственные фантазии. Все наши вымыслы, все уроды, каких мы напридумали со времен, когда первобытный человек сидел скорчившись у костра и вглядывался в черноту ночи за порогом пещеры. И

воображал, что может таиться там во тьме. И ведь, конечно, знал про себя, что там на самом деле. Кому, как не ему, было знать — ведь он был охотник, собиратель трав, первопроходец в царстве дикой природы. У него были глаза, чтобы видеть, и нос, чтобы ощущать запахи, и уши, чтобы слышать, — и все эти чувства, скорее всего, были куда острее, чем у нас сегодня. Он помнил наперечет все и всех, кто и что может прятаться во тьме. Помнил, знал назубок и все-таки не доверял себе, не доверял своим чувствам. И его крохотный мозг, при всей своей примитивности, без устали лепил новые формы и образы, измышлял иные виды жизни, иные угрозы...

— И ты думаешь, мы не лучше? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он. — Наши вымыслы на другой манер, но не лучше...

Сквозь открытые двери в комнату залетал ветерок и приносил слабый аромат весенних цветов. И еще отдаленный рокот самолета, совершавшего круг над Потوماком перед тем, как приземлиться на другом берегу.

— Мы теперь придумываем другое, — продолжал он. — Тут есть о чем еще поразмыслить. Мы, пожалуй, не придумываем нынче таких страшилищ, как в пещерные времена. Те были страшилищами во плоти, а нынешних, каких мы вызываем к жизни сегодня, можно бы назвать умственными...

У меня осталось подозрение, что он был готов развить свою диковинную концепцию и сказать больше, гораздо больше, но как раз в эту минуту в комнату ввалился Филип Фримен, его племянник. Филип, сотрудник госдепартамента, горел нетерпением поведать странную и забавную историю про одного высокопоставленного чудака, пожаловавшего в Вашингтон с визитом, а потом разговор перешел на какие-то иные темы и о том, что люди попали в осаду, уже не упоминалось.

...Впереди замаячил указатель, предупреждавший о съезде на Старую военную дорогу, и я сбросил газ, чтобы вписаться в поворот, а как только очутился на старой дороге, пришлось тормознуть еще решительнее. Я проехал несколько сот миль, не сбавляя ниже восьмидесяти, и теперь сорок казались черепашьей скоростью, — но для такой дороги, как эта, и сорок было слишком много.

Я, честно сказать, давно забыл, что на свете есть такие дороги. Когда-то покрытие было гудроновым, но на многих участках гудрон потрескался, наверное, по весне, когда таял снег, потом трещины залатали каменной крошкой, а она с годами стерлась в порошок, в тонкую белую пыль. Дорога была узкой изначально и еще сузилась оттого, что с обеих сторон обросла густыми кустами, кусты сжимали ее как изгородь, всползали на обочины, и машина словно плыла в тени листвы по извилистой мелководной канаве.

Шоссе шло вдоль гребня, а Старая военная дорога с места в карьер нырнула вниз меж холмами — такой я и представлял ее себе по памяти, хоть и не помнил, чтоб уклон был таким крутым и начинался сразу же, едва я съехал с верхней бетонки. А впрочем, бетонку, по которой я только что мчался, перестроили и превратили в шоссе лишь несколько лет назад.

Другой мир, — сказал я себе, и это, конечно же, было именно то, чего я искал. Правда, я не ждал, что другой мир охватит меня так внезапно, что для этого будет довольно просто-напросто свернуть с шоссе. Да и попал ли я в другой мир? Не вернее ли, что мир здесь не столь уж и отличен, однако воображение сделало его другим и я увидел его таким в силу самовнушения: предвкушал, что увижу другой мир, вот и увидел.

Неужели и вправду Пайлот Ноб несколько не изменился? — задал я себе вопрос. Казалось почти невероятным, чтобы городишко мог измениться. Судьба не давала ему случая измениться. Все эти годы он лежал вдали от больших событий, они не затрагивали его, обходили вниманием, так зачем ему было меняться? Но вопрос, — признался я себе, — вовсе не в том, сильно ли изменился Пайлот Ноб, а в том, насколько изменился я сам...

И почему, — задал я себе еще вопрос, — человек так тоскует по прошлому? Ведь знает же он — знает даже тогда, когда тоскует, — что осенней листве никогда уже не пламенеть так ярко, как однажды утром тридцать лет назад, что ручьям никогда больше не бывать такими чистыми, холодными и глубокими, какими они помнятся с детства, что по большей части картинки такого рода остаются и останутся привилегией тех, кому от роду лет десять.

Наверняка можно бы выбрать хорошую сотню мест, и притом более комфортабельных, где я точно так же обрел бы свободу от треска телефона, где мне точно так же не пришлось бы вязать узелки на память и клятвенно обещать во что бы то ни стало поспеть к определенному сроку, где не надо было бы спешить на встречи с важными шишками, представляться умным и хорошо информированным и приноравливаться к сложным привычкам окружающих, к тому же усложняющимся день ото дня. Есть сотня других мест, где нашлось бы время думать и писать, где позволительно не бриться, если не хочется, где можно одеваться кое-как и ни одна живая душа этого не заметит, где можно, если вздумается, удариться в лень или в беспечность, можно не слушать новостей, можно не играть ни в ученость, ни в остроумие, а вместо этого предаться беззлобным сплетням, не имеющим ровно никакого значения.

Сотня других мест — и все же, когда я принимал решение, у меня в сущности не было и тени сомнения в том, куда я еду. Может статься, я чуть-чуть дурачил себя, но это само по себе доставляло мне удовольствие. Я бежал домой, но не признавался себе, что бегу домой. Ведь знал же я, знал на протяжении всех долгих бетонных миль, что такого места, какое мне рисовалось, нет и никогда не было, что годы сыграли со мной шутку, обратив реальность в набор обольстительных иллюзий из тех, что одолевают каждого из нас, едва вспоминается юность.

День клонился к вечеру, уже когда я свернул с шоссе, а теперь дорога проваливалась все глубже меж холмами, и временами ее застилала тяжкая тьма. Сквозь густеющие сумерки поодаль, в укромных долинах, светились мягкие белые шары фруктовых деревьев в цвету, а порывами до меня долетал и аромат их цветения, — очевидно, они росли не только поодаль, но и много ближе, просто были скрыты от глаз. И хотя вечер только вступал в свои права, мне казалось, что я улавливаю еще и странное благоухание тумана, поднимающегося с сочных лугов по берегам извилистых речушек.

Годами я твердил себе, что помню местность, где очутился сейчас, наизусть, что она впечатана мне в душу с детства и стоит только попасть на старую дорогу, как я найду Пайлот Ноб безошибочно, по чутью. Однако

теперь у меня возникло подозрение, что я заблуждался. Потому что мне до сих пор не случилось узнать ни одного конкретного дерева, ни одного камушка. Общие контуры местности — да, они были точно такими, как помнилось, но ничего более определенного, чтобы я мог ткнуть пальцем и воскликнуть: вот, наконец-то я понял, где нахожусь, — ничего подобного не попадалось. Это раздражало, а пожалуй, и унижало, и я поневоле усомнился: та ли это дорога, что ведет в Пайлот Ноб?

Дорога была скверной, много хуже, чем я ожидал. Я отказывался понимать, почему ее довели до подобного состояния. Ну ладно, резкие повороты, повторяющиеся изгибы холмов, еще можно простить. А выбоины? А участки, утонувшие в пыли? И давным-давно следовало бы сделать что-то с каменными мостиками, где двум машинам не разминуться. Впрочем, встречных машин и не было. Похоже, что я был на дороге совершенно один.

Темнота сгущалась, и пришлось включить фары. Как еще раньше пришлось сбросить газ и порой ползти со скоростью не более двадцати миль. Иначе эти резкие повороты появлялись перед носом слишком стремительно, и я не чувствовал себя в безопасности.

Пайлот Ноб, уж это заведомо, не мог быть очень далеко — максимум миль сорок от точки, где я свернул с шоссе, а я с тех пор проехал по крайней мере половину этого расстояния, никак не меньше. Можно бы сказать поточнее, если бы засечь пробег в момент поворота, но я, к несчастью, не догадался.

А дорога становилась не лучше, а хуже, и вдруг сделалась еще хуже, чем когда бы то ни было. Машина шла на подъеме по теснине, зажатой меж холмами, и с обеих сторон к дороге припадали массивные валуны — лучи фар то и дело скользили по их бокам. Да и погода переменилась. На небе уже загорались было редкие звездочки, а теперь они пропали, и до меня донеслось бормотанье грома, отдаленное, но многократно отраженное склонами.

Неужели я прозевал какую-нибудь развилку? Что если в темноте нечаянно свернул на дорогу, ведущую обратно на гребень? Но, как ни старался, я не мог припомнить, чтобы дорога раздваивалась. С той минуты, как я свернул с шоссе, передо мной лежала одна и только одна дорога. Правда, время от времени к ней подбегали проселки с окрестных ферм, но именно про-

селки и всегда под прямым или примерно под прямым углом.

Одолев очередной крутой поворот, я заметил справа кучку низких строений с единственным слабо освещенным окном. Я снял ногу с акселератора и пододвинул к педали тормоза, почти решившись остановиться и спросить, правильно ли еду. Но почему-то — право, не берусь объяснить почему — передумал и поехал дальше. Ведь, если понадобится, я всегда найду местечко, чтоб развернуться и подать назад. Или попадетсЯ какая-нибудь другая ферма, где можно будет притормозить и справиться о дороге.

Вон, пожалуйста, впереди, не больше мили отсюда, на склоне холма распласталась еще одна кучка строений, и там тоже светится единственное окошко, почти в точности как то, которое я только что миновал.

На какую-то долю секунды, будто замороженный этим окошком и падавшим из него слабым лучиком, я отвел глаза от дороги, а когда вновь посмотрел вперед, увидел прямо в конусе света от фар нечто несущееся мне навстречу. В следующую долю секунды я, наверное, окаменел — мозг наотрез отказывался принять на веру то, о чем доложили чувства: навстречу пер динозавр.

Я не знаток динозавров и не желаю им становиться — на свете есть столько вещей, вызывающих у меня больший интерес. Но как-то летом я ездил в Монтану и провел неделю с палеонтологами, которые, задыхаясь от радости (и заливаясь потом), раскрывали, по собственному их выражению, кладбище костей и выкапывали Бог весть чем примечательные останки и осколки существ и событий, живших и бывших шестьдесят миллионов лет назад. И как раз при мне они обнаружили скелет трицератопса почти безупречной сохранности и пришли в великое возбуждение, поскольку находки трицератопсов вообще-то не редкость, скелетов хоть отбавляй, но у этого были какие-то мелкие отличия от всех без исключения найденных прежде.

И вот он самый, трицератопс, мчится прямо на меня по дороге — не ископаемый скелет, а гора живого мяса. Голову наклонил, выставил вперед, как два копыа, рога над глазами, а позади рогов блестящий костный щит. Мчится целеустремленно, громада тела, кажется, заполнила собой всю дорогу и уже набрала порядочную

скорость. Разумеется, у такой зверюги хватит силы, да и просто веса, раскатать автомобиль в металлический блин.

Я отчаянно крутанул баранку, не вполне сознавая, что делаю, но, по-видимому, осознав, что бездействовать нельзя. Возможно, я надеялся, что машина избежит тарана, если вкатится на склон чуть повыше, а может, думал даже, что сумею развернуться и пуститься наутек.

Машина дернулась и пошла юзом, конус света от фар соскользнул с дороги и завяз в путанице каменных осыпей и кустов крутогорья. Динозавра я больше не видел, но думал, что вот-вот раздастся страшный удар и в машину врежется его огромная бронированная голова.

Задние колеса заносило, пока они не сползли в кювет, а дорога была такая узкая, что передние колеса оказались на противоположной ее стороне. Машина поднялась на дыбы, меня откинуло на спинку сиденья, а ветровое стекло смотрело теперь прямо в небо. Двигатель заглох, фары потускнели, и я ощутил себя подсадной уткой, выставленной на дорогу в ожидании той секунды, когда старик трицератопс подденет меня рогами.

Дождаться этой секунды я не стал. Я распахнул дверцу, кубарем выкатился наружу и кинулся вверх по склону, натыкаясь на валуны и отскакивая как мячик от кустов. С мгновения на мгновение сзади на меня обрушится грохот, и... Но ничего не было.

Я споткнулся о камень, свалился в чащобу и основательно исцарапался, а с дороги все не доносилось ни звука. Странно, очень странна: трицератопс должен был бы уже сто раз наткнуться на машину, даже если бы брел вперевалочку, не спеша.

Кое-как выкарабкавшись из кустов, я съезжился на открытом склоне. Отблеск автомобильных огней, хоть и слабый, отраженный холмами, освещал дорогу в обоих направлениях футов на сто. Дорога была пуста, динозавра не было и в помине. Разумеется, он все равно может, должен рыскать где-то невдалеке. Чем занимаются динозавры, предоставленные самим себе? В одном я был уверен — я видел его ясно как днем, видел собственными глазами и узнал без ошибки. Может, он затаился во тьме и решил поохотиться на меня? Хотя в идее, что такая громоздкая тварь способна затаиться,

сквозило что-то абсурдное. Трицератопсы не созданы для того, чтобы таиться и прятаться.

И все равно я дрожал, припав к земле. По-над холмами погромыхивал гром, в свежем вечернем воздухе можно было различить аромат цветущих яблонь.

Но это же смешотворно! — воскликнул я про себя, прибегая к давнему проверенному психологическому приему. Не было там никакого динозавра и быть не могло. Ну откуда ему взяться среди холмов моего детства, в каких-то двадцати милях от милого родного городишки Пайлот Ноб! У меня просто разыгралось воображение. Увидел что-то непривычное и принял за динозавра.

Однако, что с психологическими приемами, что без, я видел его и, черт меня возьми, видел ясно. Я будто видел его до сих пор — блестящая складчатая шкура и глазенки как раскаленные угли, отражающие свет фар. Я не знал, что произошло и как это объяснить (потому что встретить трицератопса на сельской дороге через шестьдесят миллионов лет после того, как подход последний из их породы, конечно же, невозможно), — но принять за истину, что его там не было, я тоже не мог.

Поднявшись на нетвердые ноги, я начал осторожно красться назад к машине по усыпавшим склон шатким и острым камням, которые так и норовили выскользнуть из-под подошв. Гром гремел все сильнее. Холмы к западу от долины, куда должна бы вывести петляющая дорога, то и дело озарялись вспышками молний. Гроза быстро надвигалась, подступая ближе и ближе.

Машина застряла поперек дороги, задние колеса в кювете, кузов всего на дюйм-другой приподнят над полотном. Я залез на сиденье, выключил свет и нажал на стартер. Но, когда я сделал попытку тронуться, машина не шелохнулась. Задние колеса прокручивались с воем, потоки грязи пополам с мелкими камешками барабанили изнутри по крыльям. Я попытался подать немного назад, чтобы тронуться с разгона, — колеса продолжали вертеться вхолостую. И дураку было понятно, что завяз я прочно.

Я заглушил мотор и вылез, постоял немного, вылавливая в паузах меж раскатами грома хоть какой-нибудь звук, намекающий на большого зверя, который притаился во тьме. И не расслышал ровным счетом ничего.

Тогда я пошел пешком, по правде говоря, не слишком смело — да что там, по-прежнему перепуганный до смерти, готовый сорваться и бежать сломя голову при малейшем шевелении в темноте, при малейшем шорохе.

Впереди была ферма, та, что я приметил раньше. Свет все так же лился из единственного окошка, остальная часть дома тонула в потемках. Яркой синей вспышкой полыхнула молния, и я увидел, что это не дом, а домик, крохотная развалюха, прижатая к земле, с перекошенной под ветром, дико накренившейся трубой. Выше домика на склоне расположился ветхий амбар, навалившийся по-пьяному на одинокую копну сена, а за амбаром — навес для скота на отесанных столбах. При свете молнии он показался странным сооружением из белых отполированных костей. Позади домика высилась исполинская поленница, а рядом с ней — допотопный авторыван, опирающийся задом не на колеса, а на доску поперек козел.

Единственной вспышки оказалось довольно, чтобы я признал этот домик. Не этот конкретный домик, конечно, но тип жилища, к которому он принадлежал. Когда я мальчишкой бегал по окрестностям Пайлот Ноба, я видел таких немало — нищенские наделы (трудновато было назвать их фермами), где семьи, утратившие всякую надежду на лучшее, надрывались год за годом, лишь бы сохранить на плечах какую-то одежонку, а на столе — еду. Такие наделы были в этих краях двадцать лет назад и вот сохранились до сих пор, а значит, тут ничего не изменилось. Что бы ни происходило во внешнем мире, здешние люди, теперь я убедился, жили так же или почти так же, как повелось от века.

Путь озарили новые вспышки, с их помощью я вскарабкался по тропке к освещенному окошку и наконец добрался до дверей. Поднялся по шатким ступенькам на крыльцо, постучал.

Даже и ждать не пришлось. Дверь отворилась почти мгновенно. словно жильцы поджидали меня, словно предвидели встречу.

Тот, кто открыл мне, был плотен и седоват. На голове у него была шляпа, а в зубах — трубка. Зубы, сжимавшие трубку, изрядно пожелтели, а глаза, выглядывавшие из-под большой черной шляпы с нависшими полями, прежде были голубыми, да вылиняли.

— Ну входит, входит, — бросил он. — Не пялся без толку. А то гроза грянет, шкуру промочишь.

Я переступил порог, а он притворил дверь. Это оказалась кухня. Дородная тетка — голова крупная, тело еще крупнее, одета в бесформенное платье-балахон, а волосы повязаны тряпкой — стояла у плиты, где пылали дрова, и готовила ужин. Колченогий стол был готов к трапезе, то есть накрыт клеенкой, а на середину выставлен керосиновый фонарь.

— Извините, что беспокою вас, — вымолвил я, — но моя машина завязла на дороге, не сдвинуть. И кроме того, я, наверное, заблудился...

— Дороги тут путаные, — ответил мужчина. — Для тех, понятия, кто не привык. Иная вьется, вьется, а потом, глядишь, никуда и не приведет. А ты куда путь держишь, незнакомец?

— В Пайлот Ноб.

Он глубокомысленно кивнул.

— Выходит, ты не туда заехал. Тут, немного ниже, надо было в другую сторону поворачивать.

— Мне подумалось, — сказал я, — не согласитесь ли вы запрячь лошадь и вытянуть меня обратно на дорогу? Машину занесло, задние колеса попали в кювет. Я более чем охотно заплачу вам за ваши хлопоты...

— Слышь, незнакомец, присядь-ка, — перебил он, вытаскивая стул из-под стола. — Мы как раз собирались поесть, еды хватит на троих. Сделай милость, составь нам компанию.

— А как же машина? Я, признаться, спешу...

Он качнул головой.

— Ничего не выйдет. Сегодня, по крайней мере. Лошадей-то нет на конюшне, пасутся где-то, может, наверху на холмах. Не сможешь ты заплатить мне столько, и никто не сможет, чтобы я потопал их искать, когда вот-вот хлынет дождь и вокруг полно гремучих змей.

— Но гремучие змеи, — возразил я глуповато и невпопад, — по ночам не выползают...

— Вот что я тебе скажу, сынок, — заявил он. — Про гремучих змей никто ничего наверняка не знает.

— Извините, я не представился, — сказал я. — Меня зовут Хортон Смит.

Мне, по правде говоря, надоело, что он обращается ко мне «незнакомец» или «сынок». Но женщина вдруг

отпрянула от плиты, впрочем, не выпуская огромной вилки из рук, и обернулась.

— Смит! — воскликнула она радостно. — Но ведь наша фамилия тоже Смит! Мы случайно не родственники?

— Да нет, мать, — откликнулся мужчина. — Смитов на свете пруд пруди. Если чья-то фамилия Смит, то вовсе не обязательно, что он нам родня. Но, — добавил он, — сдается мне, что с однофамильцем не грех и выпить по маленькой.

Пошарив под столом, он вытащил объемистую банку. И достал с полки над головой пару стаканов.

— По виду ты вроде горожанин, — изрек он, — хотя доводилось слышать, что среди вас тоже есть не дураки выпить. Не скажу, что эту штуку можно назвать первосортным пойлом, но гнали ее из кукурузы без всяких примесей, и уж точно, что ты не отравишься. Только не глотай сразу помногу, а то дух перехватит. Зато после третьего-четвертого глотка можешь больше не трусить, потому как приспособишься. Кто бы что ни говорил, а в такую ночь нет ничего приятнее, чем присосаться к банке с самогоном. Я добыл эту у старого Джо Хопкинса. Джо гонит пойло у себя на острове, там на реке... — Он уже приподнял банку, намереваясь разлить содержимое по стаканам, как вдруг на лице его мелькнул испуг и он смерил меня пронизательным взглядом: — Слышь, а ты часом не из налоговых инспекторов?

— Нет, — заверил я его, — не из налоговых.

Он вернулся к прерванному занятию и наполнил стаканы.

— С ними ничего наперед не знаешь. Подкрадутся исподтишка, и не раскусишь. В прежние времена их было выдать за милоу, а теперь наловчились. Могут переселиться и выдать себя за кого угодно. — Он подпихнул один стакан по столу в мою сторону. — Мистер Смит, мне жаль, что я не могу услужить тебе. По крайней мере, сейчас не могу. Не сегодня, когда вот-вот начнется гроза. А утром я с полным удовольствием запрягу и вытащу твою машину из беды.

— Но она торчит поперек дороги и мешает движению.

— Мистер, — подала голос женщина от плиты, — пусть это вас не тревожит. Эта дорога никуда не ведет.

Перевалит за холм, дойдет до заброшенного дома и исчезнет.

— Говорят, — вставил мужчина, — там в доме водятся привидения.

— Может, у вас есть телефон? Я бы мог позвонить...

— Нет у нас телефона, — отозвалась женщина.

— Никогда не мог понять, — заявил мужчина, — на что людям телефон. Все время брякает. Кто-то звонит просто от нечего делать. А человеку не остается ни одной спокойной минуты.

— Телефоны денег стоят, — заметила женщина.

— Я мог бы спуститься по дороге пешком, — не унимался я. — Там ниже есть еще одна ферма. Может, у них...

Хозяин ожесточенно затряс головой.

— Давай бери стакан и отхлебни чуток. И не думай пройти по этой дороге пешком, если дорожишь жизнью. Не в моих привычках говорить о соседях дурно, но никому не дозволено держать свору таких свирепых псов. Конечно, они стерегут дом и отгоняют лисиц, но жизнь человека не стоит ни гроша, если он напорется на них в темноте...

Я поднял стакан и пригубил спиртное. Оно было дрянь дрянью, но внутри будто зажегся маленький костерок.

— Никуда вам неохота идти, — заметила хозяйка в мой адрес. — Дождь начинается...

Я отхлебнул еще глоток, и вкус самогона определенно улучшился. Он был вдвое слаще, чем в первый раз, и костер разгорелся сильнее.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Смит, — сказала хозяйка. — Я собираюсь подавать на стол. Отец, дай-ка ему тарелку и чашку.

— Но я же...

— Ерунда, — перебил хозяин, — ты ведь не откажешься с нами поужинать, не правда ли? Старуха сготовила похлебку из свиной грудинки с зеленью, и на пробу похлебка была хороша. Никто на свете не варит такую похлебку лучше. Я тут сидел и пускал слюнки, поджидая, покуда она поспеет... — Он взглянул на меня пристально и задумчиво. — Держу пари, тебе вовек не доводилось пробовать настоящей свиной грудинки. Это не городская еда.

— Ошибаетесь, — ответил я. — Доводилось, только много лет назад.

Скажу по совести, я был голоден, и свиная грудинка представлялась мне чудом из чудес.

— Давай, — сказал хозяин, — приканчивай свой стакан. Тебя проберет до пяток.

Я прикончил самогон, а он полез на полку, достал оттуда тарелку и чашку, а из ящика — вилку, ножик и ложку и освободил мне место за столом. Женщина подала еду, водрузив кастрюлю в центре стола.

— Ну вот, мистер, — сказала она, — пододвиньте стул поближе к тарелке. А ты, отец, вынь-ка трубку из рта. — И пояснила для меня: — Довольно и того, что он никогда не снимает шляпу, даже спит в ней, но не переваривает, когда он сидит за столом и норовит засунуть вилку в рот, не разжимая зубов, чтоб не выпустить трубку. — Она опустилась на свое место и вновь обратилась ко мне: — Действуйте, лезьте в кастрюлю и накладывайте, сколько хотите. Это не ресторан, но у нас чисто и еды вдосталь, и надеюсь, вам придется по вкусу...

Еда оказалась очень вкусной и сытной, и ее действительно было вдосталь — словно, подумалось мне, они заранее предвидели, что к ужину пожалует кто-то третий.

В разгар ужина начался дождь. Он перешел в ливень, плотные полосы хлестали по шаткому домику с таким шумом, что приходилось повышать голос, чтобы слышать друг друга.

— Ничего нет лучше свиной грудинки, — заявил хозяин, как только скорость, с которой он поглощал еду, начала снижаться, — ну может, кроме опоссума. Возьмешь опоссума, сготовишь его с молодой картошкой — и уж поверь, лезет в глотку ну как по маслу. Мы, бывало, частенько его готовили, да вот уж не упомяну, когда в последний раз. Чтоб добыть опоссума, нужен пес, а как наш Пастор состарился и издох, у меня не хватило духу завести другую собаку. Честно, я любил эту псину и хотел было заменить его, да не смог.

Хозяйка смахнула слезу.

— Он был самый лучший пес из всех, какие у нас жили, — сказала она. — Прямо член семьи. Спал под плитой, там иной раз такая жара, что у него шкура чуть не дымилась, а ему хоть бы хны. Наверно, ему нрави-

лось, когда жарко. Может, кому подумается, что Пастор — странная кличка для собаки, но он же был в точности как пастор. И вел себя как пастор, всегда серьезный, а то вроде печальный, но с достоинством...

— Ну это пока не учует опоссума, — вставил хозяин. — А как учует, просто сходит с ума от ярости.

— Не подумайте, что мы какие-нибудь безбожники, — добавила женщина. — Но вот не было для него другой клички, хоть плачь. Он выглядел как пастор, вот и все.

Мы покончили с едой, и хозяин, засунув трубку обратно в рот, опять потянулся за банкой.

— Спасибо, — сказал я, — больше не буду. Мне надо идти. Если вы разрешите взять пару поленьев из поленицы, я попробую подсунуть их под колеса...

— Не советую, — заявил хозяин. — В такую бурю никак не советую. Да это же скандал, за это в тюрьму сажать надо, если я соглашусь выпустить тебя в такую погоду. Ты останешься здесь, в тепле и уюте, мы с тобой маленечко выпьем, а уж поутру начнешь со свежими силами. Правда, у нас нет второй кровати, но ты можешь прилечь на кушетке. Устроишься как следует, заснешь за милую душу. А утром спозаранку лошади заявятся домой, мы их запрежем и вытянем тебя из канавы...

— Даже не предлагайте, — запротестовал я. — Я и так причинил вам столько беспокойства...

— Это ведь прямо счастье, что ты заглянул к нам, — ответил он. — Новый человек, с которым можно потолковать, такое выпадает не часто. Мы с матерью по вечерам сидим и глядим друг на друга. Молча сидим. Мы уже столько лет говорим друг с другом, что давно выговорились. — Он наполнил мой стакан и вновь подпихнул его ко мне через стол. — Бери смелее и будь благодарен судьбе, что в такую ночь у тебя есть крыша над головой. И не желаю больше даже слышать о том, что ты уйдешь отсюда раньше утра.

Я поднял стакан и сделал добрый долгий глоток, и должен признать, что идея не выходить наружу в грозовую ночь приобрела известную привлекательность.

— В конце-то концов, — продолжал хозяин, — если у меня не осталось пса и я не могу поохотиться на опоссума, в этом тоже есть свое преимущество. Мне точно не хватает старины Пастора. Но, когда нет соба-

ки, у человека остается больше времени посидеть. Ты еще молод и неспособен это понять, но это же самое ценное время в жизни. Сидишь и думаешь, сидишь и мечтаешь и становишься лучше, чем был. Большинство подонков, что попадают нынче на каждом шагу, стали такими оттого, что у них не находилось времени посидеть. Они все торопятся, все бегут и воображают, что бегут к какой-то цели, а на самом деле бегут от самих себя.

— По-моему, это правда, — откликнулся я, имея в виду себя самого. — По-моему, это самая настоящая правда.

Я хлебнул самогона, и это было так замечательно, что я хлебнул еще.

— Эй, парень, — обратился ко мне хозяин, — ну-ка тяни сюда свой стакан. А то, гляжу, у тебя там почти ничего не осталось.

Я подчинился. Банка булькнула, и стакан был опять полнехонек.

— Вот мы сидим, — разглагольствовал он, — устроились, как тараканы за печкой, и ни черта нет у нас никаких дел, кроме как сидеть, и пить помаленьку, и болтать по-дружески, и наплевать нам, сколько времени прошло и который час. Время, — добавил он поучительно, — наш лучший друг, если мы умеем им распорядиться, и наш худший враг, если мы позволяем ему распоряжаться нами. Большинство из тех, кто живет по часам, несчастные существа. Если живешь по солнцу, тогда другое дело.

Я понимал, что тут что-то неладно. Я чувствовал привкус какой-то неладности. Словно я был знаком с этой парой когда-то раньше, словно встречал их где-то годы назад и вот-вот непременно вспомню снова, вспомню, кто они, что за люди и где мы познакомились. Но как я ни шарил в памяти, она не подчинялась, воспоминание ускользало.

А хозяин говорил и говорил, и я понял, что слушаю его вполуха. Помню, что он толковал про охоту на енотов, и про то, на какую наживку брать сома-усача, и еще много о чем. Все это было очень мило, но я вне сомнения упустил множество подробностей.

Я прикончил стакан и, не дожидаясь предложения, протянул его хозяину, чтобы наполнить по новой, и хозяин наполнил, и все шло так хорошо и славно —

огонь ворчал в печи, часы на полке у двери, что вела в кладовку, тикали громко и общительно, и комната замкнулась в себе. Утром жизнь возьмет свое, я найду пропавшую развилку и продолжу путь в Пайлот Ноб. А пока что, втолковывал я себе, мне выпало время досуга, время отдыха, — можно просто сидеть, и пусть часы тикают себе на здоровье, и можно ни о чем не думать или, по крайней мере, ни о чем особенно не задумываться. От выпитого самогона меня порядком развезло, и я понимал, что развезло, но не имел ничего против. Я по-прежнему сидел и слушал, не вслушиваясь, и думать не думал о завтрашнем дне.

— Между прочим, — спросил я, — а как в этом году динозавры, не досаждают?

— Да бродит тут несколько, — ответил он беззаботно, — только, сдается мне, помельче они пошли нынче, не то что прежде...

И как ни в чем не бывало завел байку о том, как срубил дерево, где было дупло с пчелами, а потом стал вспоминать год, когда кролики нажрались ядовитого астрагала и сделались такими задиристыми, что, сбившись стаями, гоняли медведя гризли по всей округе и чуть не затравили его. Но это, наверное, случилось где-нибудь в другом месте, потому что в этих краях, мне было точно известно, астрагал не рос, да и гризли никогда не водились.

Последнее, что я помню, — как устраивался на кушетке в другой комнате, а хозяин стоял подле меня с фонарем. Я снял пиджак и повесил на спинку стула, стащил ботинки и, старательно выровняв, поставил рядышком на полу. Затем распустил галстук и растянулся на кушетке, и, как хозяин и обещал, мне стало очень удобно.

— Ты хорошо выспишься, — заверил он. — Барни, когда гостил у нас, всегда ночевал здесь. Барни здесь, а Спарки на кухне...

И внезапно, как только эти два имени коснулись меня, я вспомнил! Я предпринял отчаянную попытку приподняться, и мне это почти удалось.

— Знаю! — закричал я. — Теперь я знаю, кто ты! Ты Курыка Смит из того же комикса, что Пучеглаз Барни, и Затычка Спарки, и Веселая Веснушка, и вся ваша компания!..

Я хотел сказать еще что-то и не сумел, да, в общем, это было и неважно — или не слишком важно.

Я рухнул обратно на кушетку и замер в изнеможении, а Куряка ушел, забрав с собой фонарь, а по крыше над моей головой без умолку стучал дождь.

Я заснул под стук дождя...

И проснулся среди гремучих змей.

Глава 2

Меня спас страх — животный, мертвящий страх, вогнавший тело в оцепенение на несколько секунд, которых как раз хватило, чтобы разум осознал ситуацию и принял решение.

Надо мной, нацелившись мне точно в лицо, вздымалась безобразная смертоносная голова. Ничтожная доля секунды, столь быстротечная, что лишь самая скоростная камера могла бы ее запечатлеть, — и выпад! Жуткие изогнутые клыки уже подняты наготове.

Шевельнись я, и они бы ужалили.

Но я не шевелился, потому что не мог шевельнуться, потому что страх, вместо того чтобы толкнуть меня к мгновенному непроизвольному действию, обратил тело в камень, в ледяную статую, завязал мускулы тугим узлом, сковал сухожилия, покрыл руки и спину гусиной кожей.

Нависшая надо мной голова казалась вырезанной из кости, вырезанной небрежно и грубо, глазки сверкали тусклым блеском свежесколотого камня, еще не знавшего полировки, а в промежутке между глазками и ноздрями были ямки, которые, говорят, служат датчиками радиации. Раздвоенный язык выстреливал и исчезал, напоминая, пожалуй, игру молний в небе, пробуя мир на вкус и на ощупь, снабжая крохотный мозг, спрятанный в глубине черепа, первичными фактами: что это за существо, на котором я, змея, очутилась неожи-

данно для себя? Змеиное тело было мутно-желтым с более темными полосами, переходящими в косые ромбовидные узоры. И змея была большой, — может, и не такой большой, как померещилось в первый момент страха, когда я заглянул ей в глаза, — но достаточно большой, чтобы чувствовать ее вес на груди.

Crotalus horridus horridus — гремучая змея!

Она знала, что я тут. Зрение, может быть, и слабенькое, все же поставляло ей какую-то информацию. Раздвоенный язык — тем более. А эти радиационные ямки, возможно, измеряли температуру моего тела. Она была в смутном замешательстве — настолько, насколько пресмыкающиеся способны на замешательство. Она была в неуверенности и нерешительности. Друг или враг? Слишком велик для того, чтобы стать пищей, но вполне может оказаться угрозой. И я знал наверняка, что при малейшем признаке угрозы она ужалит.

Мое тело вышло из повиновения, страх сковал его, но сквозь пелену страха пробилась мысль, что еще мгновение, скованность пройдет — и я попробую удрать, попробую в безнадежном броске переместиться так, чтобы эта тварь меня не достала. Однако мой мозг, пусть и затуманенный страхом, работал с холодной логикой отчаяния и приказывал мне не двигаться, оставаться оцепенелой колодой как можно дольше. В этом был мой единственный шанс на спасение. Любое движение может быть истолковано как угроза, и змея решит защищаться.

Я смежил веки, смежил медленно-медленно, чтобы даже не моргать больше, и погрузился во тьму, а в горле вставал жгучий желчный комок, и паника сводила желудок.

Не двигайся, — повторял я себе. — Не шелохнись, не шевельни пальцем и не вздумай дрожать...

Труднее всего оказалось держать глаза закрытыми, но надо, надо! Даже такая мелочь, как внезапное движение век, может заставить змею ужалить.

Тело мое кричало криком — каждый мускул, каждый нерв, каждый пупырышек на коже требовали, чтобы я удирал. Но я приказывал телу лежать — та часть меня, что была рассудок, разум, сознание. Откуда-то просочилась непрошенная мыслишка, что никогда во всей моей жизни разум и тело не вступали в такой явный конфликт друг с другом.

Мурашки терзали кожу, словно по ней топотали миллионы грязных ног. Кишечник бунтовал, его крутило и переворачивало. Сердце колотилось так, что я, казалось, вот-вот распухну и лопну или просто задохнусь от кровяного давления.

А на грудь по-прежнему давил вес.

Я пытался угадать, как змея ведет себя, по характеру этого веса. Изменила ли она позу? Не стряслось ли чего-нибудь, что могло бы склонить змеиные мозги к агрессии? А вдруг она как раз сию секунду тянется вверх, изгибаясь буквой S, что всегда предшествует атаке? Или, наоборот, опускает голову и готовится уползти, удостоверившись, что я не представляю собой угрозы?

Если бы я мог открыть глаза и узнать все наверняка! Поистине, это была задача, непосильная для живой плоти, — знать об опасности, осознавать опасность и не видеть ее, напряжением воли заставляя себя не видеть.

Но я держал веки смеженными — не зажмуренными, не плотно сжатыми, а именно смеженными самым естественным образом, какого только мог добиться: откуда мне было знать, а вдруг даже шевеление лицевых мускулов, нужное для того, чтоб зажмуриться, встревожит змею?

Я даже дышать старался как можно легче: ведь дыхание — тоже движение. Хотя, с другой стороны, я убеждал себя, что за это время змея должна бы уже привыкнуть к ритму дыхания.

И вот змея зашевелилась.

Тело мое тут же напряглось против воли — но, раз уж напряглось, — я так и оставил его напряженным. Змея сползла вниз по груди, по животу, — казалось, движение будет длиться до бесконечности, — но конец наступил, змея проползла, и ее не стало.

Ну! — вскричало тело, — ну же, пора удирать! Но я вновь удержал тело в повиновении и медленно открыл глаза, так медленно, что зрение возвращалось постепенно, мало-помалу, сперва туманные контуры сквозь ресницы, потом контуры чуть пояснее сквозь узкие щелочки и, наконец, зрение в полном объеме.

Когда глаза открылись в первый раз, я не рассмотрел ничего, кроме безобразной сплюсненной змеиной головы, нацеленной мне в лицо. Теперь я увидел футах в

четыре над собой скальный свод, снижающийся справа налево. И одновременно ощутил промозглый запах пещеры.

Я лежал вовсе не на кушетке, где засыпал под стук дождя по крыше. Подо мной была такая же, как свод, скальная плита — дно пещеры. Чуть скосив глаза, я разглядел, что пещера неглубока, что она, по сути, всего-навсего горизонтальная расщелина, выбитая непогодой в обнажениях известняка.

Змеиное логово! — понял я. Та змея не единственная здесь, тут их может быть сколько угодно. А значит, я должен по-прежнему лежать тихо, по крайней мере пока не приду к убеждению, что больше змей нет.

Утреннее солнце пробивалось в расщелину сбоку, касаясь правой стороны моего тела и чуть пригревая ее. Я глянул в том направлении и обнаружил, что от самого подножия холма к пещерке ведет неширокая ложбина. И там, внизу ложбины, видна дорога, по которой я ехал вчера, и поперек дороги торчит, накренившись, машина. Моя машина. А вот домика, что стоял здесь накануне, нет и в помине. Ни амбара, ни навеса для скота, ни поленницы. И вообще ничего. Между дорогой и тем местом, где я лежу недвижим, — склон холма, пастбище, запятнанное кое-где густым кустарником, зарослями ежевики и отдельными деревцами.

Можно бы заподозрить, что это совсем другое место, если бы не моя собственная машина там на дороге. Но раз машина торчит на дороге как торчала, значит, место то самое, только с ним, а заодно и с домиком, что-то случилось. И уж тут впору было рехнуться — такого просто не бывает. Дома и стога, навесы для скота и поленницы не пропадают ни с того ни с сего. Рывданы, подпертые доской, не пропадают тоже.

В глубине расщелины послышался какой-то шелест, сухой треск, и что-то быстрое и жесткое, скользнув по моим коленям, шурша скрылось в куче прошлогодних листьев: высушенные за зиму, они скопились на склоне у порога пещерки.

Тело мое взбунтовалось. Слишком долго его продержали в страхе. Им руководил инстинкт, которому разум не мог больше противостоять: рассудок еще протестовал вовсю, а я уже пружиной вылетел из пещерки и поднялся на ноги ни жив ни мертв. Передо мной, чуть правее, вниз по склону стремительно ускользала змея.

Достигнув зарослей ежевики, она юркнула в них и уже не выдавала себя ни малейшим шорохом.

Все застыло недвижно и беззвучно, и я замер на склоне, напряженно поджидая хоть какого-нибудь движения, какого-нибудь звука. Осмотрел почву вокруг, затем повторил осмотр медленнее и основательнее. Едва ли не первым, что я увидел, был мой собственный пиджак, лежавший на земле, но не кое-как, а словно я бережно опустил его — словно, подумал я с ужасом, у меня было намерение повесить его на спинку стула, да только стула не оказалось. А на шаг-другой выше стояли мои ботинки, аккуратно, рядышком, пятками к вершине холма. И только увидев эти ботинки, я понял, что стою в одних носках.

Змей видно не было, хотя в глубине пещерки что-то ворочалось, но там была темень — не разглядеть. Какая-то птичка спустилась из поднебесья и устроилась на сухом старом пне, посматривая на меня блестящими глазами-бусинками, а откуда-то издали, из долины, донеслось звяканье коровьего колокольчика.

Я осторожно подступил к пиджаку и потрогал его ногой. Ни под ним, ни в нем как будто не было ничего постороннего, и я рискнул наклониться, поднять его и встряхнуть. Потом подобрал ботинки, но надевать не стал — это значило бы задержаться, — а начал отступать по склону вниз, вниз, подавляя в себе яростное желание броситься бегом, скатиться с холма кубарем, лишь бы покончить с наваждением и добраться до машины. Но нет, я переступал еле-еле, осматривая каждый фут в поисках змей. Склон наверняка кишмя кишит ими: одна была у меня на груди, вторая скользнула по коленям, третья шуршала в глубине пещерки, и Бог знает, сколько их тут еще.

Однако больше змей я не встретил. Зато наступил правой ногой на чертополох и до конца пути вынужден был идти на цыпочках, чтобы колючки, вцепившиеся в носок, не впивались еще сильнее. Но змей не было, — по крайней мере, они не показывались.

А может, — мелькнула мысль, — змеи испугались меня не меньше, чем я их?.. Ну нет, они-то не испугались. Я наконец заметил, что весь дрожу, даже зубы стучат. У подножия холма, подле самой дороги, я бесильно опустился на травку, подальше от зарослей и валунов, где могли таиться змеи, и выковырял колючки.

Потом попытался надеть ботинки, но руки тряслись и не слушались, и только тут до меня дошло, как я был перепутан, но едва я постиг глубину своего страха, как испугался еще сильнее.

Желудок поднялся к горлу и ударил меня в лицо, но сил хватило лишь на то, чтобы перекатиться на бок. Меня вырвало, и спазмы продолжались еще долго после того, как в желудке совсем ничего не осталось.

И все-таки мне полегчало, и в конце концов я отер подбородок, ухитрился надеть ботинки и даже завязать шнурки, а потом доковылял до машины и прислонился к ней, чуть не обняв ее от счастья. И, обнимаясь с уродливой кучей железа, я понял, что машина отнюдь не застряла. Канава была куда мельче, чем я вообразил накануне.

Я залез в машину и протиснулся за баранку. Ключи обнаружили у меня в кармане, мотор завелся без промедления. Машина тронулась как ни в чем не бывало, и я поехал вниз по дороге — в направлении, обратном вчерашнему.

Было раннее утро, солнце взошло, вероятно, не более часа назад. Паутина, заткавшая придорожную траву, еще блестела от росы, а в небе крутились жаворонки, роняя на землю обрывки своих звонких песен.

Я одолел поворот — и увидел исчезнувший дом! Стоит себе невдалеке от дороги, со своей безумно накрепко застряла в кювете. Я же пытался тронуться, колеса крутились, а она ни с места. Может, я и напился допьяна, но все равно не мог представить себе, чтобы

Увидеть все это вновь было для меня ударом, и разум заработал с бешеной скоростью, пытаясь хоть как-то свести концы с концами. Прежде всего, я явно ошибся, решив, что, раз машина осталась на дороге, значит, дом исчез. Потому что вот он, дом, в точности такой, как несколько часов назад. Логика требовала предположить, что дом стоит как стоял всегда, а машину могли и передвинуть, да и меня перенесли на добрую милю вверх по дороге.

В таком предположении тоже не было смысла, более того, оно казалось неосуществимым. Машина вчера накрепко застряла в кювете. Я же пытался тронуться, колеса крутились, а она ни с места. Может, я и напился допьяна, но все равно не мог представить себе, чтобы

меня волокли целую милю и затащили в змеиное логово и чтобы я этого вообще не заметил.

Все это было полным бредом — нападающий трицератопс, испарившийся прежде, чем завершить атаку, машина, застрявшая в кювете, Куряка Смит со своей женой Лаузи и даже кукурузное пойло, которое мы с ним глотали, сидя за кухонным столом. Ведь я не ощущал похмелья — я бы почти обрадовался ему, потому что тогда можно было бы списать любые невероятные события на то обстоятельство, что я напился до чертиков. Ну не может человек выпить столько дрянного самогона, сколько я припоминал, что выпил, и не ощущать никаких последствий. Разумеется, меня вырвало, но слишком поздно для того, чтобы это могло повлиять на мое состояние. К тому времени вся гадость, что была растворена в самогоне, должна бы добраться до каждой клеточки тела.

И тем не менее передо мной красовался, по-видимому, тот самый дом, где я искал приюта вчера вечером. Конечно, я разглядывал его тогда при неверном свете молний, но и сегодня все здесь было так, как запомнилось.

Но при чем тут трицератопс, — недоумевал я, — и зачем гремучие змеи?.. Динозавр, вероятно, не представлял собой особой опасности (возможно даже, что он мне пригрезился, хотя я по-прежнему не склонен был верить в это), но уж гремучие змеи были самыми настоящими. Они были частью жуткой схемы преднамеренного убийства, а кому на свете могло понадобиться убить меня? И даже если кому-то понадобилось, по неведомым мне причинам, то уж, конечно же, он предпочел бы более простые, не столь замысловатые способы добиться своего.

Я плясая на дом так неотрывно, что чуть не слетел с дороги. Но в последний момент все-таки успел рвануть руль и совладать с машиной.

Взять хотя бы то, что вечером вокруг дома не было никаких признаков жизни, а сейчас они появились. Со двора вылетела свора сердитых псов и устремилась к дороге, гавкая на машину. Ей-ей, никогда в жизни я не видывал такого множества собак, тем более таких поджарых и тощих: даже на расстоянии нетрудно было различить просвечивающие под шкурами ребра. В большинстве это были охотничьи собаки со свисающими

ушами и худосочными хвостами-хлыстиками. Одни слаем устремились к воротам и стали протискиваться на дорогу в намерении прогнать меня, другие поленились добираться до ворот, а просто перемахнули через забор одним высоким прыжком.

В доме распахнулась дверь, на крыльцо вышел мужчина и заорал на собак. Услышав оклик, вся свора враз притормозила, застыла, а затем стала пятиться назад к дому, точь-в-точь как мальчишки, застигнутые на арбузной делянке. Этим псам было отлично известно, что их держат не за тем, чтоб охотиться на проезжающие машины.

Однако я уже не обращал большого внимания на собак, а во все глаза смотрел на того, кто вышел и окликнул их. Когда он вышел, я, в сущности, не сомневался, что это Куряка Смит. Сам не понимаю почему, — вероятно, мне просто нужна была зацепка, чтобы хоть сколько-нибудь логично объяснить происшедшее. Только это оказался не Куряка Смит. Мужчина был заметно выше, чем Куряка, и не носил шляпы, и у него не было трубки. Тогда я сообразил, что мужчина никак не мог оказаться Курякой — ведь у того вечером не было ни одной собаки. Это был сосед, о котором Куряка предупреждал меня, сосед со сворой свирепых псов. Не вздумай пройтись по этой дороге пешком, предупреждал Куряка, если дорожишь жизнью...

А мне чуть не стоило жизни то, что я предпочел остаться с Курякой и сидеть с ним за кухонным столом, распивая самогон.

Но неужто я мог хоть на миг поверить, что вечером действительно гостил у Куряки Смита! Такой человек никогда не существовал, не мог существовать. Он и его туповатая женушка были сумасбродными персонажами, выдуманными для комиксов. Но, сколько бы я ни твердил себе это, у меня ничего не получалось, объяснение не клеилось.

Не считая собак и мужчины, вышедшего на двор, чтобы наорать на них, дом оставался точной копией того, что облюбовал Куряка. И эта схожесть была вообще за пределами понимания.

И вдруг я заметил нечто отличное от вечернего воспоминания и мгновенно почувствовал себя куда лучше, куда дальше от помешательства, хотя это был совершенный пустяк, который, казалось бы, не должен

влиять на самочувствие. Да, у поленницы стоял рыдван, но зад рыдвана не был поднят на доску поперек козел. Рыдван опирался на все четыре колеса. Правда, козлы и доска оставались рядом, прислоненные к поленнице, будто рыдван недавно чинили, но теперь привели в порядок и подпорки можно отставить.

Я уже почти проехал мимо, и снова машина едва не слетела в кювет, и снова я выправил ее в последний момент. Вывернув шею, я окинул дом прощальным взглядом и заметил, что у ворот на стойке висит почтовый ящик.

Грубыми печатными буквами, дрянной малярной кистью, с которой капала краска, на ящике было выведено имя:

Т. УИЛЬЯМС *.

* Выбор имени, по-видимому, не случаен: его можно воспринять как намек на знаменитого американского драматурга Теннесси (настоящее имя — Томас) Уильямса, излюбленные мотивы которого — неспособность людей понять друг друга, противостояние личности враждебному окружению. (Здесь и далее примеч. перев.)

Глава 3

Джордж Дункан постарел, но я все равно узнал его в ту же минуту, как вошел в лавку. Он был теперь седой и по-стариковски изможденный, он нетвердо стоял на ногах — и все-таки это был Дункан, тот самый, кто совал мне бесплатно пакетик мятных леденцов, покуда отец покупал что-нибудь из круп или, допустим, мешок отрубей, который приходилось тащить волоком из задней комнаты, где хранился корм для скота.

Джордж стоял за прилавком и разговаривал с какой-то женщиной. Голос у него был надтреснутый, но слова звучали отчетливо.

— Да они, дети этого Уильямса, всегда были шальные, — дребезжал он. — С самого того дня, как они приперлись сюда, от Тома Уильямса и его семейки здесь не видывали ничего, кроме горя. Говорю вам, мисс Адамс, они неисправимы, и будь я на вашем месте, я бы, конечно, учил их на совесть, но уж если набезобразничали, не давал бы им спуску, вот и вся премудрость...

— Но, мистер Дункан, — отвечала женщина, — они вовсе не такие плохие. Конечно, им не дали должного семейного воспитания, и манеры у них отвратительные, но по натуре они не злобные. На них давят нужда и лишения, вы и представить себе не можете, какие лишения на них давят...

Он ухмыльнулся, показав корявые зубы, и ухмылка вышла мрачной, а отнюдь не добродушной.

— Да знаю, знаю! Вы говорили мне это всякий раз, как они влипали в какую-нибудь историю. Они, мол, отверженные. Сдается мне, вы говорили именно так.

— Совершенно верно, — подтвердила она. — Отверженные в ребячьей среде, отверженные в поселке. У них отобрали чувство собственного достоинства. Держу пари, когда они заходят к вам в лавку, вы же с них глаз не спускаете...

— Точно, не спускаю. А то они обчистят меня до нитки.

— С чего вы взяли?

— Ловил их с поличным.

— Это от обиды. Они просто мстят.

— Мне им мстить не за что. Я не делал им ничего дурного.

— Может, в одиночку, мистер Дункан, и не делали. Не делали лично. Но делали и делаете вместе с остальными. Ребята чувствуют, что все вокруг настроены против них. Они знают, что никому не милы. В этой общине им просто нет места, и не потому, что они что-то там натворили, а потому, что здесь решили раз и навсегда считать семью Уильямсов никчемной. Вы ведь, по-моему, сами недавно так и сказали — никчемная семейка?..

Лавка, насколько я мог судить, почти не изменилась. На полках появились какие-то новые товары, а каких-то бывших товаров не хватало, но сами полки остались прежними. Старенький круглый стеклянный жбан, где когда-то держали крути сыра, исчез, зато древний резак, которым пользовались, чтобы разделить плитку жевательного табака на квадратики, был все так же привинчен к дальнему концу прилавка. В углу теперь расположился холодильник для молочных продуктов (что, наверное, и объясняло исчезновение сырного жбана), но это была единственная существенная перемена во всей лавке. Центр ее по-прежнему занимала пузатая печка на подушке из песка, а вокруг по-прежнему стояли стулья с поцарапанными спинками и сиденьями, затертыми до блеска. Ближе к входной двери располагалась все та же вереница почтовых ящиков и окошечко, где продавались марки, а открытая поодаль дверь вела в заднюю комнату, откуда шел, как встарь, резкий запах корма — груды джутовых и бумажных мешков поднимались там чуть не до потолка.

Ну словно я заходил сюда только вчера, — подумалось мне. — А наутро зашел опять и вот слегка удивлен тем, что за ночь кое-что изменилось...

Я выглянул на улицу сквозь пыльную, засиженную мухами витрину. Там, на улице, какие-то перемены произошли, но их оказалось тоже немного. На углу напротив банка был, как мне помнилось, пустующий участок — теперь его заняла автомастерская, наспех сложенная из бетонных блоков, а перед ней бензозаправка, проще сказать, одинокий насос с облупившейся краской. Рядом в крохотном домике была парикмахерская, и она не изменилась, разве что выглядела еще обшарпаннее и требовала ремонта еще настоятельнее, чем прежде. А бок о бок с парикмахерской был магазинчик скобяных товаров, так тот, по-моему, не изменился совсем.

Разговор в лавке, по-видимому, подошел к концу, и я обернулся. Женщина, что спорила с Дунканом, уже направлялась к двери. Она была моложе, чем показалось, когда я смотрел на нее со спины. На ней были серый жакетик и юбка, угольно-черные волосы туго зачесаны назад и завязаны узлом. Она носила очки в светлой пластмассовой оправе, а на лице у нее застыли озабоченность и гнев в странном сочетании друг с другом. Шагала она размашисто, почти по-военному, и вообще напомнила мне секретаршу какого-нибудь большого начальника — деловитую, лаконичную и не намеренную терпеть вольностей ни с чьей стороны. В дверях она задержалась и задала Дункану прощальный вопрос:

— Так вы придете сегодня к нам на вечер? Или нет?

Дункан усмехнулся, показав свои корявые зубы.

— Ни разу не пропускал ваших вечеров. Ни разу за много лет. С чего бы я вдруг изменил своим привычкам?

Она распахнула дверь и удалилась. Краем глаза я видел, как она вышагивает по улице, быстро и целеустремленно. Дункан выбрался из-за прилавка, прошаркал мне навстречу и осведомился:

— Чем могу служить?

— Меня зовут Хортон Смит. Я просил, чтобы...

— Постой, погоди минутку, — перебил он, всматриваясь пристальнее. — Когда на это имя начала поступать почта, я, разумеется, признал его, но сказал себе, что здесь какая-то ошибка. Я думал, может стать...

— Никакой ошибки нет, — заверил я, протягивая ему руку. — Как поживаете, мистер Дункан?

Он схватил мою руку и вцепился в нее мертвой хваткой.

— Малыш Хортон Смит, — произнес он. — Ты обычно приходил сюда со своим папаней...

— А вы обычно давали мне пакетик леденцов.

Его глаза сверкнули из-под тяжелых бровей, и прежде чем отпустить мою руку, он потряс ее снова как мог сердечнее.

Все будет хорошо, — сказал я себе. — Старый Пайлот Ноб еще жив, и я здесь не посторонний. Я вернулся домой...

— И ты тот самый, — не то спросил, не то сообщил он, — кто выступает по радио, а иногда и по телевидению. — Я не стал этого отрицать, и он продолжал: — Пайлот Ноб гордится тобой. Сперва нам странновато было слушать нашего местного мальчугана по радио, сидеть с ним лицом к лицу, когда он на экране. Но понемножку мы привыкли и в большинстве стали твоими постоянными слушателями. И взяли за правило потом обсуждать твои передачи и повторять друг другу: Хортон, мол, сказал так или эдак, и твое мнение для нас стало авторитетным. Но, — внезапно спросил он, — а чего ты вернулся? То есть не пойми, что мы не рады тебе...

— Думаю пожить здесь какой-то срок, — ответил я. — Несколько месяцев, а может, и год.

— Что, отпуск?

— Нет, не отпуск. Хочу написать кое-что. А чтобы написать, надо куда-то скрыться. Куда-то, где найдется время писать и думать, перед тем как писать.

— Это будет книга?

— Да, надеюсь, что книга.

— Ну что ж, сдается мне, — он потер ладонью затылок и шею, — у тебя найдется много чего написать. Может, такое, чего не скажешь в эфире. Все эти заграницы, где ты побывал. Ты же где только не был!..

— Да, довелось кое-где побывать, — согласился я.

— А в России? Что ты думаешь о России?

— Мне понравились русские. Они показались мне во многом похожими на нас.

— Что, на американцев?

— На американцев, — подтвердил я.

— Иди сюда к печке, — предложил он, — давай посидим, потолкуем. Сегодня я, правда, не разводил огня. По-моему, в нем сегодня нет нужды. Помню, будто это было вчера, как твой папаня усаживался на один из этих стульев и беседовал с нами. Хороший он был человек, твой папаня, только я всегда говорил, что негоже ему быть фермером, это не для него. — Мы уселись, и Дункан спросил: — А он, твой папаня, живой еще?

— Живой. И он и мама, оба живые. Они в Калифорнии. Ушли на покой, живут в достатке.

— А у тебя есть где остановиться?

Я покачал головой.

— Ниже по реке открыт мотель, — сказал Дункан. — Построен всего год или два назад. Содержит его семья Стритеров, они в здешних краях новички. Дадут хорошую скидку, если задержишься у них дольше чем на пару дней. Я поговорю с ними.

— Право, не беспокойтесь...

— Но ты же не простой постоялец. Ты наш местный, решивший вновь пожить здесь. Они захотят познакомиться с тобой.

— А как там насчет рыбной ловли?

— Лучшее местечко на всей реке. У них есть лодки напрокат и даже каноэ, хотя никак не возьму в толк, кто и зачем станет рисковать головой, плавая тут на каноэ...

— Мечтал найти что-нибудь в этом духе, — признался я. — Боялся, что таких мест уже не осталось.

— По-прежнему помешан на рыбалке?

— Мне нравится рыбачить.

— Помню, когда ты был мальчишкой, то здорово ловил голавлей.

— Голавль — хитрая добыча.

— Тут до сих пор много старожил, кого ты вспомнишь. И все захотят повидать тебя. Почему бы тебе не заглянуть сегодня в школу на вечер? Там наверняка будет много народу. Ты только что видел в лавке учительницу, ее зовут Кэти Адамс.

— У вас все та же школа с единственной классной комнатой?

— А ты как думал? На нас давили, чтобы мы объединились с другими общинами, но, когда дошло до голосования, мы эту затею провалили. В одной комнате

можно учить ребятишек ничуть не хуже, чем в новой школе со всеми выкрутасами, а обходится куда дешевле. Если кто из ребят захочет продолжать в средней школе, мы вносим плату за обучение, но, по правде, немногие соглашались уехать. Все равно выходит дешевле, чем если объединяться с другими. Да и к чему тратиться на среднюю школу для таких недорослей, как сыночки Уильямсов...

— Извините, — сказал я, — войдя сюда в лавку, я невольно подслушал...

— Вот что, Хортон. Эта Кэти Адамс — прекрасная учительница, но больно мягкосердечная. Вечно заступается за младших Уильямсов, а я тебя заверяю, они просто банда головорезов. Ты, наверное, не знаешь Тома Уильямса — его занесло сюда, когда вы уже уехали. Сперва шатался по ближним фермам, подрабатывал чем придется, только толком-то он ничего не умел. Хотя, похоже, каким-то образом подкопил денег. Он был уже староват для женитьбы и все-таки спутался с дочкой Злыдня Картера. С одной из дочек Младшего Злыдня, Амелией. Ты помнишь Злыдня?

Я опять покачал головой.

— У него был братец по прозвищу Старший Злыдень. Никто теперь и не помнит, как их звали на самом деле. Вся семейка жила на Ондатровом острове. В общем, когда они с Амелией поженились, он купил на деньги, что припас, клочок земли в Унылой лощине, милях в двух от дороги, и надумал завести собственную ферму. Как уж он с ней управляется, просто не понимаю. И чуть не каждый год по ребятенку, а после он со своей миссис не уделяют потомству никакого внимания. Скажу тебе откровенно, Хортон, вот уж людишки, без которых мы здесь спокойно бы обошлись. От них, что от Тома Уильямса, что от всех, кого он наплодил, только неприятности, и ничего больше. Завели собак столько, что никакой дубиной не разгонишь, и собаки-то никчемные, в точности как сам Том. Знай себе шляются по окрете и жрут что попало и ни черта не умеют. Том уверяет, что просто любит собак, вот и все. Ну слышали ты что-либо подобное? Никудышный человечиска, со всеми своими собаками и детьми, которые вечно влипают в какие-нибудь истории...

— Мисс Адамс, кажется, считает, — напомнил я, — что это не только их вина.

— Знаю. Она твердит, что они отверженные и неимущие. Еще одно любимое ее словцо. Тебе понятно, что это за неимущие? Это те, кто не сумел ничего нажить. Да никаких неимущих не было бы в помине, если б каждый работал на совесть и имел хоть каплю здравого смысла. Да, конечно, в правительстве обожают болтать о неимущих и о том, что мы все обязаны им помогать. Только если бы правительство пожаловало сюда да полюбовалось на кое-каких неимущих, то сразу смекнуло бы, отчего они такие, какие есть...

— Когда я ехал сюда поутру, — перебил я, — мне стало любопытно, сохранились ли здесь еще гремучие змеи.

— Гремучие змеи? — переспросил он.

— Раньше, в мои мальчишеские годы, их было здесь видимо-невидимо. Любопытно, теперь их не поубавилось?

Он глубокомысленно кивнул.

— Может, и поубавилось. Хотя еще попадаются. А если залезть подальше в холмы, там их сколько угодно. Тебя что, интересуют гремучие змеи?

— Да нет, не особенно.

— Ты непременно должен прийти в школу на вечер, — сказал он. — Там соберется много народу. По-знакомишься кое с кем. Сегодня последний день занятий, и ребятишки исполняют что-нибудь, будут читать стихи, а может, споют песенку или сыграют пьеску. А потом будет распродажа корзинок, чтоб собрать деньги на новые книжки для библиотеки. Мы здесь до сих пор придерживаемся прежних обычаев, годы нас не очень-то изменили. И развлекаемся как умеем, на свой манер. Сегодня распродажа, а недельки через две в методистской церкви будет клубничный фестиваль. Вот тебе два прекрасных случая встретить старых знакомых.

— Обязательно приду, если смогу, — пообещал я. — И на вечер, и на фестиваль.

— На твое имя есть почта, — сообщил он. — Начала поступать неделю назад, если не две. Я же местный почтмейстер, как и прежде. Почтовое отделение размещается здесь, в этой лавке, уже без малого сотню лет. Говорят, правда, что его заберут отсюда, объединив с отделением в Ланкастере, чтоб доставлять почту во все поселки по кольцу. Ну никак не желает правительство оставить нас в покое. Все ему нейдет, все

норовит что-нибудь переделать. И назвать это улучшением обслуживания. Клянусь жизнью, не понимаю, чем плохо было обслуживание, которым население Пайлот Ноба пользовалось целых сто лет...

— Я так и предполагал, что у вас накопится куча почты, — сказал я. — Я просил пересылать ее сюда, но сам слегка задержался. Ехал не спеша, останавливаясь повсюду, где было на что посмотреть.

— Собираешься заглянуть на ферму, где жил прежде?

— Пожалуй, нет. Там, наверное, слишком многое изменилось.

— Там теперь живет семья Боллардов. У них два сына, оба уже почти взрослые. Пьют они сильно, сыновья, временами просто беда.

Я кивнул.

— Так вы говорите, мотель ниже по реке?

— Точно. Проедешь школу и церковь, потом дорога свернет налево. Вскоре за поворотом увидишь вывеску. Мотель называется «У реки». Сейчас я соберу твою почту.

Глава 4

На большом плотном конверте в левом верхнем углу был небрежно написан обратный адрес, и это был адрес Филипа Фримена. Я сидел в кресле у открытого окна и вертел конверт в руках, недоумевая, чего ради Филипу вздумалось мне написать или послать мне что бы то ни было. Да, конечно, мы были с ним знакомы, и он мне даже нравился, но близкой дружбой никогда и не пахло. Единственное, что нас связывало, — мы оба испытывали симпатию и уважение к замечательному старику, погибшему три недели назад в автокатастрофе.

Из-за окна доносился голос реки, ее приглушенный бормочущий разговор с полями и холмами, мимо которых она скользила. Чем дольше я вслушивался в этот голос, тем яснее припоминал деньки, когда мы с отцом сидели на ее берегу и удили рыбу. На реке я всегда бывал с отцом, ни разу сам по себе — река таила слишком много опасностей для десятилетнего мальчишки. Ручей, разумеется, другое дело, на ручей я мог отправиться и один, пообещав, что буду осторожен.

Ручей был мне другом, искристым летним другом, а река привораживала. И привораживает по-прежнему, — признался я себе, — и даже сильнее, чем раньше: мальчишеские грезы обострены временем... И вот я снова здесь, подле нее, и буду жить подле нее, пока не наскучит. Я даже отдавал себе отчет в том, что где-то глубоко внутри прячется страх: а если я проживу здесь

так долго, что привыкну к реке? И волшебство утратится, и окажется, что это обыкновенная река, текущая по обыкновенной земле.

Мир и покой, — подумал я, — такой мир и покой сегодня сохранились в немногих тихих заводах, медвежьих углах планеты... Здесь человеку достанет времени и места сосредоточиться и подумать, и не доберутся до него даже отзвуки грохочущих бед мировой торговли и международной политики. Натиск прогресса не затронул эти края, здесь он почти неощутим.

Почти неощутим, а потому здесь сохранились прежние идеалы. Эти края не ведают, что Бог умер: в поселковой церквушке священник, наверное, и поныне поминает в проповедях козни дьявола и геенну огненную, а паства самозабвенно внимает ему. Эти края не подавлены комплексами социальных сопоставлений, здесь до сих пор полагают, что человек, дабы заработать на жизнь, должен трудиться в поте лица своего. В этих краях избегают трат не по средствам, а норовят обойтись тем, что есть, и не выплачивать лишних налогов. Здесь ценят старые надежные добродетели, когда-то повсеместные, но не выдержавшие состязания с соблазнами века. А еще здесь не погрязли в глупостях, привнесенных извне, спаслись от них — и не только от материальных, но и от глупостей интеллектуальных, моральных, эстетических не в меньшей мере. Здесь все еще способны верить — в эпоху, когда уже не верят ни во что. Все еще держатся за определенные ценности, пусть даже ложные, — в годы, когда ценностей почти не осталось. Все еще искренне соблюдают основные принципы общежития — в то время как большая часть человечества сорвалась в цинизм.

Я оглядел комнату, совсем простую, маленькую, чистую, светлую, с деревянными панелями по стенам, с минимумом мебели и без ковров на полу. Монашеская келья, — подумал я и сразу решил, что так и должно быть: трудно, почти невозможно работать, если тебя окружают избытком удобств.

Мир и покой, — повторил я про себя. — А как тут насчет гремучих змей?.. Что если весь этот мир и покой — не более чем обманчивая поверхность, тихая запруда у мельничного створа, под которой скрыт бешеный водоворот? Я будто вновь увидел нависшую надо мной безжалостную плоскую голову — и, едва я

вспомнил ее, мое тело отозвалось болью, заново ощутив ужас, заморозивший его до полной неподвижности.

Зачем понадобилось задумывать и осуществлять покушение столь причудливым образом? Кто это сделал и как и почему это выпало на мою долю? Почему вечером ферм было две и таких одинаковых, что глаз почти не замечал различий? И при чем тут Куряка Смит, и застрявшая машина, которая на самом деле не застревала, и трицератопс, который через мгновение исчез без следа?

Я сдался. Ответов не было. Единственный возможный ответ заключался в том, что ничего этого не происходило, — а я был убежден, что произошло. Еще допустимо, что я мог вообразить себе любое из происшествий по отдельности, но все вместе — нет, никогда! Безусловно, где-то должно было таиться какое-то объяснение, но я не находил даже намека на него.

Отложив большой конверт, я просмотрел остальную почту и не обнаружил ничего важного. Несколько открыточек от друзей с пожеланиями удачно обосноваться на новом месте, но в большинстве своем открытки несли на себе отпечаток фальшивой сердечности, который мне не слишком понравился. Вероятно, все посчитали, что я слегка помешался, если решил похоронить себя в дикой, по их представлениям, глуши ради того, чтобы сочинить книжку, которая, скорее всего, окажется препаршивой. Кроме открыток в почте было несколько неоплаченных счетов, парочка журналов и рекламные проспекты.

Я вернулся к большому конверту и вскрыл его. Из конверта выпала пачка отснятых на ксероксе листов с приколотой к ним запиской. Она гласила:

«Дорогой Хортон! Разбирая бумаги, оставшиеся на дядюшкином столе, я наткнулся на эту рукопись. Поскольку вы были одним из его ближайших друзей и он вас очень ценил, я снял для вас копию. Честно говоря, не знаю, что и подумать. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я, наверное, решил бы, что это всего лишь безобидная фантазия, которую автор по какому-то капризу или по иным личным мотивам записал на бумаге, — может, просто для того, чтобы выкинуть ее из головы. Но вы, вероятно, согласитесь со мной, что дядюшка не был склонен к пустым капризам. А вдруг он при каких-то обстоятельствах упоминал в беседах с вами о чем-ли-

бо подобном? Если так, вы сумеете разобраться в рукописи гораздо лучше меня. *Филип*».

Я отсоединил записку от ксероксных листов, и передо мной лег документ, нацарапанный мелким неразборчивым почерком — почерком, совершенно не похожим на автора.

Названия у документа не было. Не было ни намека на то, что записано на этих листах и зачем.

Я уселся поудобнее в кресло и начал читать.

Глава 5

«Эволюционные процессы, — так начиналась рукопись, — притягивали и до крайности интересовали меня всю жизнь, хотя в своей узкой области я занимался лишь одной небольшой и, возможно, не самой замечательной их частицей. Как профессора истории меня с годами все более и более занимала эволюция человеческой мысли. Стыдно сказать, сколько часов я потратил, пытаясь вычертить график, схему, диаграмму (назовите как угодно), которая представила бы развитие мышления и перемены в нем на протяжении столетий, и сколько раз я повторял такие попытки. Однако предмет исследования оказался слишком обширным, разнообразным (а подчас, признаюсь, и слишком противоречивым), чтобы можно было уложить его в какую бы то ни было иллюстративную схему. И тем не менее я уверен, что человеческое мышление эволюционирует, что самая его основа менялась на протяжении всей нашей письменной истории и что сегодня мы думаем совсем не так, как сто лет назад, а за тысячу лет наши суждения изменились неузнаваемо — и не столько потому, что ныне эти суждения подкреплены гораздо большим запасом знаний, сколько потому, что самые точки зрения, присущие человечеству, претерпели изменения, которые смело можно назвать эволюцией.

Кого-то, вероятно, позабавит, что можно так увлеченно размышлять о самом процессе мышления. И этот

кто-то будет не прав. Потому что именно способность к абстрактному мышлению и ничто иное отличает человека от любого другого существа, живущего на Земле.

Попробуем бросить взгляд на эволюцию, никоим образом не претендуя на глубокое ее осмысление, а лишь затрагивая главные поворотные пункты из сказанных нам палеонтологами, отмечая самые важные вехи на пути прогресса с тех отдаленных времен, когда в первобытном океане зародились первые микроскопические формы жизни. Не станем вникать в мелкие изменения, какими было отмечено все развитие жизни, тем более не станем вдаваться в них, а только обрисуем некоторые горизонты, раскрывшиеся в результате накопления этих мелких изменений.

Одной из первых важнейших вех следует, безусловно, признать выход каких-то форм жизни из воды на сушу. Перемена среды обитания была несомненно тяжелым, болезненным и, вероятно, рискованным процессом. Но для нас сегодняшних время сжалось, и процесс предстает в нашем понимании единым событием в эволюционной схеме. Другая веха — образование хорды, которая в предстоящие миллионы лет постепенно преобразилась в спинной хребет. Еще одна веха — развитие способности к передвижению на двух ногах, хотя я лично не склонен придавать прямохождению особое значение. Человека, каким он стал сегодня, создало не прямохождение, а способность отвлекаться от «здесь» и «сейчас», способность мыслить за пределами сиюминутных решений.

Эволюционные процессы — это длинные цепи событий. Многие эволюционные тенденции были опробованы природой и отброшены как тупиковые, и виды вымирали, поскольку были жестко привязаны к таким тенденциям. Но неизменно какой-то фактор или группа факторов, выявившиеся в развитии ныне вымерших видов, давали начало новым линиям эволюции. И неизбежно приходишь к выводу, что в запутанном клубке изменений и усовершенствований всего живого прослеживается и единая стержневая эволюционная нить, ведущая к одному главному изменению. Сквозь все миллионы лет это главное изменение, ныне выраженное в человеке, лежало в постепенном наращивании мозга, который с течением времени превратился в разум.

Как мне кажется, особенность эволюционных процессов состоит еще и в том, что как бы замечателен ни был результат тех или иных изменений, он раскрывается лишь потом, когда они произошли, а до того ни один беспристрастный наблюдатель не смог бы его предвидеть и предсказать. Полмиллиарда лет назад никакой наблюдатель не мог бы обосновать догадку, что через два-три миллиона лет некоторые формы жизни выберутся из воды и переселятся на сушу. Подобная догадка показалась бы маловероятной, граничащей с невозможным. Потому что все известные тогда формы жизни нуждались в воде, были приспособлены к жизни в воде, не могли существовать без воды. А суша, голая и бесплодная, наблюдателю представлялась бы пустыней, враждебной жизни, примерно такой же, каким нам сегодня видится космическое пространство.

Полмиллиарда лет назад все формы жизни были миниатюрными. Миниатюрность в то время казалась столь же обязательным жизненным требованием, как вода. И никакой наблюдатель тогда не мог бы представить себе чудовищных динозавров последующих эпох или современных китов. Подобные размеры для него лежали бы за пределами воображения. Точно так же наблюдатель той поры вообще не подумал бы о летающих существах: такое просто не пришло бы ему в голову. А если и подумал бы, вопреки всякой вероятности, то уж никак не отыскал бы путей к тому, чтобы жизнь поднялась в воздух, и не понял бы, зачем ей это может понадобиться.

Таким образом, мы осознаем обоснованность и правоту эволюции, когда оглядываемся назад, но предсказать ее дальнейший ход нам, по-видимому, не дано.

Кто придет на смену человеку? Вопрос не нов, иногда его поднимают и обсуждают хотя бы в порядке праздных предположений. По-моему, мы инстинктивно сопротивляемся тому, чтобы размышлять на эту тему всерьез. В большинстве своем люди, если думают об этом вообще, считают, что вопрос относится к весьма отдаленному будущему, а значит, его и ставить-то нет резона. Приматы появились восемьдесят миллионов лет назад, может быть, и того меньше, а человеку, по самой щедрой оценке, не более двух-трех миллионов лет. По сравнению с трилобитами и динозаврами это ничтожный срок, и получается, что пройдут еще тысячи тысяч

лет, прежде чем приматы исчезнут или утратят свое главенствующее положение на Земле.

В сущности, мы инстинктивно не допускаем самой мысли о том, что род человеческий когда-либо прекратит свое существование. Иные из нас (разумеется, далеко не все) могут кое-как примириться с идеей, что лично они физически умрут. Человек еще в состоянии представить себе мир без себя как личности, однако представить себе Землю, на которой не осталось людей, оказывается, куда труднее. Ведомые странным внутренним испугом, мы прячемся от того, что сам наш род рано или поздно погибнет. Умом, если не сердцем, мы готовы допустить, что каждый из нас как частица человечества однажды исчезнет, однако нам не по силам даже помыслить, что само человечество также смертно и не вечно. Да, мы заявляем подчас, что человек — единственное в истории существо, которое изобрело средства для самоуничтожения. Но, даже провозглашая этот тезис, мы внутренне не верим в него.

В немногих серьезных исследованиях, касавшихся этой проблемы, речь шла, в сущности, вовсе не о ней. Словно наш разум воздвиг неодолимую преграду, мешающую нам углубиться в тему. Мы почти не задумывались над вопросом, кто и что может вытеснить человека: все, на что мы способны, — нафантазировать сверхлюдей будущего, может, и отличных от нас во многих отношениях и тем не менее остающихся людьми. Обогнавших нас умственно, интеллектуально, но биологически наших прямых потомков. Даже в фантазиях такого пошиба мы исходим из упрямой веры, что человечество будет существовать вечно.

Естественно, это заблуждение. Если эволюционные процессы, создавшие человека, тем самым не исчерпали себя, то вслед за нами на сцену должно выйти нечто большее, чем человек. История как будто учит, что эволюция не может себя исчерпать. Минувшие эпохи накопили достаточно свидетельств, что она никогда не затруднялась в создании новых форм жизни, в изыскании новых ценностей, полезных в борьбе за существование. На нынешнем уровне знаний нет оснований предполагать, что с появлением человека эволюционные процессы застопорились, не оставив ничего про запас.

Итак, вслед за человеком будет что-то еще, что-то отличное от нас. Не просто некое продолжение человека, более совершенная его версия, а нечто принципиально иное. Остается спросить с ужасом и недоверием: что же способно вытеснить человека, что способно превзойти разум?

Мне кажется, я знаю ответ.

Мне кажется, наши преемники уже существуют и живут рядом с нами на протяжении многих, многих лет.

Абстрактное мышление — явление для Земли новое. Ни одно существо, кроме человека, не ведает этого благословения (или проклятия). Абстрактное мышление отняло у нас чувство безопасности, свойственное другим существам, которые сознают себя лишь в пределах «здесь» и «сейчас», и то порой довольно смутно. Наше мышление позволяет нам заглянуть в прошлое и, что гораздо хуже, всматриваться в черноту будущего. Наше мышление приводит нас к осознанию своего одиночества, оно вселяет в нас надежду, которая тут же обращается в безнадежное отчаяние, оно доказывает нашу наготу и незащищенность перед лицом безразличного космоса. День, когда первый из человекообразных сопоставил себя с масштабами времени и пространства, должен быть без колебаний назван самым жутким и самым знаменательным днем в истории жизни на Земле.

Мы использовали свой разум в бесчисленных практических целях, а равно для теоретических изысканий, которые в свою очередь подсказывали нам ответы на практические вопросы. Но мы не довольствовались этим, а нашли разуму еще одно применение. Мы воспользовались разумом, чтобы заселить загадочный мир вокруг нас бестелесными созданиями — богами, чертями, ангелами, призраками, нимфами, феями, домовыми, гоблинами. Мы создали в своих первобытных мозгах темный, неподвластный нам мир, где у нас есть и враги, и союзники. Были среди наших созданий и иные мифические существа, не темные и не страшные, а просто досужие плоды нашего воображения — Санта Клаус, Пасхальный Кролик, Мороз Красный Нос, Дедушка Песочник * и многие, многие другие. И мы не просто

* Фольклорный персонаж, подобный андерсеновскому Оле Лухойе и Дреме из русских сказок: он помогает детям засыпать, бросая им в глаза мягкий песок.

создали их в уме, а до известной степени сами поверили в них. Мы видели их, мы беседовали о них, они стали для нас очень реальными. Чем, как не трепетом перед этими созданиями, можно объяснить, что крестьяне средневековой Европы с приходом ночи закрывали свои лачуги на все засовы и наотрез отказывались высунуть нос наружу? Чем, как не боязнью встретить нечто ужасное, объясняется, что кое-кто и сегодня не способен преодолеть страх темноты? Да, сегодня мы редко поминаем вслух призраков ночи, но бывшие тревоги и страхи не отмерли, — тому доказательством широко распространенная вера в летающие тарелки. В наши просвещенные дни показалось бы ребячеством, если бы кто-то заговорил всерьез об оборотнях и упырях, а вот верить в технических духов вроде летающих тарелок допустимо вполне.

Что мы знаем об абстрактном мышлении? Ответ очевиден: мы не знаем о нем ничего. Насколько я понимаю, не исключена возможность, что оно имеет электрическую природу и основано на энергетическом обмене определенного рода, — ведь физики заявляют, что любые процессы в последнем счете имеют энергетическую основу. Но что мы, положа руку на сердце, знаем об электричестве и об энергии? Что мы знаем, коли на то пошло, о чем бы то ни было? Знаем ли мы, как действует атом и почему, знаем ли мы, наконец, что такое атом? И может ли кто-нибудь дать объяснение, как возникает самосознание и осознание окружающей среды, отличающее жизнь от неорганической материи?

Мы полагаем, что мышление — результат неких мозговых процессов, и на словах соглашаемся с физиками, что тут, вероятно, замешан энергетический обмен. Но о мыслительных процессах мы знаем не больше, а, наверное, меньше, чем древние греки о строении атома. Честь первого упоминания об атомарном строении вещества обычно приписывается Демокриту, жившему в четвертом веке до Рождества Христова. Готов допустить, что это было достижением человеческой мысли, но в действительности атомы Демокрита не имели ничего общего с тем, что мы сегодня понимаем под атомом, — и ведь, между прочим, даже сегодня мало что понимаем. И когда мы сегодня говорим о мышлении, мы почти не понимаем, о чем говорим, примерно так же, как во времена Демокрита люди могли говорить об атомах

(если говорили, то мимолетно, неуверенно и без продолжительного интереса). Назовем вещи своими именами: в разговорах о мышлении мы просто-напросто пусто-словим.

Правда, мы знаем кое-что о результатах мышления. Все, чем располагает сегодня человечество, — это продукты мысли. Но по большому счету это лишь результат воздействия мышления на человека как животное, воздействия, аналогичного паровой машине: пар давит на механизм, и колеса вращаются.

Можно спросить: что происходит с паром после того, как он воздействовал на механизм и исполнил свое назначение? Не менее правомерен и вопрос: а что происходит с мыслью после того, как она воздействовала на нас самих? Коль скоро нас заверяют, что для возникновения и развития мысли необходим энергетический обмен, что происходит с этим обменом далее?

Мне кажется, я знаю ответ. По моему убеждению, энергия мышления, принимающего порой самые странные формы, изливаясь нескончаемо в течение веков из умов миллиардов мужчин и женщин, дала жизнь созданиям, которые в будущем — и, возможно, не слишком отдаленном — займут место, ныне принадлежащее человечеству.

Выходит, что наши преемники созданы тем самым механизмом, мышлением, которое сделало человечество видом, господствующим ныне. Но все известные мне данные свидетельствуют о том, что это как раз решение, типичное для эволюции.

Человек строит не только руками — он строит и разумом, причем, по-моему, прочнее и не совсем так, как можно было бы предположить.

Если кто-то один измыслил мерзкую злобную тварь, рыскающую во тьме, этого, конечно, не хватит, чтобы пробудить ее к жизни. Но если тот же злобный образ создает мысленно (и с единоклубным ужасом) целое племя, — это, на мой взгляд, достаточный толчок, чтобы тварь действительно ожила. Разумеется, ее когда-то не было. Потом она возникла в сознании одного человека, испуганно съевшегося перед лицом ночи. Испугавшись неведомо чего, он решил придать своим страхам какую-то определенную форму и, придумав ее, пересказал другим, что придумал, и они тоже представили себе эту вымышленную тварь. И коллективное

воображение работало так долго и плодотворно, люди так поверили в собственный вымысел, что в конце концов воссоздали его в натуре.

Эволюция действует во многих направлениях. Можно сказать, что она действует в любом направлении, какое только находит. Тот факт, что доселе эволюция никогда не выбирала именно такой путь, может объясняться просто: пока не развился человеческий разум, в ее распоряжении не было фактора, способствующего созданию новых существ при помощи силы воображения. И не забудем, что кроме воображения, кроме произвола мысли тут задействованы силы и энергии, которых человек до сих пор не понимает и, возможно, никогда не поймет.

По моему убеждению, люди со своим неумным воображением, со своей страстью к сочинению небывлиц, с присущим им страхом времени и пространства, темноты и смерти, за тысячелетия создали иной мир, целый мир существ, живущих ныне на Земле рядом с нами. Этот мир скрыт, невидим, я не знаю, каков он, но уверен, что он вполне реален и настанет день, когда созданные нами существа выйдут из своих укрытий и предъявят нам права на наследство.

Во всей мировой литературе и в каждодневном потоке новостей рассеяны заметки о происшествиях необычных и странных — и в то же время эти происшествия зафиксированы с такой точностью, что их никак не спишешь на обман чувств и миражи...»

Глава 6

Рукопись обрывалась на середине страницы. Далее было еще немало страниц, но когда я перебросил листок, то увидел, что следующий заполнен отрывочными заметками, на первый взгляд, совершенно беспорядочными. И, конечно, трудночитаемыми, как все написанное почерком моего друга. И при этом вбитыми в страницу так тесно, словно она была единственной, какая у него оставалась, а стало быть, надлежало использовать каждый ее дюйм, чтобы вместить все собранные факты, все накопленные наблюдения. Заметки шли плотным строем через центр страницы, а затем поля заполнялись новыми заметками, и буквы порой превращались в такие крохотные узелочки, что сложить из них слова стоило немилосердных трудов.

Я быстро перелистал все до конца, но каждая следующая страница была подобием предыдущей, каждая была заполнена до отказа. Тогда я сложил страницы по порядку, вернулся к началу рукописи и приколот записку Филипа сверху, пообещав себе, что позднее непременно прочту все заметки до единой, прочту и попытаюсь разгадать их смысл. Но на сегодня с меня достаточно и того, что я уже прочел. Более чем достаточно.

Наверное, это шутка, — сказал я себе. Но это не могло быть шуткой, потому что мой старый друг никогда не шутил. Он не ощущал нужды в шутках. Он был

исполнен доброты, он обладал гигантской эрудицией и если уж говорил, то находил словам лучшее применение, чем расходовать их на глупые шутки.

И я опять вспомнил его в тот вечер, когда мы виделись в последний раз, — сморщенного гнома в огромном кресле, угрожающем поглотить его без остатка, и то, как он заявил мне, что мы в осаде. Я был убежден, что он хотел сказать мне больше, гораздо больше, но не сказал, потому что, когда он собрался с мыслями, явился Филип и мы заговорили о чем-то другом.

Теперь, сидя в мотеле у реки, я чувствовал уверенность в том, что он намеревался пересказать мне рукопись, прочитанную минуту назад. Собирался сказать, что нас взяли в осаду существа, которых люди напридумывали за столетия, и что наш разум, наше воображение послужили целям эволюции.

Разумеется, он заблуждался. Если без обиняков, его теория граничила с помешательством. Но, едва подумав об этом, я тут же осознал в глубине души, что человеку такого склада, как он, непросто впасть в заблуждение. Прежде чем поверить свои мысли бумаге, хотя бы ради того, чтобы сформулировать их для себя, он проделал долгую и кропотливую работу, приведшую его к определенным выводам. Страницы, приложенные к рукописи, наверняка не исчерпывают собранных им доказательств. Скорее, они суммируют эти доказательства, подводят им итог и конспективно передают выводы. Нет, конечно, опять-таки отсюда не следует, что он не впал в заблуждение, все это очень похоже на заблуждение, но даже в таком случае у него должно было скопиться довольно фактов и логических построений, чтобы от его теории нельзя было просто отмахнуться.

Он намеревался рассказать мне обо всем, не исключено, что хотел опробовать на мне свои умозаключения. Но из-за Филипа, явившегося так некстати, отложил это до более удобного случая. А случая уже не представилось, поскольку через два дня он погиб, его машину сплющило в лепешку, а из него вышибло дух в результате столкновения с другой машиной, которой, однако, так нигде и не нашли.

Я задумался и вдруг похолодел от страха — особенного, кошмарного страха, какого я никогда не испытывал

прежде. От страха, который выполз из иного, неведомого нам мира, который прятался где-то в дальнем уголке наследственной памяти и, казалось, был многократно забыт. Именно такой страх, леденящий и цепенящий, выворачивающий душу, был уделом тех, кто корчился в пещере, вслушиваясь в звуки, издаваемые дьявольскими созданиями, что скрывались снаружи во мраке.

Я задал себе вопрос: а не может ли стать, что мыслительная мощь этих созданий мрака достигла такого развития, такого совершенства, что они теперь способны принять любую форму, любой облик по своему усмотрению? Способны, например, преобразиться в машину, которая протаранит другую машину, а потом, после тарана, вернуться в иной мир, в родное свое измерение, в невидимость, покинутую временно ради определенной цели?

Может ли быть, что мой старый друг погиб именно потому, что догадался о секретном мире этих исчезающих разумов?

А как же гремучие змеи? — перебил я себя. Нет, гремучие змеи тут ни при чем, потому что змеи были самыми настоящими. Но разве трицератопс, дом с окружающими постройками, рыдван на козлах у поленницы, Куряка Смит и его женушка не казались мне настоящими? Что если это ответ, который я искал? Что если все эти предметы и существа порождены миром исчезающих, устроивших маскарад, чтобы заманить меня в засаду, замутивших мне сознание до того, что я готов был поверить в заведомо невероятное, и уложивших меня не на кушетку в доме Куряки, а на скальное дно расщелины, где полно змей?

Но если даже так, то зачем? Затем, что эти гипотетические исчезающие знали о толстом конверте от Филипа, который поджидает меня в лавке Джорджа Дункана?

Это безумие, — уговаривал я себя. Ну а пропустить развилку на дороге — не безумие? Трицератопс, и дом, очутившийся там, где никакого дома не было и в помине, и гремучие змеи — не безумие? Нет, нет, — повторил я себе, — гремучие змеи были реальными. Но что такое реальность? Каким образом можно удостовериться в реальности чего бы то ни было? А если

мой старый друг прав в своих догадках, что вообще останется от реальности?

Я был потрясен гораздо глубже, чем признавался себе. Я сидел в кресле и смотрел в стену, а когда пачка листов выскользнула у меня из рук, я даже не шевельнулся, чтобы их подобрать.

Если все это так, — подумал я, — значит, прежний надежный мир вышибли у нас из-под ног... Значит, гоблины и вампиры существуют теперь не только в сказках у камелька, а во плоти; ну, может, и не совсем во плоти, но каким-то образом существуют, а не просто мерещатся. Мы считали их плодом воображения и даже не представляли себе, насколько же мы правы. И опять-таки, если все это так, Природа в эволюционном развитии совершила очередной гигантский скачок вперед — от живой материи к сознанию, от сознания к абстрактному мышлению, а от абстрактного мышления к новой форме жизни, призрачной и реальной одновременно, а возможно, даже способной выбирать, быть ли ей призрачной или реальной.

Я пытался вообразить, что это за новая жизнь, какие ее радости и печали, побуждения и принципы. У меня ничего не вышло. Самое мое тело из костей, плоти и крови не позволило мне вообразить эту жизнь. Потому что она должна быть принципиально иной, пропасть между нами слишком широка. С тем же, если не большим, успехом можно было бы просить трилобита, чтобы он вообразил себе мир динозавров. И если в своем бесконечном обновлении видов Природа ищет качества, полезные в борьбе за существование, то вот наконец она нашла существа (если позволительно называть их существами) с фантастически высокой способностью к выживанию, ибо в физическом мире нет ничего, абсолютного ничего, что могло бы угрожать им.

Я сидел, размышляя об этом снова и снова, и мысли грохотали в черепной коробке, как раскаты отдаленного грома, и тем не менее ни к чему не приводили. Я даже не блуждал по кругу. Я просто дергался туда-сюда, как полупомешанный чертик на веревочке.

Мне стоило немалых усилий оборвать чехарду безумных мыслей, и тогда я опять услышал журчание, радостный и смешливый голос реки, бегущей по земле в величии своего волшебства.

Надо распаковать пожитки, вытащить из машины коробки и сумки и приволочь их в комнату. Меня ждет рыбалка, каноэ у причала и крупные окуни, затаившиеся в камышах и среди кувшинок. А потом, как только я обживусь, меня ждет книга, которую надо, обязательно надо написать.

А еще, я вспомнил, что сегодня меня ждет школьный вечер и распродажа корзинок. Придется туда пойти.

Глава 7

Линда Бейли заметила меня в ту же секунду, как я переступил школьный порог, и налетела на меня словно хлопотливая самодовольная курица. Она была одной из немногих, кого я помнил, да, честно говоря, ее просто невозможно было забыть. Вместе с мужем и выводком неопрятных детишек она жила на ферме по соседству с нашей, и за все годы, что мы провели здесь, едва ли выдался десяток дней, чтобы она не притащилась по дороге, а то и напрямик через поля, одолжить чашечку сахара, или кусочек масла, или еще какую-нибудь ерунду, которой у нее вдруг не хватило в хозяйстве и которую она, между прочим, потом не удосуживалась отдать. Она была крупная, костлявая женщина с лошадиным телосложением и если постарела, то, по-моему, совсем чуть-чуть.

— Хорас Смит! — взревела она. — Малыш Хорас Смит! Я бы узнала тебя где угодно!..

Она схватила меня в объятия и принялась колошматить по спине. Она осыпала меня звучными тумаками, а я недоуменно припоминал, случилось ли хоть однажды в отношениях между нашими семьями что-нибудь, что дало бы ей право на такое приветствие.

— Значит, ты вернулся! — грохотала она. — Ты не смог жить вдали от нас! Уж если Пайлот Ноб у тебя в крови, никто его нипочем не забудет. Даром что ты

побывал в разных местах. В языческих странах. И в Риме ты тоже был, ведь так?

— Я провел в Риме некоторое время, — ответил я. — Это вовсе не языческая страна.

— У меня возле свинарника растут пурпурные ирисы, — объявила она, — из сада самого папы. Вообще-то не на что особенно посмотреть. На своем веку я видывала ирисы и получше, куда привлекательнее этих. Будь у меня другие такого сорта, я бы выкопала их и вышвырнула давным-давно. А эти сохранила из-за того, что они оттуда. Уж поверь, не у каждого есть ирисы из сада самого папы. Не думай, что я поддерживаю папу и всякие там глупости, но это все-таки особенные ирисы, ты согласен со мной?..

— Конечно, согласен, — ответил я.

Она вцепилась в мою руку.

— Да пойдем же, ради Бога, сядем! Нам надо о многом поговорить... — Она потащила меня к выстроенным в ряд стульям, и пришлось сесть с ней рядом. — Ты говоришь, Рим не языческая страна, но ведь у язычников ты тоже был. Что ты скажешь о русских? Ты же часто бывал в России...

— Не знаю, что и сказать. Есть русские, которые до сих пор верят в Бога. Правда, правительство у них...

— Вот тебе раз! Никак тебе нравятся русские?

— Некоторые нравятся, — ответил я.

— Я слышала, ты был в Унылой лощине и утром проезжал мимо фермы Уильямсов. За какой надобностью тебя туда занесло?

Интересно, — подумал я, — а есть что-нибудь, о чем бы она не слышала, о чем не слышал бы весь Пайлот Ноб?.. Отчетливее, чем в перестуке барабанов по джунглям, эффективнее, чем по радио, новости распространяются здесь в мгновение ока — все до мельчайшего слушка, до самой ерундовой догадки.

— Да вот пришло в голову свернуть, — приврал я слегка. — Мальчишкой я, бывало, охотился там на белок...

Она взглянула на меня подозрительно, не уловив логики в моих оправданиях.

— Может, днем там и ничего, — заявила она, — но ни за какие деньги не хотела бы я оказаться там после захода солнца. — Она наклонилась ко мне по-

ближе, и пронзительный ее голос снизился до скрипучего шепота. — Там жуткая свора собак, если это вообще собаки. Носятся по холмам, лают, рычат, заливаются, а как пробегут мимо — будто ветер ледяной пролетел. Душа в пятки уходит...

— Вы сами слышали этих собак?

— Слышала ли? Да чуть не каждую ночь слышу, но, правда, никогда не бывала так близко, чтобы пахнуло этим ветром. Мне Нетти Кэмпбелл рассказывала. Ты помнишь Нетти? — Я отрицательно покачал головой. — Ну верно, как ты можешь помнить! Она была Нетти Грэхем, прежде чем вышла за Энди Кэмпбелла. Они жили в самом конце дороги, что ведет вверх по Унылой лощине. Нынче дом нежилой. Просто снялись и ушли. Собаки их выжили. Может, ты видел его — их прежний дом, я имею в виду.

Я кивнул не слишком уверенно: своими глазами я дома не видел, но я же слышал о нем накануне вечером от Лаузи Смит.

— Странные вещи творятся здесь на холмах, — продолжала Линда Бейли. — Такое, чему никто, если в здравом уме, не поверит. Наверное, все потому, что здесь у нас настоящая глухомань. Сколько других поселков разрослись, обустроились, ни деревца не осталось, зато вокруг поля. А здесь глухомань. Наверное, так навсегда и останется...

Комната заполнялась народом. Я заметил Джорджа Дункана, пробирающегося ко мне сквозь толпу, и встал навстречу, протягивая руку.

— Я слышал, ты хорошо устроился, — сказал он. — Я так и знал, что тебе там понравится. Учти, я звонил Стритеру и просил его присматривать за тобой как следует. Он ответил, что ты вышел порыбачить. Поймал что-нибудь стоящее?

— Пару окуньков, — признался я. — Надеюсь, когда попривыкну к реке, дела пойдут лучше...

— По-моему, начинается, — сказал он. — Увидимся позже. Тут много народу, с кем тебе не мешало бы познакомиться.

Вечер и вправду начался. Учительница Кэти Адамс играла на старой расстроенной фисгармонии, ребяташки выходили группа за группой, и одни пели песни, другие читали стихи, а восьмиклассники представили

маленькую пьесу, которую, как не преминула сообщить мисс Адамс, сами же и сочинили.

Все было восхитительно на свой нескладный манер, и я сидел, припоминая, как ходил в школу в это самое здание и принимал участие в вечерах, таких же точно, как нынешний. Я даже попытался выудить из памяти, как звали моих учителей, хотя бы некоторых, и только к концу программы вспомнил, что была у меня учительница по имени мисс Стейн, чудаковатая рыжеволосая особа, худая и нервозная, впадающая в расстройство от любой нашей выходки, — а уж выдумывать их мы были горазды. Мельком подумалось: где-то она сейчас, мисс Стейн, и как обошлась с ней судьба? Хотелось бы верить, что благосклоннее, чем иные из нас обходились с ней в наши школьные годы...

Линда Бейли потянула меня за рукав пиджака и завела резким шепотом:

— Хорошие ребятишки, правда? — Я кивнул в знак согласия. — И эта мисс Адамс хорошая учительница, в самом деле хорошая. Только, боюсь, она здесь ненадолго. Нашей маленькой школе не удержать такую хорошую учительницу, как она...

Когда программа завершилась, Джордж Дункан пробрался ко мне сквозь толпу, взял меня на буксир и принялся представлять присутствующим. Кого-то из них я мог припомнить, а кого-то нет, но, поскольку все они, казалось, помнили меня, я притворялся, что тоже их помню. Церемониал был в самом разгаре, — но тут вмешалась мисс Адамс. Она поднялась на приступочку у дверей и окликнула Джорджа:

— Вы что, забыли свое обещание? Или делаете вид, что забыли, в надежде увернуться? Напоминаю вам, что вы дали согласие выступить сегодня в роли аукциониста.

Джордж стал отнекиваться, но для меня было очевидно, что он польщен. Не составляло труда догадаться, что в Пайлот Нобе Джордж Дункан — человек авторитетный. Еще бы, он был лавочник, и почтмейстер, и член школьного совета, и время от времени ему выпадали разные мелкие общественные поручения, например, выступить аукционистом на распродаже корзинок. В пределах Пайлот Ноба он был палочкой-выручалочкой, к которой прибегали всякий раз, когда предстояло что-либо предпринять.

В конце концов он поднялся на возвышение и повернулся к столу, заставленному раскрашенными корзинками и коробками. Выбрав одну корзинку, он поднял ее повыше, чтобы все могли хорошенько рассмотреть. Но прежде чем приступить к обязанностям аукциониста, он произнес небольшую речь.

— Всем вам известно, — изрек он, — какое у нас сегодня событие. Выручка от продажи корзинок предназначена для приобретения новых книг для школьной библиотеки, так что вы испытаете удовлетворение от сознания, что сколько бы вы здесь ни оставили, все пойдет на доброе дело. Вы не просто покупаете корзинку, снаряженную для пикника, и право разделить трапезу с леди, чье имя вы обнаружите внутри. Вы способствуете весьма достойному общественному начинанию. Прошу вас, дорогие мои, не стесняйтесь и истратите хотя бы часть денег из тех, что оттягивают вам карманы!.. — Он поднял корзинку еще выше и продолжал: — Ну вот хотя бы эта корзинка. Мне доставляет истинное удовольствие предложить ее вам. Скажу без утайки, она увесистая. Там много славной снеди, а по тому, как она украшена и все такое прочее, можно смекнуть, что леди, снаряжавшая эту корзинку, уделила ее содержимому не меньше внимания, чем внешнему виду. Может, вас заинтересует, что я улавливаю запах жареного цыпленка. Ну и, — закончил он, — сколько же вы даете?..

— Доллар, — произнес кто-то, а кто-то другой незамедлительно поднял сумму до двух долларов, а потом кто-то из задних рядов назвал два с половиной.

— Два с половиной, — повторил Джордж Дункан удивленно и обиженно. — Вы что, в самом деле намерены остановиться на двух с половиной? Ну знаете, если бы корзинка шла на вес, и то это было бы просто даром. Что? Я, кажется, слышу...

Кто-то предложил три доллара. Джордж ухитрился, выбивая из толпы по пятьдесят центов и по четвертаку, поднять торг до четырех семидесяти пяти и наконец стукнул молотком, продав корзинку за эту цену.

Я вглядывался в лица. Они были дружелюбными, люди от души развлекались. Люди проводили вечер в компании соседей, и им было уютно в этой компании. Сейчас они сосредоточены на распродаже корзинок, а

позже у них будет время поболтать, и я знал заведомо, что никто не поднимет никаких обременительных тем. Они будут толковать об урожае, о рыбалке, о новой дороге, о которой говорили уже лет двадцать, если не больше, но разговоры так ни к чему и не привели, и самое время было начать их сызнова. Они разберут по косточкам последний скандалчик (уж какой-нибудь скандалчик произошел обязательно, хотя почти наверняка пустяковый), обсудят проповедь, с какой священник выступил в минувшее воскресенье, помянут старичка, который недавно умер и которого все любили. Посудачат обо всем понемногу, а потом разойдутся по домам, разойдутся не спеша, наслаждаясь мягким весенним вечером. Конечно, у любого из них есть свои маленькие тяготы, есть и проблемы, касающиеся окружи в целом, но никто из них знать не знает исполинского груза вселенских забот. И как же это здорово, — повторил я себе, — очутиться в местечке, где нет неотвратимых и жутких вселенских забот...

Кто-то дернул меня за рукав, я волей-неволей обернулся — и, разумеется, это оказалась Линда Бейли.

— Тебе стоило бы вступить в торг, — шепнула она. — Сейчас пойдет корзинка, приготовленная дочкой пастора. Она, скажу тебе, прехорошенькая. Тебе будет приятно с ней познакомиться...

— А откуда вы знаете, — не утерпел я, — что это ее корзинка?

— Знаю, и все, — отрезала она. — Не спорь, торгуйся.

Цену уже подняли до трех долларов, я назвал три с половиной, и тут же с дальнего конца комнаты послышалось: «Четыре». Я бросил взгляд в ту сторону — там, прислонясь к стене, рядом стояли три юнца лет по двадцать с небольшим. Обнаружилось, что все трое в свою очередь пялятся на меня и ухмыляются неловко, но, как мне почудилось, очень неприязненно.

Рукав дернули снова.

— Давай торгуйся, — настаивала Линда Бейли. — Это младшие Болларды, а третий из Уильямсов. Хулиганье паршивое. Нэнси просто умрет, если ее корзинка достанется кому-то из них троих.

— Четыре пятьдесят, — произнес я не думая, и Джордж Дункан на возвышении подхватил:

— Четыре пятьдесят! Кто скажет «пять»?.. — Он обращался к троем у стенки, и один из них сказал «пять». — Значит, пять, — пропел Джордж. — А может, кто-нибудь даст шесть?

Он смотрел прямо на меня, но я покачал головой, и корзинка ушла за пять.

— Почему ты отступился? — Линда Бейли взъерилась так, что шепот перешел в ржание. — Надо было продолжать, раз начал.

— Еще чего! — заявил я. — Я приехал сюда не для того, чтобы в первый же вечер помешать какому-то юнцу купить корзинку, на которую он позарился. Может, тут замешана его подружка. Может, она намекнула ему заранее, как отличить ее корзинку...

— Да говорю тебе, Нэнси вовсе не его подружка! — Линда Бейли не скрывала негодования. — У Нэнси нет никакого парня. Она будет просто оскорблена.

— Вы сказали, это Болларды. Те самые Болларды, что живут на нашей прежней ферме?

— Они, они самые, — подтвердила она. — Старички вполне приличные люди. Но эти их два сыночка! Вот уж навязли в зубах! Девчонки от них врассыпную. На танцах они завсегдатаи, но то и дело грязно ругаются и постоянно пьют...

Я опять бросил взгляд на троицу в дальнем конце комнаты. Они по-прежнему наблюдали за мной, и к их лицам приклеились ухмылки злобного триумфа. Я только что явился в Пайлот Ноб, я был чужак, а они меня обставили, переплюнули в споре за корзинку. Несусветная глупость, если разобраться, но в крошечных поселках, как этот, маленькие триумфы и маленькие обиды часто вырастают в масштабах.

Боже, — подумал я, — и угораздило же меня напороться на эту Бейли! От нее всегда были одни неприятности, и в этом смысле она ни капельки не изменилась. Вечно совала нос не в свои дела, и уж сунет — добра не жди...

Корзинки расходились одна за другой, осталось всего несколько штук. Джордж начал уставать, темп торгов снизился. Мне подумалось, что надо бы все-таки купить корзинку. Хотя бы для того, чтоб показать, что я не

чужак, а местный, вернувшийся в Пайлот Ноб с намерением пожить здесь, сколько получится.

Я огляделся по сторонам — Линда Бейли куда-то делась. Более чем вероятно, обозлилась на меня и отошла прочь. Однако, едва подумав о ней, я ощутил мимолетную вспышку гнева. Какое у нее было право требовать, чтобы я защищал дочку священника от невинных — а если не невинных, то по крайней мере бесперспективных — ухаживаний какого-то деревенского увальня!

На столе оставалось всего три корзинки, и Джордж выбрал одну из них. По размеру она была вполовину меньше многих проданных ранее и украшена довольно скромно. Подняв ее над головой, он завел очередную арию аукциониста.

В торг включились двое или трое, цена достигла трех с половиной долларов, а я дал четыре. Кто-то от дальней стенки сказал — «пять», и когда я взглянул туда, то снова увидел троицу. Они ухмылялись, как мне показалось, с нарочитой злобой, как мог бы ухмыляться клоун, разыгрывающий злобу.

— Даю шесть, — сказал я.

— Семь, — откликнулся средний из троицы.

— Семь! — повторил Джордж ошарашенно, поскольку это была наивысшая сумма, названная за вечер. — Я услышу семь с половиной, а может, кто-нибудь даст восемь?

Какое-то мгновение я колебался. Нет, положительно первые несколько ставок были предложены другими, а не троицей у стенки. Они вступили в торг только после меня. Я понял, что они намеренно издеваются надо мной, и от меня не укрылось, что все присутствующие также это поняли.

— Восемь? — переспросил Джордж, не спуская с меня глаз. — Слышу ли я цифру восемь?

— Не восемь, — ответил я. — Пусть будет десять. Джордж поперхнулся.

— Десять! — закричал он. — А может, одиннадцать? — Он перевел глаза на троицу у стены. Те ответили мрачными взглядами. — Одиннадцать, — повторил он. — Теперь одиннадцать. Если уж поднимать, то на доллар и не меньше. Даете одиннадцать?..

Одиннадцать ему не дали.

Когда я вышел вперед расплатиться и получить свою корзинку, я покосился в направлении дальней стенки. Троицу как ветром сдуло.

Отойдя в сторону, я вскрыл корзинку. Поверх еды лежала полоска бумаги, и на ней я прочел имя Кэти Адамс.

Глава 8

Распускалась первая сирень, и в вечернем воздухе, сыром и прохладном, ощущался слабый намек на аромат, который через неделю-другую нависнет над улицами и тропинками городка тяжким духовитым облаком. Ветер, налетающий от реки, раскачивал подвесные лампы на перекрестках, и по земле метались полосы света и тени.

— Как я счастлива, что все позади, — сказала Кэти Адамс. — Во-первых, вечер, а во-вторых, и весь учебный год. Но в сентябре я вернусь.

Я присматривался к женщине, идущей рядом, и, ей-же-ей, это была совсем другая женщина, чем та, с которой я столкнулся утром в лавке. Она сделала что-то с волосами и сразу избавилась от облика типичной училки, а кроме того, она сняла очки. Защитная окраска, — подумал я. — Неужели утром это была мимикрия, сознательная попытка выглядеть именно такой училкой, какую только и может принять здешняя община? Экая жалость, — добавил я про себя, — Дали б ей хоть малый шанс, она могла бы стать просто привлекательной...

— Вы сказали, что вернетесь, — произнес я. — А куда вы собираетесь летом?

— В Геттисберг.

— В Геттисберг?

— Ну да, в Геттисберг, штат Пенсильвания. Я там родилась, а мои родители и теперь там. Я езжу к ним каждое лето.

— Я ведь был там всего несколько дней назад. Останавливался по дороге сюда. Провел в Геттисберге целых два дня, обошел поле сражения и пытался себе представить, как все это было тогда, более ста лет назад...*

— Вы что, раньше там не бывали?

— Всего раз, и притом очень давно. Когда впервые попал в Вашингтон начинающим репортером. Как-то раз я присоединился к автобусной экскурсии. Получилось не слишком удачно. С тех самых пор мне хотелось побывать там одному, не торопиться, осмотреть все, что выберу, заглянуть в каждый уголок и в каждом провести столько времени, сколько мне будет угодно.

— Значит, на этот раз вы жили там в свое удовольствие?

— Да, провел два дня в прошлом. И старался представить его себе наглядно.

— Мы живем там так долго, что свыклись и стали считать все само собой разумеющимся. Естественно, мы гордимся прошлым и проявляем к нему интерес, но туристам достается неизмеримо больше. Они полны энтузиазма и свежести восприятия и, возможно, видят все другими глазами, чем мы, старожилы.

— Может быть, может быть, — согласился я, хоть вовсе так не думал.

— Вот Вашингтон — другое дело. Люблю этот город, особенно Белый дом. Он восхищает меня. Могут стоять часами у его чугунной ограды и просто смотреть на него.

— Как и миллионы других, — подхватил я. — Когда ни подойдешь к Белому дому, там всегда полно людей. Ходят взад-вперед вдоль ограды и смотрят во все глаза.

* В июле 1863 года под Геттисбергом произошло одно из решающих сражений гражданской войны. Северяне под командованием Джорджа Мида отразили атаки южан, которыми командовал Роберт Ли, и вынудили их к отступлению. (Подробнее об этом сражении в главах 14—15.) В настоящее время там находится мемориальный комплекс.

— А больше всего я обожаю белок. Нахальных белок, что подбираются к самой ограде Белого дома и попрошайничают. А то выпрыгивают на тротуар и крутятся под ногами, приплюхиваясь, а потом присядут на задние лапки, подожмут передние и уставятся на вас своими бусинками...

Припомнив белок, я рассмеялся и заметил невзначай:

— Вот уж кто обязательно добьется своего.

— Вы словно завидуете им.

— Почему бы и не позавидовать, — согласился я. — Жизнь у белок, как можно понять, простая и незатейливая, а мы, люди, запутали свою жизнь до того, что она никогда уже не будет простой. Смешали все понятия, устроили из них кавардак. Вообще-то, наверное, не больший, чем раньше, но суть в том, что жизнь никак не становится легче. Скорее даже наоборот.

— И вы намерены вставить рассуждения в этом роде в свою книгу? — Вопрос удивил меня, и я не сумел скрыть удивления. — Бросьте, все знают, что вы вернулись сюда поработать над книгой. Вы говорили об этом кому-нибудь или они догадались сами?

— Кажется, говорил Джорджу Дункану.

— Вот и достаточно. Достаточно сказать о чем-нибудь одному человеку, одному-единственному. Ровно через три часа все, что вы сказали, будет известно в поселке всем и каждому. Завтра еще до полудня все в поселке будут знать, что вы провожали меня домой и выложили за мою корзинку десять долларов. Какая муха вас укусила, что вы предложили такую сумму?

— Поверьте, совсем не ради похвалы. Понимаю, кто-то подумал именно так, и мне это очень неприятно. Не надо было, наверное, этого делать, но там были эти три увальня у стенки...

Она кивнула.

— Знаю, кого вы имеете в виду. Два Болларда и один Уильямс. Но вам не стоит обижаться на них. Вы показали им подходящей добычей. Новичок да к тому же еще горожанин. Вот им и захотелось показать вам...

— А получилось, что я показал им. Взаимное ребячество, что с их стороны, что с моей. Только меня извинить труднее, мне бы следовало держать себя в руках.

— Как долго вы думаете здесь пробыть? — спросила она.

Я усмехнулся.

— Во всяком случае, в сентябре, когда вы вернетесь, я еще буду здесь.

— Я вовсе не в том смысле...

— Знаю, что не в том. Но книга займет немало времени. Я не собираюсь писать ее наспех. Хочу поработать на совесть и показать лучшее, на что я способен. А еще хочу порыбачить. Вознаградить себя за все годы, когда я мог лишь мечтать о рыбалке. Осенью, пожалуй, поохочусь немного. По-моему, тут хорошая утиная охота.

— Наверное, да, — сказала она. — Из местных многие охотятся на уток каждую осень. Неделями только и слышишь о том, когда же, наконец, начнется настоящий перелет с севера...

Так я и предполагал, так и предчувствовал. Соблазн и притягательность таких поселочков, как Пайлот Ноб, в том и состоит, что живешь в спокойном знании мыслей окружающих и можешь, если хочешь, присоединиться к их уютной беседе, присесть в лавке у заплечанной печки и порассуждать, скоро ли начнется настоящий перелет с севера, или о том, как хорошо нынче клюет у Судейской трясины, или что после недавних дождей кукуруза пошла в рост, или что гроза минувшей ночью положила овес и ячмень. Теперь мне вспомнилось, что у печки был особый стул для моего отца: никто не спорил с тем, что занимать этот стул — его личное право и привилегия. И, шагая по вечерним улицам, напоенным запахам сирени, я задал себе вопрос: а будет ли в лавке особый стул для меня?

— Мы пришли, — объявила Кэти, сворачивая на дорожку, что вела к большому белому двухэтажному особняку, утонувшему в кустах и деревьях. Я остановился и стал вглядываться в особняк, силясь узнать его, выцарапать из памяти имя владельца. Кэти пришла мне на помощь: — Дом Форсайта. Банкира Форсайта. Живу здесь с тех самых пор, как начала учительствовать три года назад.

— А что банкир?..

— Увы, его нет. Умер лет десять назад, может, и больше. А его вдова живет здесь до сих пор. Она совсем, совсем старенькая. Почти ослепла, ходит с палочкой. Говорит, что ей стало невмоготу жить одной в таком большом доме. Потому-то она меня и пустила.

— Вы когда уезжаете?

— Через день-другой. Я на своей машине, спешить особенно некуда. И никаких забот на все лето. В прошлом году я подрабатывала на летних курсах, в нынешнем решила обойтись без этого.

— Вы разрешите до отъезда увидеться с вами еще раз?

О причинах я не задумывался, но мне почему-то захотелось увидеться с ней снова.

— Право, не знаю. Я буду занята...

— Может быть, завтра вечером? Пожалуйста, поужинайте со мной. Наверняка есть какое-нибудь заведение, куда можно поехать. Поужинаем и выпьем немного...

— Надеюсь, это будет не скучно, — сказала она.

— Я заеду за вами. В семь не слишком рано?

— Пусть будет в семь. И спасибо, что проводили меня домой.

Это был сигнал к расставанию, но я медлил.

— А как вы попадете домой? — Вопрос прозвучал глуповато. — У вас есть ключ?

Она рассмеялась.

— Ключ у меня есть, но он не понадобится. Она меня ждет и наблюдает сейчас за нами.

— Кто она?

— Миссис Форсайт, кто же еще. Хотя она и полуслепая, а в курсе всего вокруг. А уж меня караулит, как дочку. Никто не причинит мне зла, пока она жива.

Это меня позабавило, но и рассердило слегка и расстроило. Я забыл, я опять забыл, что тут нельзя никуда пойти, ничего нельзя предпринять без того, чтобы кто-нибудь не наблюдал за вами и не поделился свежими наблюдениями со всем населением Пайлот Ноба.

— До завтрашнего вечера, — сказал я немного чопорно: мне стало не по себе от глаз, что следят за нами, невидимые, из-за окон.

Я смотрел ей вслед, как она поднимается по ступенькам на веранду, увитую виноградом, — и прежде чем она добралась до двери, та распахнулась ей навстречу и выплеснула поток света. Кэти была права. Миссис Форсайт наблюдала за нами.

Я двинулся восвояси обратно через калитку и вниз по улице. Над утесом к востоку от Пайлот Ноба возшла луна — в давнюю пору колесных пароходов утес слу-

жил ориентиром для речных лоцманов, он и дал поселку название *. Лунный свет пробился сквозь листву мощных вязов, росших по обеим сторонам улицы, и испещрил тротуар пятнами, а в воздухе плыл легкий аромат расцветающей по дворам сирени.

Миновав перекресток у школы, я свернул на дорогу, ведущую к реке. Поселок здесь и кончался, а деревья, карабкающиеся по склону утеса, стали еще гуще и поглотили луну.

И не успел я сделать и десяти шагов в этой густой тени, как они набросились на меня. Я говорю как бы от их имени — для меня нападение было полной неожиданностью. Чье-то тело ударило меня по ногам и опрокинуло, как кеглю, и не успел я упасть, как что-то еще лягнуло меня по ребрам. Я шмякнулся наземь, откатился в сторону и тут услышал топот башмаков по дороге. Подтянув колени, я попытался встать, но различил перед собой контур человека и угадал (именно угадал, а не увидел, просто уловил быстрое движение), что сейчас получу новый удар ногой. Я уклонился, и удар пришелся вскользь по предплечью, а не в грудь, куда был, вероятно, нацелен.

Я догадывался, что нападавший не один, — я же слышал топот ног на дороге. И сообразил, что, если останусь лежать, они накинута на меня все разом, лягаясь и пинаясь. Я предпринял героическое усилие, и мне удалось подняться, хотя меня изрядно шатало. Подавшись назад в надежде обрести какую-нибудь опору, я уперся спиной во что-то твердое. Почувствовал шершавость коры и понял, что это древесный ствол.

Теперь я различил, что их трое, — затаились в тени, но оставались все же темнее тени. Неужели те самые трое, что подпирали стенку и старались поднять меня на смех, считая приезжего своей законной добычей? А когда я пошел провожать Кэти, решили устроить на меня засаду...

— Ладно, сопляки, — выговорил я, — подходите поближе и получите, что вам причитается.

И они откликнулись на приглашение, все трое. Если бы у меня хватило здравого смысла не раскрывать рта,

* П а й л о т Н о б (Pilot Knob) (англ.) — в переводе «Лоцманская горка».

они бы, может, и воздержались от нового нападения, но насмешку они не снесли.

Разочек я все-таки попал. Мой кулак угодил прямо в лицо тому, кто был в центре. Удар был хорош, да он и сам двигался кулаку навстречу. Раздался звук, словно острый топор врубился в бревно, прихваченное морозом.

Но тут их кулаки обрушились на меня со всех сторон, и я опять потерял равновесие, а когда упал, они забыли про кулаки и принялись обрабатывать меня ногами. Я сжался, вернее, попытался сжаться в комок и защитить все, что можно. Это продолжалось довольно долго, я был совершенно ошеломлен, и не исключено, что на какое-то время потерял сознание.

Следующее, что я помню, — я сижу на земле, а дорога пуста. Я один на один с собой, и мое «я» — сплошная боль, хотя есть места, где болит чуточку сильнее. Кое-как поднявшись, я нетвердыми шагами двинулся дальше. Сперва меня швыряло то вправо, то влево, но помаленьку дело наладилось, и я наловчился прокладывать ровный курс.

В конце концов я доплелся до мотеля, ввалился к себе и сразу отправился в ванную, включив свет. Ну и видочек же был у меня! Один глаз заметно припух, и глазница уже начала темнеть. Лицо было в крови от многочисленных ссадин. Осторожно смыв кровь, я обследовал ссадины, — к счастью, они оказались неглубокими. Хотя синяк под глазом продержится, без сомнения, несколько дней.

В общем-то, больше всего пострадало мое чувство собственного достоинства. Вернуться в родной городшко микрознаменитостью, выступавшей по телевидению и по радио, и в первый же вечер ухитриться быть избитым — и кем? Шайкой деревенских подонков из-за того, что я перехватил у них корзинку учительницы! Господи Боже, — подумал я, — если эта история станет известна в Вашингтоне или Нью-Йорке, мне же будут ее поминать до конца дней моих...

Я ощупал все тело — там и тут ушибы и кровоподтеки, но ничего серьезного. Денек-другой поболит и пройдет. Однако завтра-послезавтра, — сказал я себе, — придется рыбачить с восхода до заката. Торчать на реке и по возможности стараться ни с кем не видаться, пока запухший глаз не откроется... Но я же знал, все равно знал, что нет ни малейшего шанса

скрыть происшествие от милых жителей Пайлот Ноба. И завтрашнее свидание с Кэти — что прикажете делать с ним?

Я подобрался к двери и вышел за порог, чтобы в последний раз полюбоваться весенней ночью. Луна поднялась высоко над хмурым утесом, легкий ветерок шевелил деревья и украдкой шуршал в листве. И вдруг я услышал иной звук — отдаленный собачий вой, иступленный визг охотничьей своры.

До меня донесся всего-то обрывок звука, маленький фрагмент, подхваченный ветром и оброненный им для моего слуха, — и снова все было тихо. Я замер, вслушиваясь и вспоминая, что толковала Линда Бейли о псах-оборотнях, завладевших Унылой лощиной.

И вот звук донесся опять — дикий, остервенелый, леденящий кровь клич стаи, наступающей добычу. Потом ветер вновь переменился, и звук пропал.

Глава 9

День выдался замечательный. Замечательный не столько рыбалкой — я поймал всего четырех окуней, — сколько тем, что я был на воле, на реке, и получил щедрую возможность возобновить знакомство с ее миром, освежить в памяти отдельные подробности полузабытого детства. Миссис Стритер дала мне с собой еды, осведомилась о синяке под глазом, я уклонился от ответа, заменив его хилой шуткой. И удрал на реку, где и провел весь день. Не только со спиннингом, но и в разведке, направляя каноэ в заросшие заводи и извилистые протоки, а раз-другой даже высаживаясь на островки. Я уверял себя, что выискиваю самые уловистые местечки, но в действительности я добивался большего. Я обследовал водную гладь, о которой мечтал годами, выяснял ее привычки и настроения, старался приноровиться к загадочному царству текущих вод, лесистых островов, голых изменчивых отмелей и зеленых берегов.

Наконец, когда тени начали сгущаться, я повернул обратно к мотелю, держась ближе к берегу и сражаясь с течением неуклюжими гребками. До причала оставалось всего ярдов двести, когда я услышал собственное имя, — чей-то шепот долетел ко мне, отражаясь от воды.

Я поднял весло и взял его наперевес, вглядываясь в линию берега. Течение подхватило каноэ и неторопливо потащило его назад, вниз по реке.

— Сюда, — позвал шепот.

Берег был взрезан крошечной заводью, и в устье ее я заметил цветное пятнышко. Погрузив весло в воду, направил каноэ к пятнышку. На коряге, косо спускающейся с берега и уходящей концом под воду, стояла Кэти Адамс. Я подгонял каноэ, пока лодка не уткнулась в корягу.

— Прыгайте, — предложил я. — Приглашаю вас в плавание.

Она уставилась на меня с ужасом.

— Ничего себе глаз!

— Попал в переделку, — усмехнулся я.

— Да, я слышала, что была драка. Кажется, вы действительно попали в переделку.

— Я всегда попадаю в переделки, — ответил я. — Не в одну, так в другую.

— На этот раз дело серьезное. Подозревают, что вы убили человека.

— Но я легко могу доказать...

— Джастин Боллард, — сказала она. — Его тело нашли час или полтора назад. Вы дрались с ним вчера вечером.

— Наверное, с ним, — подтвердил я. — Было темно. Их было трое, но я не мог толком их рассмотреть. Может, тот, кому я взрезал, в самом деле был Боллард. Я сумел взрезать только одному. А потом двое других навалились на меня.

— Вы дрались вчера с Джастином Боллардом. И с двумя другими тоже. Сегодня с утра они похвалялись по всему поселку, а у Джастина была расквашенная физиономия.

— Ну что ж, это отводит от меня подозрение. Я провел весь день на реке... — И тут мой язык прилип к гортани. Ведь у меня не было доказательств, что я провел день на реке. Я не видел ни души, и вполне вероятно, что меня тоже никто не видел. — Простите, я ничего не понимаю...

— С утра они носились повсюду, похваляясь, что отделаи вас, потом стали добавлять, что разыщут вас и прикончат. А потом Джастина нашли мертвым, а двое других исчезли.

— Надеюсь, в Пайлот Нобе не думают, что я прикончил всех троих?

Она покачала головой.

— Не знаю, что они думают. Весь поселок вверх дном. Собралась компания, чтобы явиться сюда и расправиться с вами, но Джордж Дункан сумел их отговорить. Он сказал, что негоже вершить правосудие собственными руками. Он сказал, что надо, мол, сперва доказать вашу вину. Но в поселке все равно думают, что это вы. Джордж позвонил в мотель и выяснил, что вы на рыбалке. Тогда он повторил всем, чтобы вас не трогали, а сам позвонил шерифу. По его мнению, пусть этим лучше займется шериф.

— Но вы, Кэти?.. — Вопрос вырвался сам собой. — Вы пришли предупредить меня...

— Вы купили мою корзинку, и проводили меня домой, и назначили мне свидание. Мне показалось, что я должна быть на вашей стороне. Совершенно не хочу, чтобы они захватили вас врасплох.

— Боюсь, что свидание откладывается. Мне очень жаль. Я ждал его с нетерпением.

— Что вы намерены теперь делать?

— Право, не знаю. Мне надо все обдумать.

— У вас не слишком много времени.

— Догадываюсь, что не много. Пожалуй, единственное, что мне остается, — подгрести к причалу, сестр сложа руки и ждать их...

— Но они могут не дожждаться шерифа...

Настала моя очередь покачать головой.

— У меня в комнате есть одна вещь, которую непременно нужно взять. И вообще во всем этом есть что-то странное...

И не что-то, а все стало странным. Гремучие змеи, а теперь убитый сын фермера. Однако был ли он убит? Он ли был убит? И был ли убит вообще кто-нибудь?

— Вам нельзя сейчас возвращаться, — сказала она. — Оставайтесь на реке, по крайней мере пока не придет шериф. Затем я вас и предупредила. А если у вас в комнате есть что-то важное, я могу забрать его и сохранить.

— Ну уж нет!

— Там есть черный ход. Со двора, что смотрит на реку. Вы не знаете, там не заперто?

— Думаю, что нет.

— Я могла бы проскользнуть внутрь и забрать...

— Кэти, — взмолился я. — Я не вправе...

— Вы не вправе туда возвращаться. По крайней мере не сейчас.

— Вы уверены, что сможете проникнуть в комнату?

— Совершенно уверена.

— Большой плотный конверт, — сказал я. — С вашингтонским почтовым штемпелем и пачкой бумаг внутри. Возьмите конверт и уходите. И как только конверт будет у вас в руках, держитесь от всей этой кутерьмы подальше.

— Что в конверте?

— Ничего криминального. Ничего незаконного. Просто кое-что не для посторонних глаз. Информация, не предназначенная к распространению.

— Важная?

— Полагаю, что важная. Но, право, я не должен был впутывать вас в это дело. Получается не вполне...

— Я уже впуталась. Я вас предупредила, и это, наверное, не к лицу законопослушным гражданам. Но я не могла допустить, чтобы вы напоролись на них нежданно-негаданно. Возвращайтесь себе на реку и сидите тихо...

— Кэти, — произнес я, — я должен еще добавить кое-что, что вам не понравится. Если вы и вправду хотите взять на себя риск с этим конвертом...

— Да, хочу, — ответила она. — Если вы сами попробуете туда пробраться, вас могут увидеть. А меня если и увидят, то не обратят внимания.

— Хорошо, — согласился я и возненавидел себя за то, что позволяю ей взяться за такое грязное дело. — Но я не просто вернусь на реку. Я убегу, быстро и без оглядки. Не потому, что убил кого-то, есть другая причина. Наверное, честнее всего было бы сдаться, но, к несчастью, я обнаружил, что трусоват. Сдаться никогда не поздно, но лучше все-таки попозже...

Теперь она глядела на меня с испугом, и я не мог ее за это винить. И не только с испугом, но, пожалуй, с гораздо меньшим расположением, чем раньше.

— Раз решили бежать, тогда бегите без промедления.

— Только еще одно...

— Да?

— Если добудете этот конверт, не заглядывайте в него. Не читайте того, что внутри.

— Как хотите, я не понимаю...

— А вот я не понимаю, зачем вы предупредили меня.

— Я уже объяснила. Могли бы по меньшей мере сказать спасибо.

— Конечно, спасибо.

Она принялась взбираться на берег.

— Не мешкайте, — сказала она на прощанье. — Я добуду вам ваш конверт.

Глава 10

Упала ночь, и мне уже незачем было прижиматься к берегу — я смог выйти на стремнину, где меня подхватило течение. Мне встретились два городка, оба на противоположной стороне реки: я видел огни, однако от них меня отделяли не только вода, но и широкая болотистая пойма между водой и настоящей сушей.

Меня тревожила мысль о Кэти. Не было у меня никакого права просить ее о помощи. Я поступил как порядочный мерзавец, если позволил ей взяться за поручение, способное обернуться очень скверно. Но ведь она пришла предупредить меня, она выступила со мной заодно — да и, кроме нее, обратиться было не к кому. Больше того, похоже, она была здесь единственной, кому я мог доверять. Я твердил себе, что у нее есть все шансы справиться с задачей, и мне по-прежнему казалось важным, чертовски важным, чтобы плотный конверт ни при каких обстоятельствах не попал в руки тех, кто мог бы разгласить его содержание.

Надо как можно скорее связаться с Филипом и предупредить о том, что происходит. Вместе мы, быть может, придумаем что-нибудь, отыщем приемлемый курс действий. Первым делом отплыву от Пайлот Ноба на какое-то расстояние, затем найду телефон — и чтобы это было достаточно далеко отсюда и звонок не вызвал подозрений.

А пока что я наращивал расстояние. Течение было быстрое, и я еще помогал ему, размеренно, что есть мочи работая веслом.

Гребля не мешала думать — о вчерашнем вечере и о найденном сегодня теле Джастина Болларда. И чем дольше я думал, тем явственнее приходил к убеждению, что Боллард не умирал. Не оставалось сомнений, что троица, напавшая на меня вечером, была той самой, что подпирала стенку в школе. Они похвалялись тем, что задали мне взбучку, и вскоре исчезли, — но куда исчезли и как? Каков бы ни был ответ, но, когда они испарились, проще простого было подсунуть мертвое тело, чтобы поссорить меня с законом, а то и линчевать. И если Кэти не ошиблась, компания линчевателей уже собиралась и собралась бы, не вмешайся Джордж Дункан и не разгони ее. Что бы ни представляли собой исчадия, которым пока не было имени, но, если им по силам смоделировать себя (или энергию, лежащую в их основе) в виде дома, поленицы, рыдвана на козлах, супружеской пары из комикса, ужина на столе и банки с отменным кукурузным виски, — значит, они способны на что угодно. А уж изобразить мертвое застывшее тело для них — детская задача. И уж конечно, сообразил я, они в состоянии использовать свои таланты для того, чтобы удержать пропавшую троицу вдали от людей, пока волнение не схлынет. Вне сомнения, это безумный способ добиваться своего, — но не более безумный, чем прикончить человека машиной, которая тут же растворяется в воздухе, и не более причудливый и замысловатый, чем план, к которому они прибегли, дабы заманить потенциальную жертву в змеиное логово.

Где-нибудь вскоре, по крайней мере я так надеялся, найдется прибрежный поселок с телефонной будкой, и я позвоню. Хотя, наверное, уже объявлена тревога и за прибрежными поселками установлено наблюдение, однако шериф не может быть уверенным, что я отправился вниз по реке. Не может, правда, лишь в том случае, если Кэти не арестована. Я силятся выкинуть это предположение из головы, но безуспешно — оно возвращалось непрошенным. Впрочем, даже в случае, если за поселками наблюдают, я, вероятно, успею позвонить. А что потом, что делать после звонка? Пожалуй, сдаться, хотя это уж я успею решить впоследствии. До меня дошло, что я мог бы сдаться и все равно связаться с

Филипом, — но тогда разговор придется вести в присутствии полицейских и, кроме того, у меня не останется выбора, что делать после звонка.

Я не был вполне удовлетворен тем, как справился с ситуацией. Меня не покидало чувство вины, но сколько я ни прокручивал события в памяти, я не находил своим решениям приемлемой альтернативы.

Ночь вступила в свои права, однако над рекой еще брезжил слабый свет. Вдалеке на берегу мычала корова, чуть слышно залаял пес. А вокруг струилась вода, напевая шепотом свою вечную песню, порой всплескивала рыба — внезапный шлепок хвостом, и маленький водоворот, и концентрические круги ряби. Мне мерещилось, что я плыву по исполинской равнине, — окаймленные деревьями темные берега и дальние холмы стали просто тенями на крайних ее пределах. Глубокий мир и покой владели этим царством воды и теней. Как ни странно, я ощущал себя на реке в безопасности. В обособленности — более точное слово. Я был центром миниатюрной вселенной, и она простиралась от меня во все стороны, и не было в ней жителей, кроме меня. Достигавшие меня звуки, мычание и лай, несли в себе такой привкус отдаленности, что не разрушали моей самодовольной обособленности, а подчеркивали ее.

И вдруг обособленности пришел конец. Прямо перед мной вода вздулась горбом, и откуда я отчаянными гребками уклонялся от препятствия, из реки поднялась черная масса — ярды и ярды черной массы, с которой потоками сбегала вода.

От черной массы отделилась полоса, отделилась, взвилась в воздух и оказалась исполинской длинной изогнутой шеей с насаженной на нее кошмарной головой. Шея описала в воздухе изящную кривую, и голова нависла прямо надо мной. Взглянув вверх, я в гипнотическом ужасе уставился в красные, почти рубиновые глазки — даже слабенького света, отраженного от поверхности реки, было довольно, чтобы заставить их пылать пламенем. В мою сторону выстрелил раздвоенный язык, а потом раскрылась пасть, и я увидел клыки.

Я схватился за весло и мощным рывком послал каноэ вперед с поворотом. Горячее дыхание зверя обожгло мне шею — голова сделала выпад, но промахнулась буквально на несколько дюймов.

Обернувшись через плечо, я увидел, что голова вновь взвивается в воздух, готовясь к новому броску, и уразумел, что игра складывается явно не в мою пользу. Я одурачил чудовище один раз, но сомнительно, чтобы тот же трюк удался мне повторно. Берег был слишком далек и недостижим. Все, что я мог, — увертываться и удирать. На мгновение мелькнула мыслишка, не бросить ли каноэ, но пловец я неважный, а чудовище, несомненно, в своей стихии и без труда выудит меня из воды.

Оно не торопилось. Ему не было нужды торопиться. Оно знало наверняка, что мне не уйти, но ему не хотелось больше промахиваться. Оно приближалось ко мне, раздвигая воду аккуратными расходящимися волнами, — длинная шея изогнута наготове, голова поднята, пасть разверста, клыки сверкают при свете звезд.

Я резко дернул каноэ вбок в надежде сбить чудовище с курса и заставить тормознуть и развернуться, прежде чем повторить нападение. И тут, при рывке, что-то стукнуло и покатилося, дребезжа, по дну каноэ. И едва уловив этот звук, я понял, что делать. Решение было безрассудным, противоречащим всякой логике, но жизнь моя висела на волоске, и времени оставалось в обрез. Я даже не рассчитывал, что мой план удастся, — да какой там план, скорее инстинктивная реакция, — и уж тем более не имел представления, что будет в случае удачи. Но я не мог не попробовать. Прежде всего потому, что это было единственное действие, пришедшее мне на ум.

Я ударил веслом по воде, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, и оказался с чудовищем лицом к лицу. Затем я наклонился, поднял спиннинг и встал во весь рост. Вообще-то каноэ — посуда, отнюдь не предназначенная для того, чтобы стоять в ней в рост, но эта оказалась довольно устойчивой. К тому же я практиковался, как подниматься в каноэ, еще в дневные часы.

На леске у меня был крючок на окуней, и достаточно тяжелый, возможно даже слишком тяжелый для окуней, — зазубренный крючок-тройник.

Чудовище подплыло совсем близко, пасть у него была по-прежнему раззявлена. Я отвел удилище назад, мысленно прикинул, куда бы всадить крючок, и энергичным взмахом послал его в цель. Как зачарованный,

следил я за металлической искоркой, сорвавшейся с удилища и чуть заметной в отсветах от реки. Когда крючок исчез в пасти, я выждал долю секунды, приподнял конец удилища еще выше и рванул его назад изо всех сил, чтобы зубья впились поглубже. Я ощутил пальцами, что это удалось, тройник зацепился плотно, — и вот вам, пожалуйста, я в утлом каноэ с чудовищем на крючке.

Я не строил никаких планов насчет того, что буду делать, если заброшу крючок. Я просто не задумывался о том, что будет дальше. Вероятно, я вообще ни на миг не верил, что действительно поймаю чудовище на спиннинг.

Теперь, когда я его поймал, я сделал единственное, что мне оставалось, — стремительно опустил и сжался в комок, отчаянно вцепившись в удилище. Голова чудовища дернулась и задралась к небу. Катушка запела, выматывая леску.

Я вновь рванул спиннинг, засаживая тройник еще глубже, а передо мной вспучилась высокая, как при приливе, волна. Огромное туловище поднялось из воды, оно поднималось и поднималось, и казалось, этому не будет конца. Голова на длиннущей шее яростно моталась туда и сюда, удилище у меня в руках ходило ходуном, но я вцепился в него мертвой хваткой, хотя сам не могу понять зачем. Одно достоверно: такое рыбацкое счастье мне было не в радость.

Каноэ прыгало на волнах, поднятых ошеломленным чудовищем, зарывалось носом и вставало на дыбы, но я скрючился на дне, слился с лодкой, прижав локти к бортам и норовя расположить центр тяжести как можно ниже, чтоб не перевернуться. И вот лодка двинулась по реке, быстрее и быстрее, на буксире за перепутанным, удирающим зверем.

А я цеплялся за спиннинг, несмотря ни на что. Я мог бы выпустить его или отбросить, но я цеплялся за него и теперь, когда лодка пришла в движение, испустил торжествующий вопль. Мерзкая тварь охотилась на меня, считала своей добычей, но я поймал ее на крючок, и вот она удирает, вне себя от боли и паники, а у меня, кажется, появилась возможность прокатиться на дармовщинку.

Чудовище мчалось вниз по реке, леска звенела от напряжения, каноэ шло так стремительно, что взлетало

над водой, а я вопил, как полоумный ковбой, оседлавший непокорную лошадь. На минуту я начисто забыл обо всем, забыл, что привело к этой гонке. Осталась лишь сама ночная гонка по волшебному миру реки. Чудовище брыкалось и корчилось в упряжке, иззубренные плавники на его спине то выгибались в воздухе, то прижимались к воде, то уходили под воду в тщетной борьбе за освобождение.

И вдруг леска ослабла, а чудовище сгнуло. Я был один на реке, распростертый на дне каноэ, которое скакало вверх и вниз по вскипевшей воде. Когда волнение улеглось, я сел и принялся сматывать леску. Сматывать пришлось долго, однако в конце концов крючок брякнул о борт и вскоре замер на своем законном месте на верхушке удилища. По правде сказать, я удивился, что крючок цел, так как предполагал, что леска оборвалась, позволив чудовищу нырнуть и броситься наутек. Теперь для меня стало очевидным, что оно попросту исчезло. Тройник был засажен в глотку чудовища глубоко и прочно, и вернуться ко мне мог только в одном случае — если плоть, куда его всадили, перестала существовать.

Каноэ мягко качалось на воде, и я снова взялся за весло. Взошла луна, небо в ее лучах посветлело, и река засверкала, как дорога из жидкого серебра. Весло было у меня в руках, но я не мог решить, что делать дальше. Инстинктивно хотелось немедленно опустить весло в воду и грести к берегу, покинуть реку прежде, чем еще одно чудовище вынырнет из глубин. Но по зрелом размышлении я пришел к выводу, что однотипного чудовища не предвидится, поскольку само его появление можно допустить лишь в рамках той же схемы, что и логово гремучих змей и смерть Джастина Болларда. Иной мир, описанный моим другом, выкинул очередной фокус и опять потерпел неудачу, и, по-моему, не в их привычках было повторять фокус, который не удался. И если мои рассуждения верны, то в ближайшее время река для меня — самое безопасное убежище на свете.

Мои мысли прервал резкий, пронзительный писк, и я поневоле дернул головой в поисках его источника. На борту, в нескольких футах от меня, сидел, как на насесте, уродец-монстренок. Он был карикатурно чело-векообразен, весь покрыт густой шерстью и цеплялся за борт нижними лапами, похожими на когти совы.

Голова заострялась кверху, и с заостренной макушки волосы свисали на манер соломенной шляпы, какие носят туземцы в отдельных странах Азии. По бокам головы торчали остrokонечные уши, напоминающие кувшинчики, а из-под спутанных волос светились багровые глазки.

Как только я разглядел монстренка, его писк стал обретать определенный смысл.

— Трижды испытан — заговорен! — пищал он пронзительным голосом, ликуя и надсаживаясь. — Трижды испытан — заговорен! Трижды испытан — заговорен!..

К горлу поднялась тошнота, и я взмахнул веслом. Плоскость весла угодила по монстренку без промаха, сорвала его с борта и взвила высоко в воздух, словно я ударил бейсбольной битой по навесному мячу. Писк перешел в слабый всхлип, а я замороженно следил, как он взлетает над рекой, достигает вершины своей траектории и наконец идет на спуск. Но на полпути вниз монстренок вдруг улетучился, лопнул, как мыльный пузырь: только что был — и не стало.

А я сосредоточился на гребле. Мне необходимо найти поселок, и хватит себя обманывать. Чем скорее я доберусь до телефона и позвоню Филипу, тем лучше для всех.

Мой старый друг в своей рукописи, возможно, в чем-нибудь и ошибся, но, черт меня побери, вокруг творится нечто странное, очень странное.

Глава 11

Поселочек был крохотный, и уличной телефонной будки не нашлось. Я даже не был абсолютно уверен, что это за поселочек, — если память меня не подводила, он назывался Вудмен. Я попытался представить себе карту местности, но все это ушло в прошлое, ушло слишком далеко, и я не мог быть ни в чем уверен. Однако название поселка, — внушал я себе, — не играет роли. Важно одно — сумею ли я позвонить... Филипп в Вашингтоне, и ему лучше знать, что предпринять. А если он и не знает, что предпринять, то по крайней мере имеет право узнать, что происходит. Я в долгу перед ним, хотя бы за то, что он послал мне копию рукописи своего дядюшки. Но очень может быть, что, если бы он не послал мне копию, я не попал бы в эту заваруху.

Во всем деловом кварталчике протяженностью в десяток домов оставалось единственное открытое заведение — бар. Сквозь заляпанные грязью оконца пробивался тусклый желтенький свет. Легкий ветерок раскачивал скригучую вывеску с кружкой пива, укрепленную на железном кронштейне над тротуаром.

Я стоял на противоположной стороне улицы, силясь набраться смелости, чтобы войти в бар. Разумеется, не было никаких гарантий, что в баре есть телефон, хотя не исключалось, что есть. Но, переступив порог заведения, я подвергнусь определенному риску, поскольку

шериф почти наверняка уже объявил тревогу по моему поводу. Опять-таки возможно, что до бара тревога и не докатилась, но риск был вполне отчетливый.

Каноз осталось на реке, привязанное к какому-то гнилому столбику. Все, что от меня требовалось, — вернуться, забраться в лодку и выгresti на стремнину. Никто не мог бы мне помешать хотя бы потому, что никто меня не видел. Не считая заведения на той стороне улицы, поселок совершенно вымер.

Но я должен позвонить Филипу, просто обязан! Его надо предупредить, если еще не поздно. Предупрежденный, он, может статься, сообразит, что предпринять. Ведь теперь очевидно, что каждый читавший рукопись моего друга тем самым подвергал себя такой же опасности, какую тот навлек на себя, сочиняя ее.

Я стоял, задыхаясь от нерешительности, и наконец, едва ли отдавая себе отчет в своих поступках, начал переходить улицу. Однако, добравшись до тротуара, остановился и поднял глаза на поскрипывающую вывеску. Скрип словно пробудил меня, и я осознал, какую глупость чуть было не сделал. На меня объявлена охота, и нет никакого резона входить и напрашиваться на неприятности, которым я подвержен и без того. Я прошел мимо бара, не заходя в него, но спустя полквартала круто развернулся и зашагал обратно. И тут до меня дошло, что этому не будет конца, что я могу шагать туда-сюда, не зная, на что решиться, всю ночь напролет.

Тогда я поднялся по ступенькам и толкнул дверь. В дальнем конце зала у стойки сгорбился посетитель, а бармен опирался на стойку, стоя к двери лицом, и вид у него был такой, будто он намерен ждать клиентов хоть до утра. Больше в заведении никого не было, стулья были придвинуты к столам вплотную.

Бармен не пошевелился, словно и не заметил меня. Я вошел, закрыл дверь за собой и подобрался к стойке.

— Что прикажете, мистер? — очнулся он.

— Бурбон, — ответил я. Про лед я даже не заикнулся: заведение выглядело так, что попросить здесь льда могло бы показаться неприличным. — И наменяйте мне мелочи — в том случае, если у вас есть телефон.

Бармен ткнул большим пальцем в угол зала.

— Вон там. — Я бросил взгляд в направлении, которое он обозначил, и точно — там в углу была телефонная будка. — Ну и глазик у вас!

— Не спору, — отозвался я.
Он поставил на стойку стакан и нацедил виски.
— Поздненько же вы путешествуете...
— Да уж так, — отозвался я. И посмотрел на наручные часы: половина двенадцатого.

— Я не слышал машины.
— Поставил на улице, может, далековато. Думал, в поселке все уже закрыто. Потом увидел ваш огонек.

Вышло не очень убедительно, однако он не усомнился ни в чем. Ему было наплевать. Он просто поддерживал разговор.

— Я скоро закрываюсь, — сообщил он. — Не имею права торговать после полуночи. Да сегодня все равно никого. Кроме старины Джо, вот он сидит. Но он здесь завсегдатай. Околачивается каждый вечер до закрытия, пока я не вышвырну его, как паршивую кошку.

Спиртное было не первый сорт, но я нуждался в нем. Оно чуть-чуть согрело меня и помогло избавиться от пленки страха, перекрывшей горло. Я протянул бармену деньги.

— Хотите мелочь на всю сумму?
— Если найдется, то да.
— Найдись-то найдется. Но вы, видно, собрались звонить на тот конец света.

— В Вашингтон.

Я не видел причин темнить. Он снабдил меня мелочью, я вошел в будку и вызвал Вашингтон. Номера Филипа я не знал, пришлось подождать. Потом я услышал зуммер, и мгновение спустя кто-то снял трубку.

— Мистера Филипа Фримена, пожалуйста, — попросила телефонистка. — Междугородний разговор.

На том конце провода послышался удивленный вздох, затем тишина. Наконец женский голос произнес:

— Его нет.

— Вы не знаете, когда он будет? — осведомилась телефонистка.

— Его не будет, — ответил голос придушенно. — Это что, дурная шутка? Филип Фримен умер...

— Вызываемое лицо не может подойти к телефону, — изрекла телефонистка равнодушно, как компьютер. — Мне сообщили...

— Не повторяйте, — перебил я. — Соедините меня с тем, кто подошел к телефону.

— С вас полтора доллара, — сообщил компьютер.

Я полез в карман за мелочью, достал пригоршню, но не совладал с ней и уронил несколько монет на пол. Рука тряслась так, что монеты не попадали в предназначенные для них щели.

Филип Фримен умер!

С грехом пополам я пропихнул в прорезь последнюю монетку.

— Говорите, — разрешила телефонистка.

— Вы меня слышите? — спросил я.

— Слышу, — отозвался призрачный дрожащий голос на том конце провода.

— Простите меня. Я ничего не знал. Меня зовут Хортон Смит, я давний друг Филипа...

— Он упоминал ваше имя при мне. Я его сестра.

— Мардж? — спросил я.

— Да, Мардж.

— Но когда?..

— Сегодня, — сказала она. — Филлис собиралась заехать за ним. Он ждал ее, стоя на тротуаре, и вдруг упал.

— Сердечный приступ?

Наступило долгое молчание, потом она ответила:

— Мы так думаем. Филлис тоже так думает, хотя...

— Как держится Филлис?

— Она спит. Доктор дал ей что-то, чтобы она заснула.

— Не могу передать, как я вам соболезную. Вы сказали — сегодня?

— Несколько часов назад. И, мистер Смит, не знаю, может, и не стоило бы этого говорить. Но вы были другом Филипа...

— В течение многих лет.

— Понимаете, странная штука. Прохожие, 'видевшие, как он упал, говорят, что он был убит стрелой — стрелой прямо в сердце. Только никакой стрелы не оказалось. Но свидетели сообщили полиции, и теперь следователь... — Голос ее прервался, я расслышал всхлипывания. Потом она спросила: — Вы знали Филипа, но и дядюшку вы ведь тоже знали?

— Да, знал обоих.

— Это кажется невероятным. Оба, один за другим...

— Это выглядит невероятным, — согласился я.

— У вас какое-то дело? Вы спрашивали Филипа...

— Уже не имеет значения. Я возвращаюсь в Вашингтон.

— Похороны, наверное, в пятницу.
— Благодарю вас. Извините, что ворвался в такой день...

— Вы же не могли знать. Я передам Филлис, что вы звонили.

— Будьте добры, — ответил я вежливо. Хотя в действительности это не играло особой роли. Филлис меня и не вспомнит. Я встречал жену Филипа всего-то раз или два.

Мы попрощались, но я так и остался в кабинке, ошеломленно глядя перед собой. Филип умер — убит стрелой. Не в обычаях наших дней использовать стрелы, чтоб избавляться от людей. Однако, коли на то пошло, морские змеи, а равно змеи гремучие, — тоже не из современного репертуара.

Наклонившись, я стал шарить по полу, собирая рассыпанные монеты. В дверь кабинки постучали. Подняв глаза, я увидел бармена, прижавшегося носом к стеклу. Перехватив мой взгляд, он перестал стучать и принялся махать мне рукой. Я выпрямился и открыл дверь.

— Что с вами? — спросил он. — Вам нехорошо?

— Нет, просто растерял монеты.

— Если хотите выпить еще, то как раз успеете. Я закрываюсь.

— Мне надо сделать еще один звонок.

— Тогда в темпе.

Телефонный справочник лежал на полке под аппаратом.

— Я найду здесь номера Пайлот Ноба?

— Найдете. В разделе «Пайлот Ноб — Вудмен».

— Значит, это Вудмен?

— Конечно, Вудмен, — ответил бармен возмущенным тоном. — Вы что, зазевались и не заметили вывеску при въезде?

— Да, должно быть, — ответил я.

Прикрыв дверь кабинки, я раскрыл указанный раздел и стал листать страницы в поисках нужного имени. В конце концов я обнаружил его — миссис Джанет Форсайт. К счастью, в разделе не оказалось других Форсайтов, иначе я не ведал бы, кому звонить. То ли я забыл имя жены старого Форсайта, то ли никогда и не знал его.

Я уже потянулся к трубке и хотел было снять ее, но в последнюю секунду заколебался. До сих пор мне все

сходило с рук. Надо ли продолжать искушать судьбу? С другой стороны, — возразил я себе, — вряд ли в здешних краях есть средства, чтобы установить, откуда пришел звонок.

Я снял трубку, опустил монету и набрал номер. Телефон на том конце провода звонил и звонил, а я ждал. Наконец звонки прекратились, и кто-то откликнулся. Мне показалось, что узнаю голос, но хотелось удостовериться.

— Мисс Адамс? — спросил я.

— Она самая. Миссис Форсайт уже спит, и...

— Кэти, — сказал я.

— Кто это?

— Хортон Смит.

— О! — удивленно воскликнула она и замолкла.

— Кэти...

— Очень хорошо, что вы позвонили. Все оказалось сплошной ошибкой. Пропавший Боллард обнаружился. Обнаружились все трое. Теперь все в порядке, и...

— Погодите минутку, — прервал я. Она тараторила так быстро, что слова мешались друг с другом. — Если Боллард обнаружился, то что стало с телом?

— С телом? Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду тело Джастина Болларда.

— Понимаете, Хортон, это самое странное. Тело исчезло.

— Как это исчезло?

Я догадывался как, но следовало убедиться наверняка.

— Ну, если по порядку, труп нашли на опушке у западной околицы и оставили двоих — один был Том Уильямс, не знаю, кто второй, — сторожить его до приезда шерифа. Сторожа отвернулись буквально на мгновение, а когда посмотрели опять, трупа не оказалось. Украсть его никто не мог. Он просто исчез, и все. Пайлот Ноб в ужасном волнении...

— А вы? — вновь перебил я. — Вы достали конверт?

— Да, он у меня. Я как раз добралась домой, когда тело исчезло.

— Так что теперь все в порядке?

— Да, конечно. Вы можете спокойно вернуться.

— Скажите мне только одно, Кэти. Вы смотрели, что лежит в конверте? — Она начала было отвечать, но

осеклась. — Послушайте, Кэти, это важно. Вы видели текст?

— Я глянула мельком и...

— Черт возьми, — закричал я, — не увиливайте! Скажите прямо, прочли ли вы текст.

Она разгневалась.

— Ну допустим, прочла. По-моему, человек, сочинивший это...

— Не будем про автора. Много ли вы прочли? Все до конца?

— Первые несколько страниц. До того места, где начинаются заметки. Уж не хотите ли вы сказать, Хортон, что в этом что-то есть? Да нет, глупо даже спрашивать. Ничего в этом нет и быть не может. Я не разбираюсь в эволюционных процессах, но даже я вижу в его рассуждениях кучу прорех...

— Не тратьте время на поиски прорех. Что заставило вас прочесть рукопись?

— Ну, наверное, то, что вы не велели мне этого делать. Раз вы так сказали, я уже просто не могла не прочесть. Так что это ваша собственная вина. Но что плохого, если я и прочла?

Все сказанное ею было, конечно же, понятно, и жаль, что я не подумал об этом вовремя. Я предупредил ее, оттого что не хотел впутывать ее в неприятности, и тем самым предопределил с гарантией, что она впутается в них хуже некуда, увязнет по самое горло. И самое скверное, что можно было не впутывать ее вовсе, посылать ее за конвертом не было нужды. Тело Джастина Болларда исчезло, и с момента исчезновения я больше не был подозреваемым. Ну а если бы все повернулось по-другому? — спорил я сам с собой, пытаясь оправдаться. — Шериф не преминул бы обыскать мою комнату в мотеле, обнаружил бы конверт, и тогда-то уж началось бы черт знает что...

— Плохо только то, — сказал я в трубку, — что вы попали в передрагу. Теперь вы...

— Хортон Смит, — взорвалась она, — не вздумайте угрожать мне!

— Я вам не угрожаю. Я очень сожалею, вот и все. Мне не следовало позволять вам...

— О чем это вы сожалеете? — перебила она.

— Кэти, — взмолился я, — выслушайте меня и не спорьте. Как скоро вы могли бы уехать? Вы собирались

домой в Пенсильванию. Вы готовы тронуться в путь немедленно?

— В общем-то да, — сказала она. — У меня все сложено — но какая тут связь?..

— Кэти... — начал я и запнулся. Она испугается, а мне этого совсем не хотелось. Однако как ни крути, а мягких слов тут не отыщешь. — Кэти, — решил я, — человека, написавшего то, что в конверте, убили. Человека, который прислал мне этот конверт, тоже убили буквально пять-шесть часов назад...

Она ахнула:

— И вы полагаете, что я...

— Не валяйте дурака, — сказал я. — Каждому, кто прочтет эту рукопись, грозит опасность.

— А вам? Или эта история с Джастином...

— По-видимому, так.

— Что я должна делать? — спросила она. Без осоловевшего испуга, почти обыденным тоном, ну может, чуть-чуть скептически.

— Вы могли бы сесть в машину и приехать за мной. И заберите конверт, чтобы больше никто не заглянул в него.

— Допустим, я приеду за вами. Что дальше?

— А дальше в Вашингтон. Там есть люди, с которыми надо встретиться.

— Например?

— Хотя бы ФБР для начала.

— Чего же проще, снять трубку...

— Ну уж нет! — Я повысил голос. — Только не по такому поводу. Во-первых, они не верят телефонным звонкам. Им бесконечно звонят всякие психи.

— Но вы, очевидно, верите, что сумеете их убедить.

— Может, и не сумею. Вас ведь я, по-видимому, не убедил.

— Не знаю, что и ответить. Мне надо подумать.

— На раздумья нет времени. Или вы приезжаете за мной, или нет. Думаю, было бы безопаснее путешествовать вместе, хотя полной гарантии дать не могу. Но вы в любом случае едете на восток, и...

— Где вы находитесь? — решительно спросила она.

— В Вудмене. Это поселок вниз по реке.

— Я знаю, где это. Хотите, чтобы я заехала в мотель и забрала какие-то ваши вещи?

— Нет. По-моему, самое важное — выиграть время. Можем вести машину по очереди, останавливаясь только чтобы заправиться и перекусить.

— Где я вас найду?

— Просто-напросто поезжайте медленно по главной улице. Да тут она единственная, шоссе выведет прямо на нее. Я буду поджидать вас. Сдается мне, большого наплыва машин тут сегодня ночью не ожидается.

— Я чувствую себя довольно нелепо, — призналась она. — Все это как-то...

— Мелодраматично, — подсказал я.

— Можно назвать и так. Но, как вы справедливо заметили, я в любом случае собиралась ехать на восток.

— Значит, я жду вас?

— Буду через полчаса, — сказала она. — Ну, может, на пять-десять минут попозже.

Выбравшись из телефонной будки, я обнаружил, что мышцы ног совсем онемели: я слишком долго пробыл в тесном пространстве не шевелясь, — но кое-как дохромал до стойки.

— Вы не спешили, — заметил бармен кислым тоном. — Я уже вышвырнул Джо, пора закрываться. Вот вам виски, только пейте без канители.

Я взял стакан.

— Буду польщен, если вы составите мне компанию.

— Вы что, предлагаете мне выпить с вами? — Я кивнул, но он покачал головой, заявив: — Я не пью.

Я прикончил бурбон, расплатился и вышел на улицу. В тот же миг огни за моей спиной погасли, а через минуту появился бармен и запер дверь на замок. Спустившись на тротуар, он споткнулся и чуть не упал, однако устоял на ногах и, наклонившись, поднял с земли предмет, чуть не послуживший причиной его падения. Это оказалась бейсбольная бита.

— Чертова ребяня, — заявил он. — Играли допоздна, вот кто-то и позабыл ее. — Он рассерженно бросил битку на скамью, что стояла возле двери, и вдруг добавил: — Я что-то не вижу вашей машины.

— А у меня нет машины.

— Но вы же сказали...

— Сказал. Но, если бы я заявил, что у меня нет машины, пришлось бы пускаться в объяснения, а мне надо было успеть сделать эти звонки... — Он взглянул на меня с недоумением: что за чудак — свалился не-

весть откуда, и еще без машины. Тогда я все-таки пояснил: — Приплыл на каноэ. Привязал его у причала.

— А сейчас что вы намерены делать?

— Подожду прямо здесь. За мной подъедет друг.

— Тот, кому вы звонили?

— Вот именно. Тот, кому я звонил.

— Ну что ж, спокойной ночи. Надеюсь, вам не придется слишком долго ждать.

Он пошел прочь, вероятно, домой, но то и дело замедлял шаг и, полуоборачиваясь, поглядывал на меня через плечо.

Глава 12

Где-то в лесу у реки жалобно заухла сова. Ночной ветер стал покусывать, и я поднял воротник рубашки, чтоб сберечь последние крошки тепла. Бродячая кошка крадучись вышла на улицу, замерла, приметив меня, потом свернула, стремглав перелетела на другую сторону и сгинула в темном проулке между домами.

Как только бармен скрылся из виду, Вудмен приобрел облик полностью покинутого поселка. Раньше я не очень-то его разглядывал, зато сейчас, убивая время, я распознал все приметы местечка заброшенного и жалкого, еще одного умирающего городишки, проследовавшего по пути забвения на шаг дальше, чем Пайлот Ноб. Тротуары потрескались, сквозь трещины выбивалась травка и какие-то сорняки. Дома давно запямятовали, когда их красили и чинили, а их архитектура, если уж почтить эти строения подобным словом, принадлежала прошлому столетию. А ведь были дни — наверняка были такие дни, — когда поселок поднимался новехонький и полный надежд: была же некая экономическая целесообразность в его появлении и существовании. И не приходилось сомневаться, что причина, вызвавшая его к жизни, — река в ту пору, когда она еще служила хозяйственной магистралью, когда продукцию ферм и мельниц свозили к пристаням, чтоб погрузить там на пароходы, и те же самые пароходы доставляли обратным рейсом грузы, нужные на селе. Однако река давно

утратила свою хозяйственную роль и вернулась к первобытному состоянию — текучая полоса на пойме, и только. Железные дороги, скоростные автострасы, самолеты в заоблачной вышине похитили у реки все ее значение, кроме первичного, исконного значения для окрестной природы.

А Вудмен стоит заброшенный, поистине тихая заводь в общественной системе, подобная мелким заводям, ответвившимся от главного русла реки. Некогда многообещающее и по-своему значимое, а то и преуспевающее местечко, ныне впавшее в нищету, цепляется за жизнь как малюсенькая точка на карте (отнюдь не на каждой карте), как пристанище для тех, кто потерял связь с действительностью в той же мере, что и сам поселок. Мир ушел вперед, а такие крошечные умирающие городки не ступили и шагу — они задремали и сбились с ноги, и сегодня их, похоже, не слишком волнуют ни весь остальной мир, ни его обитатели. Здесь сохранили, либо создали, либо возродили свой мир, и этот мир принадлежит безраздельно местным жителям — или они ему. И, размышляя на этот счет, я пришел к выводу, что, какова бы ни была подоплека здешних невзгод, доискиваться до нее нет смысла, ибо Вудмен сегодня попросту никому не интересен. И это достойно сожаления, потому что именно в таких городках, дремлющих, забытых и забывчивых, сохранились редкие ныне ценности — забота о ближнем и сочувствие к нему. Ценности, необходимые человечеству. Ценности, которые несомненно нашли бы себе применение, если бы не были большей частью утрачены.

В таких городишках люди до сих пор способны услышать, вообразить себе завывания стаи оборотней, тогда как остальной мир вслушивается, не грянет ли звук пострашнее, звук — предвестник громового удара атомной смерти. По моему мнению, если уж выбирать, то завывания оборотней как-то симпатичнее и безопаснее. И если провинциализм таких поселочков — безумие, то безумие тихое, доброе, даже приятное, в то время как безумие большого мира чем-чем, а добротой не отличается.

Скоро должна появиться Кэти, — вернее, можно надеяться, что появится. Если не появится, на нее тоже нельзя сердиться. Она сказала, что приедет, но я не обманывался: поразмыслив, она могла и передумать. Я

ведь и сам поначалу серьезно усомнился в том, что прочел в рукописи моего друга, а у меня даже тогда было куда больше оснований доверять прочитанному, чем у Кэти.

Ну а если она не появится, что прикажете делать дальше? Самое логичное — вернуться в Пайлот Ноб, собрать свои пожитки и направиться в Вашингтон. Хотя мне не было до конца ясно, получится ли из этого что-нибудь путное. Куда лучше сунуться — в ФБР или в ЦРУ? Или куда-то еще? Надо найти кого-то, кто выслушал бы меня, и выслушал со вниманием, а не пропустил бы мои слова мимо ушей как бред сумасшедшего.

Я стоял, прислонившись к стене дома, где ютился бар, и посматривал в сторону, откуда должна была вот-вот появиться Кэти, когда вместо нее из мрака рысцой выбежал волк.

В волках есть некое качество, не присущее ни одному другому зверю. Какой-то глубинный инстинкт из отдаленного прошлого бросает нас при виде волка в дрожь, поднимает волосы дыбом. Вот перед нами непримиримый враг, убийца столь же жестокий и беспощадный, как и сам человек. В нем нет ни крупитцы великодушия, он коварен и изобретателен, жесток и неумолим. Между ним и человеком нет и не может быть перемирия — взаимная вражда тянется слишком долго. Неудивительно, что завидя волка, вынырнувшего из мрака, я ощутил мгновенный озноб и мурашки по коже.

Волк бежал целеустремленно. Не крался, не таился — у него была определенная цель, и он был не намерен отвлекаться по пустякам. Он был большой и черный или, по крайней мере, ночью казался черным, а кроме того, он был тощий и выглядел проголодавшимся.

Я оторвался от стены и торопливо огляделся вокруг в поисках чего-нибудь, что могло бы служить оружием. Взгляд мой упал на бейсбольную биту — она лежала там, куда бармен швырнул ее, на скамье. Дотянувшись до нее одним движением, я ухватился за рукоять. Бита была увесистой и неплохо пришлась по ладони.

А когда я вновь посмотрел на улицу, там оказался уже не один волк, а три. Они бежали цепочкой друг за другом, одинаковой рысцой и с одинаковой, действующей на нервы самоуверенностью.

Я застыл на тротуаре с зажатой в руке битой. Как только первый волк поравнялся со мной, он остановился и развернулся ко мне мордой.

Наверное, я мог бы заорать и перебудить весь поселок, и уж точно, что мог позвать на помощь. Однако идея такого рода даже не пришла мне в голову. Это дельце следовало решить между нами, между мной и этими тремя волками — нет, уже не тремя, их стало больше, они вереницей выныривали из ночи и трусили по улице в мою сторону.

Я же знал, знал с самого начала, что это не волки, не просто волки, не обыкновенные волки, рожденные и выросшие на обыкновенной земле. Не более подлинны, чем морской змей, объявившийся на реке. Это были те самые, с которыми я уже был знаком, те, про которых рассказывала Линда Бейли, а может, те самые, которых я слышал накануне вечером, когда вышел на минутку вдохнуть свежего воздуха. Линда Бейли говорила — собаки, но какие к черту собаки! Олицетворение древнего ужаса, восходящего к первым дням человечества, и ужас этот не только уцелел в бессчетных столетиях, но, более того, столетия закрепили, отточили и материализовали его.

Словно повторяя маневр, отрепетированный заранее на учениях, волки подбегали к своему лидеру, выстраивались в шеренгу и разворачивались ко мне. Собравшись все вместе, они разом сели, будто по чьему-то приказу, и сидели рядом в одинаковых позах — прямо, но без напряжения, аккуратно подобрав передние лапы под себя. Посидев немного, они вывалили языки набок и принялись дышать — не очень шумно, почти застенчиво. И не спускали с меня глаз, не отводили от меня взглядов ни на секунду.

Я пересчитал волков — их оказалась ровно дюжина.

Тогда я перехватил биту, стиснул ее покрепче, хотя и понимал, что, если они накинута на меня, надеяться не на что. Если накинута, то, без сомнения, все одновременно, как одновременно исполняли все остальное. Бейсбольная бита, только бы размахнуться хорошенько, — страшное оружие, и я наверняка успею прибить одного, а то и нескольких, но никак не успею прибить всех. Может быть, я сумел бы, подпрыгнув, достать до железного кронштейна, на котором болталась вывеска

с кружкой пива, но крайне сомнительно, что кронштейн выдержит мой вес. Он и без того скособочился и прогнулся. Винты, или болты, или на чем он там крепится, выскочат из трухлявого дерева при малейшем усилии.

Остается одно, — внушал я себе, — собрать все свое мужество, и будь что будет...

Но на мгновение я отвлекся от волков, чтоб посмотреть на вывеску, а когда взглянул на них снова, перед ними, откуда ни возмись, вырос уродец-монстренок с заостренной головкой.

— Надо бы позволить им сожрать вас, — пропищал он злобно. — Там на реке у вас не имелось такого права огреть меня веслом...

— Если ты не закроешь варежку, — ответил я, — я огрею тебя еще и этой битой.

Он в ярости подпрыгнул вверх-вниз, как мячик.

— Какая неблагодарность! — проверещал он. — Если бы не правила...

— Какие правила? — удивился я.

— Надо бы знать, — завизжал он, вне себя от гнева. — Это же вы, люди, навязали их нам.

И тут до меня дошло.

— Ты имеешь в виду эту белиберду, что трижды испытан — заговорен?

— К несчастью, — взвизгнул он, — это так и есть.

— И теперь, когда вы, недоумки, опростоволосились трижды подряд, с меня взятки гладки?

— Увы, — согласился он.

Я опять поглядел на волков. Они сидели в той же позе, свесив языки, и ухмылялись. Я догадался, что им все равно, броситься ли на меня или удалиться трусцой восвояси.

— Но есть кое-что в дополнение, — заявил монстренок с заостренной головкой.

— Что, припасли уловку про запас?

— Вовсе нет, — откликнулся монстренок. — Дело касается благородного рыцарства.

Я пришел в недоумение, при чем тут рыцарство, но вопроса не задал. Было ясно, что он и сам все скажет. Ему не терпелось, чтобы я спросил. Его, видно, до сих пор коржило от того удара веслом, и ему донельзя хотелось поиздеваться надо мной. Он злобно пиялся

на меня из-под свисающих с макушки косм и молчал. Молчал и я, крепко сжимая битую. А волки потешались от души, их просто распирало от беззвучного смеха.

В конце концов он не выдержал.

— Вы свой трехкратный заговор имеете, — заявил он. — Но есть особа, которая не имеет.

Он застиг меня врасплох и смекнул, что застиг врасплох, — его счастье, что я никак не дотянулся бы до него битой.

— Ты говоришь о мисс Адамс, — уточнил я как мог хладнокровнее.

— Вы быстро уловили суть, — одобрил он. — Желаете ли вы, как благородный джентльмен, принять ее искуса на свои плечи? Если бы не вы, она не была бы уязвима. Полагаю, вам приличествует вернуть ей долг.

— Согласен, — заявил я.

— Вы серьезно? — выкрикнул он с ликованием.

— Совершенно серьезно.

— Вы принимаете на свои плечи...

Я прервал его:

— Кончай разглагольствовать. Я сказал то, что сказал.

Вероятно, я мог бы потянуть время, но в таком случае, по-моему, потерял бы лицо, а мне почему-то казалось, что терять лицо при данных обстоятельствах никак нельзя.

Волки разом поднялись на ноги и разом прекратили шумно дышать, и усмешку с них как ветром сдуло.

Мысли крутились бешеным водоворотом: что бы такое придумать, что предпринять, чтоб появился хоть какой-то шанс выбраться из этой западни? Но водоворот крутился впустую. Идей не возникало.

Волки неторопливо двинулись вперед, вид у них был целеустремленный и деловой. Они выполняли поставленную задачу и были полны решимости выполнить ее и перейти к очередным делам. Я попятился. Если прижаться спиной к стене, то, может, удастся продержаться чуть подольше. Я замахнулся на волков битой — они приостановились, потом двинулись снова. Что оставалось? Прильнуть к стене и ждать.

И тут в стену напротив ударил сноп света, повернулся как на шарнире и устремился вдоль улицы в нашу сторону. Из ночи вынырнули слепящие фары. Протесту-

юще взвыл мотор — машина резко набрала скорость, вой смешался с истерическим визгом покрышек.

Волки обернулись, присели в испуге, пригвожденные лучом света, потом шевельнулись, но два-три из них шевельнулись недостаточно резво. Машина влетела в стаю, как плут, послышался тошнотворный хрюск металла, раздирающего мясо и крошащего кости. И — волков не стало, они пропали, как пропал монстренок с заостренной головкой, когда я на реке врезал ему вешлом.

Машина замедлила ход, и я бросился к ней со всех ног. Не то чтобы я предвидел новую немедленную угрозу, но в салоне я буду точно в большей безопасности.

Едва машина остановилась, я подскочил к ней, взобрался на сиденье, захлопнул дверцу, запер на замок и выдохнул:

— Один искуc пройден, два впереди.

— Один искуc пройден? — переспросила Кэти дрогнувшим голосом. — Как это понять?

Она старалась держать себя в руках, однако ей это не очень удавалось. Я потянулся к ней в темноте, коснулся ее и понял, что ее бьет дрожь. Видит Бог, вполне обоснованно.

Я притянул ее к себе и обнял, а она прильнула ко мне. А вокруг простиралась тьма, проникнутая древним ужасом и тайной.

— Что это были за звери? — спросила она нетвердо. — Они прижали вас к стене и выглядели как волки.

— Это и были волки. Только особенные.

— Особенности?

— Волки-оборотни. По крайней мере, мне так кажется.

— Но, Хортон...

— Вы же читали рукопись. Хотя не должны были этого делать. Теперь вам следовало бы понимать...

Она отшатнулась от меня.

— Но такого не может быть! — заявила она суровым тоном учительницы. — Не может быть ни оборотней, ни гоблинов, ни остальных в этом духе...

Я тихо рассмеялся — я ничуть не упивался собой, просто меня позабавила искренность ее протеста.

— Их и не было, — сказал я, — пока не объявился нахальный щуплый примат и не вообразил их себе.

Она взглянула на меня пристально и произнесла:
— Однако здесь, в Вудмене, они были...
— И сожрали бы меня, не подоспей вы вовремя.
— Я ехала очень быстро. Слишком быстро для такой дороги. Кляла себя за это, но чувствовала, что надо спешить. Я так рада, что не опоздала...

— Я тоже.
— Что будем делать теперь?
— Поедем дальше. Не теряя времени. Не задерживаясь ни на минуту.
— В Геттисберг?
— Вы же собирались именно туда.
— Да, конечно. Но вы упоминали Вашингтон.
— Мне действительно надо попасть в Вашингтон. И как можно скорее. Может, было бы лучше...

— А что если я поеду с вами прямо в Вашингтон?
— Если бы вы только смогли. Это было бы во сто крат безопаснее.

Я сам удивился своим словам. Как я смею гарантировать ей безопасность?

— Тогда, наверное, нужно трогаться не откладывая. Путь неблизкий. Хортон, вы не согласились бы сесть за руль?

— Разумеется, — ответил я и открыл дверцу.
— Не надо! — воскликнула она. — Не выходите наружу!

— Я же должен обойти машину.
— Поменяемся местами не выходя. Протиснемся как-нибудь...

Я рассмеялся. Я стал ужасно храбрым.
— С этой бейсбольной битой мне ничто не грозит. Да там, снаружи, и нет никого.

Тут я ошибся. Некто или нечто возникло опять. Оно вскарабкалось по борту машины и к моменту, когда я вышел, устроилось на капоте. И повернулось ко мне, приплясывая от негодования. Заостренная головенка тряслась, остроконечные уши хлопали по щекам, шляпа из волос, свисающих с макушки, прыгала вверх и вниз.

— Я рефери, — визгливо объявил монстренок. — Вы берете хитростью. За такую грязную игру полагаются штрафные очки. Я подаю на вас протест за нарушение правил...

Вне себя от ярости, я схватил биту обеими руками и размахнулся. Для одного вечера с меня было достаточно, странный уродец допек меня вконец.

Медлить он не стал. Он усвоил, чего можно ждать, — колыхнулся и исчез, и бита просвистела по воздуху.

Глава 13

Я пытался заснуть, привалившись к спинке сиденья, но сон не шел. Тело остро нуждалось во сне, а мозг бунтовал и не соглашался спать. Я проваливался в сон, блуждал по самой его кромке — и мне никак не удавалось провалиться в него окончательно.

Перед глазами строем проходили картины, и не было им предела, да и повода к ним, прямо скажем, не было. Я даже не думал, я был слишком вымотан для того, чтобы думать. Я слишком долго просидел за баранкой — всю ночь до рассвета, потом мы остановились перекусить где-то возле Чикаго, а потом я снова гнал машину прямо на восходящее солнце, пока меня наконец не сменила Кэти. После этого я сразу попробовал заснуть и ухитрился чуть-чуть подремать, однако отдохнувшим себя не чувствовал. У границ Пенсильвании мы пообещали, и теперь я твердо решил урвать часок-другой на настоящий сон. Только ничего из этого не выходило.

Ко мне опять подкрадывались волки, трусили на мягких лапах с тем же безразличием, с каким трусили по улице в Вудмене. Они окружали меня, я прижимался спиной к стене, я высматривал Кэти, я ждал ее, а она не появлялась. Волки нападали на меня, и я бился с ними, сознавая, что все равно их не одолею, а рефери забрался на кронштейн со скрипучей вывеской и писклявым голоском выкрикивал в мой адрес проклятья. Ноги и руки наливались свинцом, ими было трудно

пошевелить, и я отчаянно, до боли, до изнеможения хотел заставить их слушаться. Я наносил удары битой, но удары получались слабые, немощные, хоть я вкладывал в них всю свою силу. И я недоумевал и огорчился, пока меня наконец не осенило, что в руках у меня не бейсбольная бита, а гибкая, извивающаяся гремучая змея.

И едва я осознал это, как змея, и волки, и Вудмен поблекли и стерлись, и оказалось, что я вновь беседую со старым другом, который съезжился в кресле, угрожающем поглотить его без остатка. Он показал мне жестом на дверь, ведущую во дворик, и, повинуясь жесту, я поднял глаза к небу и увидел там волшебную страну с древними корявыми дубами и средневековым замком, взметнувшим ввышину белоснежные шпили и башенки, а по дороге, что вела к замку и петляла между дикими безмолвными скалами, шествовала пестрая толпа разномастных рыцарей и чудищ. «По-моему, мы в осаде», — сказал мне мой друг, и только он это сказал, как у меня над ухом просвистела стрела и впилась ему в грудь. Где-то за кулисами, словно я очутился на театральных подмостках, сладенький голос начал декламировать: «Кто убил малиновку вместо воробья?..»* — и, присмотревшись внимательно, я понял со всей ясностью, что мой старый друг со стрелой в груди — никакая не малиновка, а самый настоящий воробей, и то ли его подстрелил другой воробей, то ли я недопонял и малиновка сразила воробья, а не наоборот. И я заявил уродцу-монстренку-рефери, который теперь пристроился на каминной полке: «Почему ты не подаешь протест, ведь это грязная игра, самая грязная из всех возможных, если мой друг убит...» Хотя, в сущности, я не был уверен, что он убит: он все так же сидел, утонув в кресле, сидел с улыбкой на губах, и там, куда вошла стрела, не показалось ни капли крови.

Но тут, подобно волкам в Вудмене, мой старый друг и его кабинет исчезли без следа, зеркало моего сознания очистилось, и я обрадовался этому, однако почти мгновенно выяснилось, что я бегу по улице, а впереди маячит здание, знакомое мне и многим, и мне непременно нужно туда попасть, я стремлюсь к нему из послед-

* Строка из популярной в Америке детской песенки.

них сил, это очень важно, и в конце концов добираюсь до цели. За столом сразу у входной двери расположился агент ФБР. Я сразу понимаю, что он агент, по квадратным плечам и выпирающей челюсти, а также по черной шляпе пирожком. Я наклоняюсь к самому его уху и передаю ему шепотом страшную тайну, о которой нельзя говорить никому, потому что она грозит смертью каждому, кто проникнет в нее. Агент слушает меня без всякого выражения на лице, ни разу не шевельнув бровью, а когда я заканчиваю рассказ, хватается за телефонную трубку. «Ты гангстер, — кричит он мне, — я узнаю вашего брата за сотню шагов!..» И тут я вижу, что ошибся, что никакой он не агент, а просто Супермен. Без малейшей паузы на его месте оказывается другой человек в другом здании — этот стоит сурово и величественно, седые волосы тщательно расчесаны, седые усы щеточкой тщательно подстрижены. Я сразу понимаю, что он не кто иной, как агент ЦРУ, и привстаю на цыпочки, чтобы поведать ему на ухо ту же тайну, что и человеку, ошибочно принятому за фэбээровца, но на сей раз я старательно подбираю выражения, привычные для ЦРУ. Суровый агент стоит и слушает и, выслушав, хватается за телефонную трубку. «Ты шпион, — объявляет он мне, — я распознаю шпионов за сотню шагов!..» И тут я отдаю себе отчет, что и ФБР, и ЦРУ мне привиделись, что я вовсе не в здании, а на утрюмой серой равнине, простирающейся во все стороны до самого горизонта, но горизонт тоже сер, и не разберешь, где кончается равнина и начинается небо.

— Ну постарайтесь заснуть, — сказала Кэти. — Вам необходимо поспать. Хотите таблетку аспирина?

— Зачем мне аспирин, — пробормотал я. — Я маюсь не от головной боли...

Мои мученья были, вне сомнения, куда хуже головной боли. Это не были сны — я же полубодствовал. И я знал, все время знал, какие бы миражи ни пронеслись в моем сознании, что нахожусь в машине и что машина движется. Даже пейзажи за окном не утратились полностью: я полужамечал деревья и холмы, поля и отдаленные фермы, встречные и попутные машины и саму дорогу, мерцающую впереди, я полуслышал шум мотора и шелест шин. Но все это виделось и слышалось тускло и глухо, скользило мимо, не задевая разума и не влияя на миражи, порожденные мозгом, который поте-

рял контроль над причинами и следствиями и бредил, обобщая фантастику оживших небылиц.

Я опять очутился на равнине, но теперь уяснил себе, что она лишена всяких примет, пустынна и вечна, равна как скатерть и на ней нет ни рубчика, ни холмика, ни деревца, что этой безликости нет конца, нет края и что небо над равниной, в точности как она сама, лишено примет — ни облачка, ни солнца, ни звезды, и вообще непонятно, день здесь или ночь: для дня слишком темно, для ночи слишком светло. Короче, глубокие сумерки — и я задал себе вопрос, могут ли сумерки длиться вечно, может ли статься, что здесь и не будет ничего, кроме сумерек, стремящихся к ночи, но не способных перейти в нее. Я торчал на равнине, пока до меня не донесся далекий вой — вой, который не спутать ни с чем, такой же точно, как когда я вышел за глотком свежего воздуха и услышал стаю, беснующуюся в Унылой лощине. Напуганный, я стал медленно озираться, пытаюсь определить, откуда пришел звук, и вдруг различил нечто бредущее у самого горизонта и смутно чернеющее на фоне серого неба. Смутно, и все же как не узнать эту иззубренную спину, эту длиннущую изогнутую шею, увенчанную безобразной, верткой и жадной головой.

Я бросился бежать, хотя бежать было некуда, а уж спрятаться и подавно негде. И на бегу разобрался, что эта равнина — место, которое существовало всегда и будет существовать всегда, где ничего никогда не случилось и ничего никогда не случится. И сразу же я уловил еще один звук, непрерывный и надвигающийся, просто слышен он был лишь в паузах, когда волки смолкали, — не то хлопки, не то шлепки, сопровождаемые шуршанием и время от времени резким, жестким гулом. Я завертелся, шаря взглядом по поверхности равнины, и спустя мгновение увидел их — целый эскадрон стелющихся и извивающихся, устремившихся на меня гремучих змей. Я снова бросился бежать, напрягаясь до хрипоты, до свиста в легких, — и ведь знал, прекрасно знал, что бежать нет смысла, да и резона нет. Потому что здесь, на этой равнине, ничего никогда не случилось и ничего никогда не случится, а следовательно, здесь полностью безопасно. Бежать меня заставляет страх, и только страх. Здесь безопасно, здесь не существует опасности, но именно поэтому — другая сторона медали — здесь все тщетно и нет места

надежде. И тем не менее я бежал и не мог остановиться. Волчий вой не приближался и не отдалялся, а доносился с того же расстояния, что и прежде, да и змеи, шлепая и шурша, держались со мной наравне. Силы мои истощились, я задохнулся и упал, потом вскочил, снова бросился бежать и снова упал. Наконец я упал и остался лежать, безразличный ко всему и к тому, что случится со мной, — хотя мне ведь было известно, что здесь ничего не случается. Я даже не пытался встать. Я просто лежал и позволил тщете, безнадежности и тьме сомкнуться надо мной.

Однако неожиданно меня пронзила догадка, что дело дрянь. Не было больше ни шума мотора, ни шелеста шин по бетону, ни ощущения движения. Вместо этого был тихий шорох ветра и запах цветов.

— Проснитесь, Хортон! — Голос Кэти звучал испуганно. — Что-то случилось. Что-то очень, очень странное...

Я разомкнул веки и сделал усилие, чтоб приподняться. Потом обеими руками протер слипшиеся со сна глаза.

Машина стояла как вкопанная, и не на автостраде. И вообще не на проезжей дороге, а на убогом проселке — выбитые повозками глубокие колеи петляли вниз по склону, обходя валуны, деревья и густые кусты, усыпанные яркими цветами. Меж колеями росла трава, и над всем висела первозданная тишина.

Мы находились, по-видимому, на вершине высокого холма или даже горы. Ниже нас склоны были сплошь одеты лесом, а здесь, на вершине, деревья росли реже, зато поражали если не числом, то размерами — в большинстве своем могучие дубы с узловатыми, перекрученными ветвями и со стволами, запятнанными толстыми наростами мха.

— Ехала я себе ехала, — рассказывала потрясенная Кэти, — не слишком быстро, ниже лимита, скорость была примерно миль пятьдесят. И вдруг никакой дороги, машина прокатилась чуть-чуть и встала, мотор заглох. Но это невозможно! Так просто не бывает...

Я все еще не совсем очухался. Протер глаза снова — и не столько чтобы снять остатки сна, сколько потому, что местность выглядела как-то неправдоподобно.

— Не было никакого торможения, — продолжала Кэти. — Никакого толчка. И как можно вообще ока-

заться за пределами автострады? С нее же никак не съедешь...

Я видел где-то такие дубы, видел — и силился припомнить, где и когда. Не эти дубы конкретно, но другие точно такие же.

— Кэти, — обратился я к ней, — где мы?

— Наверное, на гребне гор Саут Маунтинз. Я только что проехала Чемберсберг.

— Ага, — сказал я, представив себе карту, — значит, мы почти добрались до Геттисберга.

По правде говоря, когда я задавал свой вопрос, я имел в виду нечто совсем иное.

— Вы до сих пор не сознаете, Хортон, что нас обоих могло убить...

Я покачал головой.

— Ну нет, не могло. Только не здесь.

— Как вас понять? — спросила она, раздражаясь.

— Взгляните на эти дубы, — предложил я. — Вы никогда раньше не видели таких дубов?

— Насколько помню...

— Нет, вы их видели. Обязательно видели. В детстве. В книжках про короля Артура, а может, про Робин Гуда.

Она ахнула и схватила меня за руку.

— На старых романтических, пасторальных рисунках!

— Совершенно верно. И все дубы в этом мире, вероятно, именно таковы, все тополя — высоки и величавы, а кроны сосен — треугольные, как на картинках.

Она стиснула мою руку еще крепче.

— Значит, это иной мир? Тот, что в рукописи вашего друга...

— Возможно, — ответил я. — Возможно...

Я понимал, что другого объяснения нет, я вполне верил Кэти, что, не попади мы в этот мир, мы оба, слетев с автострады, погибли бы, — и все равно пережить случившееся было неимоверно трудно.

— Но я думала, — сказала Кэти, — что этот мир населен призраками, гоблинами и прочими страшилищами...

— Страшилища тут водятся, не без того. Но скорее всего, не только страшилища, а наряду с ними и добрые существа.

Ибо, — добавил я про себя, — если это действительно тот мир, который гипотетически обрисовал мой друг, тогда он вместил в себя все легенды и мифы и все волшебные сказки — при условии, что человек вообразил их так полно и интенсивно, что они стали частью его самого.

Я отворил дверцу и выбрался наружу.

Небо было синее, пожалуй, чуть более синее, чем надо. Трава была капельку зеленее, чем обычная трава, и в ее сверхзелености проступал еще и оттенок счастья — тот, что, наверное, заметен восьмилетнему ребенку, выбежавшему босиком на свежую, мягкую весеннюю мураву.

Осмотревшись, я пришел к заключению, что пейзаж воистину сказочен до мельчайших подробностей. Они-то, подробности, подчеркивали неуловимым образом — не выразишь словами, — что это не земной, не трехмерный пейзаж: он был слишком хорош для какой бы то ни было страны на Земле. Пейзаж выглядел как иллюстрация, раскрашенная от руки.

Кэти, обойдя машину, стала со мной рядом.

— Здесь так покойно, — сказала она. — Так покойно, что не верится...

Откуда-то снизу к нам пришлепал пес — именно пришлепал, а не прибежал. Вид у него был анекдотический. Свои длинные уши он норовил держать торчком, но верхние их половинки все равно перегибались и свисали вниз. И весь он был большой и нескладный, а хвост, похожий на палку, торчал вертикально вверх, как радиоантенна. Шерсть у него была гладкая, лапы огромные, а в то же время он был невероятно тощ. Голову, несуразно костлявую, он держал высоко, с достоинством, и скалился, демонстрируя превосходные зубы, но самое смешное заключалось в том, что зубы были не собачьи, а человечески.

Он подошел к нам вплотную, замер, а затем, вытянувшись, положил морду на передние лапы. При этом зад оставался приподнятым, а хвост крутился пропеллером, описывая точные круги. Пес был чертовски рад встрече с нами.

Но тут снизу донесся резкий, нетерпеливый свист. Пес вскочил и повернулся в сторону, откуда свистели. Свист повторился — тогда карикатурный пес глянул на нас еще раз через плечо, словно извиняясь, и припустил

под гору. Манера бежать у него оказалась столь же несуразная, как и все остальное: задние лапы на бегу перегоняли передние, а хвост, задранный под углом сорок пять градусов, вращался бешеными кругами от неистовой радости бытия.

— Откуда я знаю этого пса? — произнес я. — Я его определенно где-то видел...

— Ну как же! — ответила Кэти, поражаясь моей несообразительности. — Это же Плут, пес Мики Мауса!

Я осерчал на себя. Форменная глупость не узнать пса, которого следовало бы отличить без промедления! Но, когда настраиваешься на встречу с гоблинами и феями, никак не лезет в голову, что нарвешься на персонаж из мультфильмов.

А между тем все они, естественно, тоже здесь — вся честная компания. Доктор Як, и скверные мальчишки-кошкодавы, и Гарольд Тинэйджер, и бестолковый Дэгвуд, не говоря уж о причудливых героях, выпущенных в мир Диснеем.

Плут явился к нам, желая познакомиться, но Мики Маус свистом отозвал его, — и мы оба, Кэти и я, не усмотрели в этом ничего необычного. Если бы мы оставались вне этого мира, за его пределами, и смотрели на вещи с обыденной логической точки зрения, то не сумели бы принять подобное происшествие нипочем. Да что там, мы ни при каких обстоятельствах не согласились бы с тем, что этот мир вообще существует и что сюда можно попасть. Но раз уж мы здесь и не можем отойти в сторону, остается лишь отбросить сомнения и возвести шутовство в ранг истины.

— Хортон, — спросила Кэти, — что нам теперь делать? Как по-вашему, сможет машина пройти по такой дороге?

— Можно ехать медленно. На первой скорости. А может, дальше дорога станет лучше...

Она вновь обошла машину кругом и уселась за руль. Потянулась к зажиганию, повернула ключ — никакого эффекта. Выключила зажигание, попробовала опять — и не раздалось ни звука, не было даже слабого бряканья, какое слышится при заупрямившемся стартере.

Я подобрался к машине спереди, отпер замки капота и открыл его. Сам не понимаю, чего ради я это сделал. Я же не механик и не сумел бы совладать с неисправ-

ностью, даже если бы нашел ее. Перегнувшись через радиатор, я осмотрел мотор — вроде бы все нормально. Добрая половина мотора могла бы отсутствовать вовсе — я бы ничегошеньки не заметил.

Вскрик и глухой удар оторвали меня от моего занятия. Подскочив, я грохнулся головой о крышку капота.

— Хортон! — позвала Кэти.

Я стремглав бросился на крик — она сидела на земле с лицом, перекошенным от боли.

— Нога... — выдохнула она. Тут я заметил, что ее левая нога застряла в колее. — Вылезала из машины и ступила наземь не глядя...

Опустившись подле нее на колени, я высвободил ногу из капкана как мог осторожнее. Туфля осталась в колее. Щиколотка у Кэти покраснела, и уже образовался кровоподтек.

— Ну что за дурость! — упрекнула она себя.

— Больно?

— Еще бы нет! Кажется, я ее вывихнула. Или растянула.

Щиколотка выглядела так, что в это нетрудно было поверить. И что к чертям прикажете делать с вывихнутой ногой в таком заповеднике? Врачей здесь, разумеется, нет. Вроде бы я когда-то слышал, что рекомендуется затянуть вывих эластичным бинтом, но бинта здесь, конечно, тоже не сыщешь.

— Надо снять чулок, — сказал я. — Если распухнет...

Кэти без возражений подняла юбку и, отстегнув подвязку, приспустила чулок. Я бережно стащил его и, как только эта деликатная операция завершилась, стало ясно, что щиколотка повреждена, и сильно. Она воспалилась и слегка отекала.

— Кэти, — сказал я, — просто не представляю себе, что полагается делать в таких случаях. Может, вы знаете...

— По всей вероятности, все не так плохо, хоть и болит. Завтра-послезавтра пройдет. Машина послужит нам убежищем. Даже если она не заведется, в ней можно жить.

— А вдруг найдется кто-нибудь, кто сможет помочь? Без помощи мне не справиться. Если бы у нас был бинт! Я мог бы порвать на бинты рубашку, но нужна эластичность...

— Кто-нибудь, кто может помочь? Здесь-то?

— Попытка не пытка. Вы же видели, тут живут не только призраки с гоблинами. Наверное, гоблинов даже не слишком много. Они устарели, вышли из моды. Теперь тут другие...

— Возможно, вы и правы, — кивнула она. — Идея поселиться в машине не такая уж и богатая. Нам нужно есть и пить. Но, быть может, мы рано перепугались. Быть может, я не лишилась способности ходить.

— Кто это перепугался? — подал я голос.

— Меня не проведете, — резко сказала она. — Мы попали в переделку, и вам это прекрасно известно. Мы ничего не знаем об этом мире. Мы тут иностранцы. У нас, если угодно, нет права здесь находиться.

— Мы же сюда не напрашивались...

— Какая разница, Хортон?

Да, наверное, никакой. Очевидно, кому-то понадобилось, чтобы мы очутились здесь. Кто-то перенес нас сюда.

От такой мысли мне стало не по себе. Я не за себя испугался, — по крайней мере, мне казалось, что не за себя. Черт побери, я-то вытерплю любую гадость. После гремучих змей, морского змея и оборотней меня уже ничем не проймешь. Но вот Кэти, — как хотите, а затаскивать сюда и ее было нечестно.

— Послушайте, — обратился я к ней, — что если я посажу вас в машину, вы замкнетесь изнутри, а я тем временем совершу небольшую разведку?

— Что ж, — согласилась она. — Если вы мне можете...

Я не стал ей помогать. Я попросту поднял ее и усадил в машину. И, опустив ее на сиденье, дотянулся до противоположной дверцы, чтобы включить замок.

— Поднимите стекло и закройте, — повторил я. — И кричите громче, если что-нибудь. Я буду недалеко, я услышу...

Она почти подняла стекло, потом приспустила его снова и, подняв с полу бейсбольную биту, просунула ее мне через окно.

— Возьмите, пригодится.

И я зашагал по тропинке вниз с битой в руке. Чувство было довольно-таки дурацкое, но бита приятно тяжела ладонь и действительно могла пригодиться.

На повороте, там, где тропинка огибала огромный дуб, я остановился и оглянулся. Кэти смотрела мне вслед сквозь ветровое стекло. Я помахал ей и двинулся дальше.

Склон был крутой. Верхушки деревьев смыкались ниже меня сплошной непролазной чащобой. Не было ни ветерка, лес стоял недвижимый, только зелень листвы посверкивала, отражая предвечернее солнце.

Еще чуть ниже — и тропинка заложила новую петлю, огибая еще один дуб, а за поворотом меня поджидал указатель. Он был сильно побит временем и непогодой, однако надпись читалась отчетливо: «НА ПОСТОЯЛЬНЫЙ ДВОР» — и рядом стрелка.

Вернувшись к машине, я втолковывал Кэти:

— Не знаю, что это за двор, но не исключено, что там будет все-таки лучше, чем в машине. Может, там съестся кто-нибудь, кто подлечит вам ногу. И во всяком случае мы добудем холодной воды, а то и горячей. Какая вода помогает при вывихах, холодная или горячая?

— Понятия не имею, — отвечала Кэти, — и постоялый двор меня что-то не привлекает, но не можем же мы сидеть здесь сложа руки. Надо хоть разобраться, что происходит, и представить себе, что нас ждет...

Постоялый двор улыбался мне не больше, чем ей. Мне вообще не улыбалось ничто в этом мире, — но в принципе она была права. Невозможно было просто скорчиться там, куда нас забросило, и беспомощно ждать у моря погоды. Я вытащил Кэти из машины и посадил на капот, закрыл дверцы на ключ, а ключ положил в карман. А потом взял Кэти на руки и пошел под гору.

— Вы забыли битую, — напомнила она.

— А куда бы я ее дел?

— Я бы ее подержала.

— Похоже, что она нам не понадобится, — заверил я и продолжал идти, более всего опасаясь споткнуться и тщательно примеряясь к дороге на каждом шагу.

Сразу за указателем тропинка опять вильнула, обходя огромную кучу камней, и, как только камни остались позади, на дальнем гребне открылся замок. Я так и застыл, едва увидев его, — уж очень неожиданным оказалось это зрелище, завораживающим до неподвижности.

Возьмите все прекрасные, феерические, романтические, многоцветные изображения замков, какие вы когда-либо видели, и совместите их так, чтобы ни одна привлекательная деталь не пропала. Забудьте все, что читали о реальных замках как о грязных, антисанитарных логовищах, наполненных зловонием и сквозняками, и вспомните взамен замки сказочные, Камелот короля Артура, замки Уолта Диснея. Если преуспеете в этом, то, быть может, получите слабенькое представление о том, что предстало нашему взору. Воплощение мечты, нечто из эпохи романтизма и рыцарства, дожившее до наших дней. Замок высился на гребне в своей блистающей белизне, а на шпилях и башенках развевались флажки и вымпелы всех цветов радуги. Здание было столь совершенным, что каждый понял бы инстинктивно и мгновенно: другого такого не встретить уже никогда.

— Хортон, — попросила Кэти, — опустите меня на землю. Хочу посидеть чуть-чуть, просто полюбоваться. И вы знали, что здесь такое чудо, и ни словечка не сказали!

— Чего не знал, того не знал. Я повернул назад сразу же, как наткнулся на указатель со стрелкой.

— Тогда, может, попробуем попроситься в замок? Ну его, этот постоялый двор...

— Что ж, попробовать можно. Туда должна быть дорога.

Я спустил ее на траву и сам уселся рядом.

— По-моему, нога болит меньше, — сказала она. — Наверное, я сумела бы справиться, даже если пришлось бы пройти пешком. — Я недоверчиво покачал головой. Нога у Кэти покраснела и опухла так, что лоснилась. — Знаете, когда я была маленькой, я воображала себе замки именно такими, романтически великолепными. Потом я прослушала курс истории средних веков и узнала правду. Но вот перед нами замок во всем величии, и флаги развеваются на ветру...

— Это именно такой замок, какой вы создали в воображении. Вы и миллионы других маленьких девочек в своих маленьких романтических головенках...

И ведь речь не только о замках, — напомнил я себе. Здесь, в этом мире, материализовались все фантазии, какие человечество породило на протяжении веков и веков. Где-нибудь здесь Гекльберри Финн плывет на

плоту по реке, которой нет конца. Где-нибудь в этом мире Красная Шапочка бежит вприпрыжку по лесной дорожке. А где-нибудь бродит и злополучный мистер Мэгу*, почти на ощупь пробираясь от нелепости к нелепости.

И какова же цель всего этого — и обязательна ли цель? Эволюция сплошь и рядом тоже бредет вслепую, и на первый взгляд кажется, что у нее нет особого плана. И людям, скорее всего, не стоит даже пытаться докопаться до цели этого мира, потому что люди — слишком уж люди в основе своей, чтобы воспринять, не говоря уж о том, чтоб постигнуть, стиль существования, отличный от их собственного. В точности так же, как динозавры были бы неспособны воспринять мысль (если у них вообще были мысли) о человеческом разуме, который придет им на смену.

Но ведь этот мир, — напомнил я себе, — тоже часть нашего разума... Все предметы и явления, все существа, все идеи этого мира — или этого измерения, или этого параллельного пространства, — по сути, производные человеческого разума. По-видимому, весь этот мир — продолжение разума. Мысль, рожденная разумом, использована здесь как сырье для строительства нового мира, как основа, на которой зиждутся новые эволюционные процессы.

— Я могла бы просидеть тут весь день, — сказала Кэти, — просто сидеть и смотреть на замок, но, наверное, если мы хотим попасть туда, нам надо двигаться. Идти сама я, кажется, все-таки не смогу. Вам будет очень неприятно?..

— Однажды в Корее, в дни отступления, мой оператор был ранен в бедро, и мне пришлось тащить его на себе. Мы с ним и так слишком отстали от остальных, ну и... — Она рассмеялась радостно. — Он был много больше вас и куда менее привлекателен, да еще весь в грязи и сквернословил. И даже не поблагодарил меня...

— Я отблагодарю, обещаю твердо. Это так чудесно...

* Этим словечком (magoo) в Голливуде называют кремовые торты, которыми кидают друг в друга комедийные персонажи, а также исполнителей подобных ролей. В одной из серий рисованных комиксов авторам вздумалось оживить кремовый торт и отправить его странствовать.

— Чудесно? С увечной ногой в этом милейшем из миров?..

— Но замок! — воскликнула она. — Вот уж не думала, что увижу своими глазами замок, каким он рисовался в воображении...

— Есть одна загвоздка, — сказал я. — Выскажусь определенно, чтобы больше не повторяться. Я очень сожалею, Кэти...

— О чем? О моей увечной ноге?

— Нет, не об этом. Очень сожалею, что вы вообще попали сюда. Мне не следовало впутывать вас в эту историю. Ни в коем случае не следовало посылать вас за конвертом. И тем более звонить вам из того поселочка — из Вудмена.

Она наморщила лоб.

— Но что еще вам оставалось делать? К моменту вашего звонка я уже прочла рукопись, а значит, впуталась сама. Поэтому вы и позвонили.

— Может, они бы вас не тронули. Но как только мы оказались вместе в машине и взяли курс на Вашингтон...

— Хортон, берите меня на руки и пошли. Если мы явимся в замок слишком поздно, нас могут не впустить.

— Ладно, — сказал я. — В замок так в замок.

Я встал и наклонился, чтобы поднять ее, но в эту секунду кусты возле тропинки затрепали и оттуда вывалился медведь. Он шел на задних лапах, и на нем были красные шорты в белый горошек, которые держались на одной подтяжке, переброшенной наискось через плечо. На другом плече медведь нес дубинку и скалился самым приветливым образом. Кэти, отпрянув, припала ко мне, но сдержалась и не вскрикнула, хотя имела на то полное право: несмотря на оскал, в медведе этом было что-то не заслуживающее доверия.

Вслед за медведем из кустов выступил волк. Этот был без дубинки и тоже старался выжать из себя улыбку, но у него она получалась совсем неприветливой, а пожалуй, и зловещей. Следом за волком показалась еще и лисица, вернее, лис, и они втроем стали в ряд, улыбаясь нам как давним друзьям.

— Мистер Медведь, — произнес я, — мистер Волк, Братец Лис! Как вы живы-здоровы?

Я старался, чтобы голос звучал ровно и буднично, но сомневаюсь, что мои старания увенчались успехом: эти

трое мне ни капельки не понравились. Какая жалость, что я не прихватил с собой бейсбольную биту!

Мистер Медведь отвесил легкий поклон.

— Мы польщены, что вы сразу нас узнали. Очень удачно, что мы встретились. Предполагаю, что вы оба не знакомы со здешней округой?

— Мы только что прибыли, — ответила Кэти.

— Ну что ж, — продолжал мистер Медведь, — тем лучше, что мы встретились по-доброму. Поскольку мы ищем партнера для весьма достойного предприятия.

— Тут есть один курятник, — вставил Братец Лис, — куда не худо бы заглянуть.

— Прощу меня извинить, — сказал я. — Может быть, в другой раз. Мисс Адамс вывихнула ногу, и ее надо доставить куда-нибудь, где ей окажут медицинскую помощь.

— Какая неприятность, — вымолвил мистер Медведь, сиюсь изобразить сочувствие. — Сдается мне, что вывих — испытание весьма болезненное для всякого, кому оно выпадало. Тем более для миледи, которая столь прекрасна.

— Но как же курятник? — воскликнул Братец Лис. — Близится вечер...

— Братец Лис, — хрипло зарычал мистер Медведь, — у тебя нет сердца. Один желудок, к тому же вечно пустой. Понимаете, — сообщил он мне, — курятник примыкает к замку и охраняется сворой собак и иными хищниками, так что нам троим не проникнуть туда ни за что. И это вопиющая несправедливость, потому что куры жирненькие и должны быть очень приятны на вкус. Вот мы и подумали: если заручиться поддержкой человека, можно разработать какой-то план, обещающий удачу. Мы обращались к местным жителям, но все они трусы, на которых нельзя положиться. Гарольд Тинэйджер, и Дэгвуд, и множество других, а надеяться не на кого... У нас тут, не слишком далеко, роскошная берлога. Может, посидим и подумаем над планом? Для миледи найдется удобный тюфяк, а один из нас сбежал бы за старухой Мэг и приволок бы ее со снадобьями для вывихнутой ноги...

— Нет, спасибо, — откликнулась Кэти. — Мы идем в замок.

— Если вы еще не опоздали, — вставил Братец Лис. — Они там помешаны на охране ворот и запирают их на ночь.

— Тем более надо спешить, — решила Кэти.

Я вновь вознамерился взять ее на руки, но мистер Медведь лапой остановил меня.

— Не допускаю и мысли, — изрек он, — что вы с такой легкостью отвергаете наше дело с курятником. Вы ведь любите курятину, не правда ли?

— Конечно, любит, — заявил Волк, до той поры не вымолвивший ни слова. — Человек — убежденный хищник, как и любой из нас.

— Но привередливый, — добавил Братец Лис.

— Привередливый? — удивился мистер Медведь. — Эти куры — самые упитанные, каких только видели мои старые глаза. Вкус у них должен быть — пальчики оближешь, и кто же, если в здравом уме, пройдет мимо них не обернувшись!

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я, — я взвешу ваше предложение с чрезвычайным интересом, но в данную минуту нам надо идти.

— Как-нибудь в другой раз, — повторил мистер Медведь уныло.

— Вот именно, в другой раз, — сказал я. — Не забудьте связаться со мной снова.

— Когда вы проголодаетесь как следует, — добавил мистер Волк.

— Это может повлиять на мое решение, — согласился я.

Наконец я поднял Кэти. Она устроилась у меня на руках, как в люлке. До поры я отнюдь не был уверен, что они нас отпустят, но все-таки они расступились, и я двинулся дальше. Кэти вздрогнула.

— Какие страшные твари! Стоят и скалятся. И еще рассчитывают, что мы поможем им воровать кур...

Очень хотелось оглянуться и убедиться, что они остались на месте и не крадутся следом. Однако оглядываться я не посмел: еще подумали бы, что я их боюсь. Я их и в самом деле боялся, но тем важнее было, чтобы они этого не заподозрили.

Кэти обняла меня за шею и прильнула ко мне, положив голову мне на плечо. Я вынужден был признать, что нести ее несравнимо приятнее, чем невежу-

оператора, сыплющего бранью. Да и весила она гораздо меньше.

Тем временем тропинка сбежала с относительно голого гребня в темный величественный лес. Замок был теперь виден лишь от случая к случаю, с нечаянных лесных прогалинок, и то частями, а не целиком. Солнце склонялось к западному горизонту, в чащобах накапливался туманный сумрак, и я улавливал, что там в тени кто-то пошевеливается укрادкой.

Тропинка раздвоилась, и на развилке обнаружился новый указатель. Стрелок на сей раз было две: одна нацеливала на постоянный двор, другая — на замок. Но дорожка, ведущая к замку, буквально через несколько шагов уперлась в массивные железные ворота, и в обе стороны от ворот тянулась высоченная ограда из толстой стальной сетки с колючей проволокой поверху. Возле ворот стояла будка в веселенькую полоску, а будку подпирал часовой с алебардой, которую он, впрочем, держал кое-как, чуть не выпуская из рук. Чтоб удостоиться его внимания, пришлось не только приблизиться к воротам, но и пнуть их ногой.

— Опоздали, — прорычал он. — Ворота закрыты в час заката, драконы выпущены на волю. Пройди вы дальше хоть ферлонг* — за вашу жизнь я не дал бы и гроша... — Он подошел к воротам вплотную и присмотрелся. — А тут, оказывается, еще и дамочка! С ней что, какая-то беда?

— Вывихнула ногу. Не может ходить.

Он хмыкнул.

— Ну раз такое дело, дамочку можно и пропустить, обеспечив ей охрану.

— Пропустите нас обоих, — решительно потребовала Кэти.

Часовой затряс башкой в притворном унынии.

— Я и так иду на уступку, пропускаю дамочку. Я не могу рисковать шеей, пропускаю двоих.

— В один прекрасный день, — заявил я, — я вернусь и сверну твою драгоценную шею собственными руками.

* Ферлонг — старинная мера длины, равная одной восьмой мили (чуть более 200 метров).

— Проваливай! — заорал он, взъярившись. — Проваливай и забирай с собой свою шлюху! Пусть ведьма на постоялом дворе чинит ей ножку заклинаниями!

— Уйдем отсюда, — сказала Кэти испуганно.

— Друг мой, — обратился я к часовому, — клянись тебе, что, когда буду посвободнее, вернусь сюда и предъявлю тебе счет.

— Пожалуйста, — просила Кэти, — ну пожалуйста, уйдем отсюда!

Я так и сделал, повернулся и пошел прочь. Часовой у меня за спиной изрыгал угрозы, стуча по прутьям ворот алебардой. Я свернул на тропинку, ведущую на постоялый двор, а как только ворота скрылись из виду, остановился и спустил Кэти наземь, да и сам присел подле нее. Она плакала, но, по-моему, от гнева более, чем от страха.

— Никто никогда не называл меня шлюхой... — Я не стал уточнять, что дурные манеры, да и словечки такого рода, в эпоху замков были не в редкость. Она притянула мою голову к самому своему лицу. — Если б не я, вы могли бы ввязаться в драку...

— А, все это одни разговоры, — сказал я. — Между нами были ворота, а у него в руках этот маскарадный тесак...

— Он упомянул, что на постоялом дворе ведьма, — сказала она. Я легонько поцеловал ее в щеку. — Вы пытаетесь меня отвлечь, чтоб я не думала о ведьмах?

— Мне показалось, что это поможет.

— Но ограда! Проволочный забор! Кто когда слышал, чтоб вокруг замков возводились заборы? Да в ту пору и проволоку-то еще не изобрели!..

— Темнеет, — напомнил я. — Лучше бы поскорее добраться до постоялого двора.

— Но там ведьма!..

Я рассмеялся, хоть смеяться мне, в сущности, не хотелось.

— Ведьмами, — сообщил я Кэти, — чаще всего считают чудаковатых старух, которых никто не понимает.

— Может, вы и правы...

Я поднял ее и сам поднялся на ноги. Она повернула ко мне лицо, и я поцеловал ее в губы. Руки ее крепко обвили меня, я обнял ее в ответ, выпитывая в себя ее обаяние и искреннюю теплоту. И на долгое-долгое мгновение во всей опустевшей вселенной не осталось

никого, кроме нас двоих. Лишь постепенно я возвратился к реальности сгустившихся теней и вкрадчивых лесных шорохов.

Вскоре я заметил с тропинки, совсем неподалеку, слабо освещенный прямоугольничек и понял, что это и есть постоялый двор: чему же еще тут быть?

— Мы почти пришли, — шепнул я Кэти.

— Я не буду обузой, Хортон, — пообещала она. — И не стану кричать. Что бы мы ни увидели, я не вскрикну.

— Я уверен в этом, — ответил я. — И мы выберемся отсюда. Не знаю как, но выберемся. Выберемся вместе. Вдвоем.

Едва различимый в глубоких сумерках, постоялый двор состоял из единственного строения, дряхлого и обветшалого, притулившегося под сенью могучих искривленных дубов. Из трубы, делившей крышу пополам, вился дымок, тусклый свет еле пробивался сквозь ромбовидные оконные стеклышки. Вокруг не было ни души, что меня в общем-то устраивало.

Я уже почти доплелся до строения, когда в дверях показалась согбенная уродливая фигура. Видно было плохо — слабенький свет изнутри едва обводил контуры неказистого тела.

— Входи, входи, парень, — взвизгнуло скрюченное существо. — Что встал, рот разинув? Тут тебя не укусят. Ни тебя, ни миледи.

— Миледи вывихнула щиколотку, — проговорил я. — Мы надеялись...

— Ну конечно! — выкрикнуло существо. — Вы пришли в самое подходящее место, чтоб излечиться. Сейчас старая Мэг намешает целебный отвар...

Как только я сумел приглядеться, у меня не осталось сомнений, что нас встретила та самая ведьма, о которой говорил часовой. С головы у нее спадали жидкие нечесанные пряди волос, нос был длинный, крючковатый, свисающий к мощному подбородку и почти достающий до него. Она тяжело опиралась на деревянную клюку.

Ведьма посторонилась, и я переступил порог. В очаге горел чадный огонь, неспособный разогнать царивший в комнате мрак. Запах горящих поленьев смешивался с множеством других, не поддающихся определению, и, казалось, обострял их. Запахи висели в комнате как сплошной туман.

— Сюда, сюда, — пригласила ведьма Мэг, указывая дорогу клюкой. — Вон кресло у очага. Сработано добротно из настоящего дуба и выточено по форме тела, а на сиденье шерстяная подушечка. Миледи будет очень удобно.

Я перенес Кэти к креслу и, усадив, осведомился:

— Все в порядке?

Она взглянула на меня снизу вверх. Ее глаза мягко сияли в отсветах огня.

— Все в порядке, — заверила она счастливым тоном.

— Можно считать, что мы на полпути домой, — добавил я.

Ведьма проковыляла мимо, стуча клюкой по полу и бормоча что-то себе под нос. Сгорбившись над огнем, она принялась помешивать жидкость в кастрюле, поставленной на угли. От кастрюли парило. Вспышки пламени высвечивали уродство ведьмы, ее немыслимый нос, почти сомкнувшийся с подбородком, и исполинскую бородавку на щеке. Из бородавки росли волосы, похожие на паучьи лапки.

Мои глаза попривыкли к темноте, и я стал разглядывать обстановку. У стены стояли три грубых дощатых стола, на столах подсвечники, а в подсвечниках вкривь и вкось торчали незажженные свечи. Свечи напоминали бледных, перепившихся призраков. На открытых полках большого буфета в дальнем углу громоздились кружки и бутылки, чуть поблескивающие в неверном, сбивчивом свете от очага.

— Ну вот, — прокаркала ведьма, — еще чуток толченой жабы и щепотку кладбищенской пыли, и отвар готов. А когда подлечим даме щиколотку, будет еда. О да, о да, будет еда!..

Она пронзительно захихикала, довольная собственной шуткой. В чем заключалась шутка, я недопонял, — возможно, что-то связанное с едой.

Откуда-то издалека донеслись голоса. Неужели еще путешественники, ищущие ночлега? — подумалось мне. — Похоже, целая ватага...

Голоса стали громче, и я, подойдя к дверям, бросил взгляд в направлении, откуда они слышались. Вверх по тропе, ведущей от подошвы холмов, карабкалась толпа людей, некоторые с пылающими факелами.

За толпой следовали два всадника. Чуть позже, наблюдая за процессией, я разобрался, что второй, еду-

щий позади, сидит не на лошади, а на осле, и ноги у него почти волочатся по земле. Однако внимание мое приковал к себе не второй, а первый, — и на то были все основания. Первый был высок, изможден и закован в доспехи, в левой руке у него был щит, а на правом плече — длинное копьё. Лошадь казалась такой же тощей, как ее хозяин, и брела понуро, спотыкаясь и свесив голову. А когда процессия подошла поближе, стало ясно даже в изменчивых отблесках факелов, что лошадь — форменный мешок с костями.

Процессия остановилась, люди расступились, а лошадь с пугалом в доспехах проковыляла сквозь толпу и выбралась на передний план. Но едва толпы вокрут не стало, она тоже затормозила и понурилась окончательно. Я не удивился бы, если бы она в любой момент рухнула замертво.

Всадник и лошадь застыли без движения, застыла и толпа, а я, наблюдая за ними исподтишка, терялся в смутных догадках: что дальше? Очевидно, в таком милом местечке может случиться все, что угодно. Спектакль был, разумеется, нелепый, — но это не утешало, потому что мои оценки базировались на обычаях и нравах людей двадцатого столетия, а здесь просто не имели силы.

Лошадь медленно подняла голову. Толпа выжидательно зашевелилась, факелы закачались из стороны в сторону. Рыцарь с видимым усилием выпрямился в седле и снял копьё с плеча. А я по-прежнему торчал у дверей как зритель, заинтригованный и слегка недоумевающий, что бы это могло означать.

Неожиданно рыцарь что-то выкрикнул. Голос его в ночной тишине звучал громко и ясно, — но мне потребовалась чуть не минута, чтобы разобрать, что именно он сказал. Копьё оторвалось от бедра и легло наперевес, а лошадь бросилась в галоп, прежде чем до меня дошло наконец значение его слов.

— Трус, — кричал он, — негодяй и подлый изменник, защищай свою презренную жизнь!..

И я вдруг сообразил, что он имеет в виду не кого-нибудь, а меня. Лошадь с грохотом надвигалась на меня, копьё было нацелено мне в грудь, а у меня, Бог свидетель, не оставалось времени даже приготовиться к защите.

Если бы я располагал временем, то, естественно, бросился бы наутек, поскольку мы выступали явно в разных весовых категориях. Но времени не осталось ни на что, да и, по правде говоря, безумие происходящего ввергло меня в оцепенение. Нас разделяли мгновения, которые тем не менее походили на часы, а я недвижно, как зачарованный, смотрел на блестящее острие копья, готовое пронзить меня. Лошадь, может, оставляла желать лучшего, но для таких внезапных бросков годилась вполне, и она громыкала прямо ко мне, как страдающий одышкой локомотив.

Острие было всего-то футов в пяти, когда я опомнился хотя бы настолько, чтоб пошевелиться. Я отскочил. Казалось, смерть пронеслась мимо, и вдруг то ли рыцарь не совладал со своим оружием, то ли лошадка сдрейфила или споткнулась, — не знаю что, но по какой-то причине копьё резко вильнуло в мою сторону, и тогда я, выбросив обе руки, стукнул по нему наудачу, лишь бы не попасть на вертел.

Я не промахнулся, отразил копьё вниз, и острие ушло глубоко в землю. И, вопреки всякому ожиданию, копьё сработало как катапульта: тупой его конец поддел рыцаря под мышку и выбросил из седла. Лошадь стала как вкопанная, поводья беспризорно провисли, а копьё спружинило, выпрямилось и взметнуло незадачливого рыцаря в воздух, как камень из рогатки. Описав высокую дугу, он плюхнулся поодаль с раскинутыми руками и вниз лицом, и грохот раздался такой, будто по пустой железной бочке что есть силы саданули тяжелым молотком.

Толпа, сопровождавшая рыцаря, содрогнулась в общем ликовании. Люди хватались за животы, иные складывались пополам, а кое-кто повалился наземь и катался, задыхаясь от гогота.

К месту происшествия приблизился вислоухий ослик с седоком в лохмотьях. Ноги у седока чуть не волочились по земле, и все равно — бедный терпеливый Санчо Панса в который раз спешил на помощь своему господину Дон Кихоту Ламанчскому. А те, что катались в конвульсиях, теперь я понял, следовали за Дон Кихотом просто потехи ради. И факелы они прихватили намеренно, освещали путь пугалу в доспехах по своей воле, усвоив из опыта, что очередная серия нескончае-

мых его злоключений не заставит себя ждать и даст им повод позабавиться от души.

Я отвернулся и шагнул назад к постоялому двору, — но постоялый двор исчез.

— Кэти! — кричал я. — Кэти!..

Ответа не было. Толпа, дождавшаяся вождественного зрелища, все еще содрогалась от смеха. Поодаль Санчо слез с ослика и мужественно, хоть и без особого успеха, пытался перекатить Дон Кихота на спину. А постоялого двора больше не было. Не было никаких следов ни Кэти, ни ведьмы Мэг.

И вдруг откуда-то из чащи ниже по склону донеслось ведьмино пронзительное хихиканье. Я замер, чуть подождал — хихиканье повторилось, но теперь я распознал направление, откуда оно пришло, и бросился вниз, не разбирая дороги. Мгновенно пересек узкое расчищенное пространство, примыкавшее прежде к постоялому двору, и углубился в лес. Корни хватали меня за ноги, норовили вцепиться и опрокинуть, ветви хлестали по лицу. Но я все равно бежал, выставив вперед руки, чтобы не врезаться в какой-нибудь ствол и не вышибить себе мозги, — если, конечно, они у меня еще были. Полоумное хихиканье впереди не смолкало.

Только бы поймать мерзавку, — обещал я себе, — уж я буду крутить тощую старушечью шею до тех пор, пока меня не отведут к Кэти или не скажут, куда она делась... И было понятно, что искушение продолжить выкручивание не угаснет даже в этом благоприятном случае. В то же время я, наверное, сразу отдал себе отчет, что шансов действительно поймать ведьму у меня практически нет. Я наткнулся на валун и упал на него, поднялся, обогнул препятствие и опять бросился бежать, — а впереди, не приближаясь ни на миг, но и не отдаляясь, будто заманивая, слышались те же полоумные смешки. Я налетел на дерево — вытянутые руки спасли меня и не дали раскрыть себе череп, но в первый момент мне померещилось, что я сломал обе кисти. И наконец какой-то злокозненный корень все-таки подстерег меня и поймал врасплох — я покатился кубарем, и мне повезло, что приземление оказалось мягким, на край лесного болота. Приземлился я на спину, головой в болотную жижу, и минуту-другую кашлял и отхаркивался, наглотавшись тухлой воды.

Потом я сидел еще минуту не шевелясь, сознавая, что побежден. Можно гоняться за этими смешками по лесам миллион лет и все равно не догнать старуху. Потому что с этим миром ни мне, ни любому другому человеку не справиться. Человек будет сражаться с фантазиями, которые, правда, сам же и породил, но накопленный им логический опыт ему тут ничем не поможет.

Я сидел в воде и грязи по пояс, а над головой качались камыши. Чуть левее меня по трясине прошлепала какая-то тварь, наверное, лягушка. Зато справа вдали я вроде бы различил тусклый огонек и тогда помаленьку стал на ноги. Комки болотной грязи сваливались с брюк в воду, оповещая об этом легкими шлепками. Но даже поднявшись в рост, я не мог рассмотреть огонек получше: ноги ушли в трясины по колено, камыши так и остались выше меня.

Не без труда я побрел в ту сторону, где заметил свет. Именно побрел. Трясина была глубокая и вязкая, и камыши, перемешанные с какими-то водолюбивыми кустиками, двигаться тоже не помогали. Однако я упорно шел вперед, и никакие заросли сами по себе меня не смущали.

Мало-помалу грязная вода стала мельче, камыши поредели. Теперь огонек виднелся яснее, но, к немалому моему удивлению, переместился вверх. Лишь когда я выбрался из болота на более или менее твердую почву, до меня дошло, что огонек зажгли еще выше на берегу. Я начал карабкаться на откос, но было скользко. Примерно на полпути я забуксовал, меня неудержимо потащило назад — и вдруг, откуда ни возьмись, ко мне протянулась большая мускулистая рука, я вцепился в нее, и сильные пальцы сомкнулись у меня на запястье.

Только тут я увидел того, кому принадлежала рука, — он свесился ко мне с откоса. На лбу у него красовались рога, лицо было тяжелое, грубо скроенное, но, невзирая на грубость, в чертах проступало что-то лисье. Внезапно он осклабился в усмешке, сверкнули белые зубы, и, признаюсь честно, с тех самых пор, как заварилась вся эта каша, я впервые понял, что такое испугаться по-настоящему.

И он был не один. На бережку рядом с ним пристроился мелкорослый уродец-монстренок с заостренной

головкой. И едва монстренок понял, что я заметил его, как принялся гневно подпрыгивать и орать:

— Нет! Нет! Не два зачета, только один! Дон Кихот не считается!..

Дьявол рванул меня к себе, втащил на берег и поставил на ноги.

На земле горел керосиновый фонарь. Света он давал немного, но достаточно, чтобы разглядеть, что дьявол коренаст, ростом чуть ниже меня, но сложен крепче и накопил изрядно жирку. Одежды на нем не было никакой, не считая грязной тряпки на бедрах, повязанной так, что могучее брюхо перевешивалось через нее толстой складкой.

А рефери знай себе пищал визгливо:

— Это нечестно! Вы сами понимаете, что нечестно! Дон Кихот — придурок. У него никогда ничего не получается. Победа над Дон Кихотом не связана ни с малейшей опасностью, и...

Дьявол чуть повернулся и взмахнул ногой, в лучах фонаря блеснуло раздвоенное копыто. Удар угодил рефери по туловищу, поднял его в воздух и вышвырнул с глаз долой. Писк перешел в жалостный пронзительный вой и закончился всплеском.

— Ну вот, — заявил дьявол, обращаясь ко мне, — это даст нам минутку подлинной тишины и покоя. Хотя по настойчивости этому типу нет равных, он непременно выберется и примется докучать нам снова. Мне что-то не кажется, — добавил он, быстро меняя тему, — что вы сильно испуганы.

— Я просто окаменел от ужаса.

— Знаете, — посетовал он, поигрывая щетинистым хвостом в знак недоумения, — для меня каждый раз проблема решить, в каком виде предстать перед смертными. Вы, люди, упорно рисуете меня в сотнях разных обликов, и никогда не знаешь, какое из них окажется наиболее эффективным. В принципе я способен принять любой из множества обликов, какие мне приписывают, так что если у вас есть иные предпочтения... Хотя откровенно скажу, что тот облик, в каком вы застали меня сейчас, носить несравненно удобнее всех остальных.

— У меня нет никаких предпочтений, — ответил я. — Оставайтесь как есть, если вам так больше нравится.

Частичка храбрости, по-видимому, вернулась ко мне, но дрожь в коленках еще ощущалась. Не каждый день беседеешь с дьяволом.

— Вы, видимо, подразумеваете, что до сих пор вспоминали обо мне не слишком часто.

— Вероятно, вы правы, — признался я.

— Так я и думал, — заметил он скорбно. — Такова моя участь в последние полвека или вроде того. Люди почти не вспоминают обо мне, а если вспоминают, то без страха. Ну, может, им при этом чуточку неуютно, но страха они не ведают. И подобное развитие событий принять очень непросто. Некогда, не столь уж давно, весь христианский мир страшился меня до оторопи.

— Наверное, есть и такие, кто страшится по сей день, — сказал я, пытаясь его утешить. — В некоторых отсталых странах такие найдутся наверняка.

И едва я произнес свою тираду, как пожалел о ней. Я не только не утешил его, но, напротив, причинил ему еще худшую боль.

На берег с шумом вскарабкался рефери. Он был весь покрыт грязью. С волос, свисающих наподобие шляпы, капала вода. Но как только уродец добрался до нас, он пустился в дикий воинственный пляс, кипя от ярости.

— Я этого не потерплю! — кричал он на дьявола. — Мне плевать, что ты скажешь! Он должен выдержать еще дважды. Нельзя не принять в зачет оборотней, но можно и нужно не принять Дон Кихота, который просто не годится в противники. Сам подумай, какова цена правилам, если...

Дьявол мрачно вздохнул и схватил меня за руку.

— Отправимся в другое место, где можно сесть и потолковать...

Раздался оглушительный свист и внезапный раскат грома, в ноздри ударил запах серы, и спустя ровно одно мгновение мы действительно очутились в каком-то другом месте — тоже над болотистой низиной, но на склоне плавном и ровненьком. Рядом была рощица, возле нее лежала груда камней. Из низины несло лягушачье кваканье, безмятежное, как весной. Легкий ветерок шелестел в листьях. Так или иначе, место выглядело гостеприимнее, чем тот бережок над трясиной.

Колени подо мной подогнулись, но дьявол удержал меня от падения и подвел к груде камней, где и усадил на один из них, оказавшийся, как ни удивительно,

вполне комфортабельным. Затем он и сам опустился рядом, закинув ногу на ногу да еще и обвив ноги хвостом, так, что самый кончик с кисточкой лег на колено.

— Ну вот, — объявил он, — теперь можно и побеседовать без неподобающих помех. Рефери, разумеется, способен выследить нас, однако ему потребуется какое-то время. Горжусь превыше всех своих умений искусством почти мгновенно перемещаться в любую точку.

— Прежде чем мы приступим к сколько-нибудь серьезной беседе, хочу задать вопрос. Со мной была женщина, и она исчезла. Она оставалась на постоянном дворе, и...

— Да знаю я! — ответил он, глянув на меня искоса. — По имени Кэти Адамс. Что касается ее, можете не беспокоиться, потому что ее вернули на Землю — на Землю к людям, я имею в виду. Что и прекрасно, поскольку нам она не нужна. Но пришлось забрать и ее, ибо она была вместе с вами...

— Вам она не нужна?

— Разумеется, нет. Нам нужны вы, и только вы.

— Послушайте, однако... — начал я, но он остановил меня небрежным мановением руки.

— Мы нуждаемся в вас как в посреднике. Полагаю, это самое точное слово. Мы уже долгое время ищем кого-то, кто мог бы исполнить наше поручение, выступить, если хотите, нашим агентом, а тут как раз подвернулись вы, ну и...

— Если вы нуждались во мне, то взяли вы за дело самым непотребным образом. Ваша банда из всех сил старалась меня прикончить, и лишь слепая удача...

Он прервал меня со смешком:

— Никакая не слепая удача. Отточенное чувство самосохранения, сработавшее лучше, чем я могу припомнить за долгие-долгие годы. А насчет того, что с вами пытались разделаться, — уверяю вас, виновны конкретные исполнители, и кое-кто уже поплатился за это. Узколобость сочетается в них с излишним воображением, и тут, хочешь не хочешь, придется вносить определенные коррективы. Я был занят множеством других дел, как вы легко можете себе представить, и мне не сразу доложили, что происходит.

— Вы отменяете правило «трижды испытан — загворен»?

Он опечаленно покачал головой.

— Нет, нет. С прискорбием должен вас уведомить, что это не в моих силах. Понимаете, правила есть правила. В конце концов, это же вы, люди, сами придумали такое правило наряду с кучей других, в равной мере не имеющих смысла. Вроде того, что «преступление не окупается», когда вам прекрасно известно, что окупается, да еще как! Или эта чушь, что кто рано встает, тому Бог подает. — Он опять покачал головой. — Вы даже отдаленно не представляете себе, сколько хлопот причиняют нам эти ваши дурацкие правила.

— Но это никакие не правила...

— Знаю. Вы называете их изречениями или пословицами. Но как только достаточное число людей поверит в них хотя бы отчасти, мы связаны ими по рукам и ногам.

— Стало быть, вы по-прежнему намерены испытать меня еще раз? Или вы согласны с рефери, что схватка с Дон Кихотом...

— Дон Кихот засчитан, — рыкнул дьявол. — Я согласен с рефери, что с этим слабоумным испанцем нетрудно справиться любому, кто старше пяти лет от роду. Однако я желаю, чтобы вы освободились от своего долга, и чем скорее и проще я избавляю вас от него, тем лучше. Вас ждет дело, настоящее дело. Но вот чего я не в состоянии уразуметь — это неуместного рыцарского порыва, заставившего вас согласиться на повторный круг. Как только вы избавились от змея, вы были на воле, но почему-то позволили мерзавцу рефери уговорить себя...

— В отношении Кэти я чувствовал себя должником. Ведь я же ее во все это и втравил.

— Знаю. И про это знаю, — ответил он. — Только временами совершенно перестаю вас, людей, понимать. По большей части вы норовите перерезать друг другу глотку, воткнуть нож в спину ближнему и через его труп лезть дальше к тому, что у вас зовется успехом. И вдруг — полный поворот, и вы переполняетесь таким благородством и состраданием, что просто тошнит...

— Но если все-таки начать сначала: почему, если вы предполагали меня использовать — во что я, признать-ся, не верю, — почему вы пытались меня убить? Поче-

му бы, коль на то пошло, попросту не протянуть лапу и не забрать меня, как я есть?

Моя наивность вызвала у него тяжкий вздох.

— Попытка убийства была обязательна. Это тоже правило, давнее правило. Однако не было никакой нужды так усердствовать. Никакой нужды перехватывать через край. Исполнители сидят себе часами и измышляют фантастические схемы — и на здоровье, если им нравится подобное времяпрепровождение, — но они хмелеют от собственной изобретательности до того, что норовят испытать свои схемы на практике. Хаопоты, на какие они идут ради элементарного убийства, превыше всякого разума. И опять-таки это ваша человеческая вина. Вы, люди, делаете в точности то же самое. Ваши писатели, художники, сценаристы, в общем, те, кого вы именуете творческими людьми, высиживают, высасывают из пальца этих чокнутых персонажей, эти немыслимые интриги, а мы повязаны их бреднями, нам и отдуваться. И такое положение вещей возвращает нашу беседу к предложению, которое я и собирался с вами обсудить.

— Ну так не тяните, — сказал я. — У меня был трудный день, и мне не повредило бы соснуть часиков двадцать. В том случае, конечно, если найдется место, где приклонить голову.

— Найдется, — заверил он. — Вон меж тех двух валунов есть постель из листьев. Их намело туда минувшей осенью. Очень удобное ложе для столь необходимого вам отдыха.

— В компании гремучих змей?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился дьявол. — Или вы полагаете, что у меня нет чести и я подстрою вам ловушку? Даю слово, что никто не посмеет причинить вам вред до тех пор, пока вы не очнетесь от сна.

— А потом? — осведомился я.

— А потом предстоит еще одна угроза, последняя опасность, чтоб исполнилось правило трех. Отдыхайте спокойно и примите мои лучшие пожелания в этом новом испытании, каково бы оно ни оказалось.

— Ладно, — сказал я, — раз уж не судьба выкрутиться иначе. Но, может, вы хоть замолвите за меня словечко? А то я, признаться, начал уставать. Не думаю,

что мне хотелось бы сейчас свидеться еще с каким-нибудь морским змеем.

— Могу торжественно обещать, — ответил дьявол, — что это будет не змей. А теперь перейдем к делу.

— Ну хорошо, — вяло согласился я. — О чем пойдет разговор?

Дьявол заговорил, все более раздражаясь:

— О чем, как не о вздорных фантазиях, которые вы нам скармливаете! Как, по-вашему, можно создать сколько-нибудь устроенную жизнь на базе эдакой мути и пены? Белогрудые птички расселись на ветке и свистят: «Казесся, мы видим коску — коску, коску, коску...» А глупый мультипликационный кот сидит внизу под деревом и плясает на них с видом беспомощным, почти виноватым. Ну как, спрашиваю я со всей прямоотой, рассчитывать на достойное поведение других, если мы обречены на подобные ситуации? Некогда вы дали нам солидную, прочную базу, основанную на твердых убеждениях и непритворной вере. А нынче вы развлекаетесь и поставляете нам типажи совершенно неправдоподобные и слабовольные, и новички не только не добавляют нам сил, но подтачивают все, что было накоплено в прошлом.

— Вы намекаете, что ситуация складывалась бы для вас гораздо благоприятнее, если бы мы по-прежнему верили в чертей, призраков, гоблинов и тому подобное?

— Да, гораздо благоприятнее, — подтвердил дьявол, — по крайней мере, если бы вера была хоть отчасти искренней. А вы нынче взяли моду выставлять нас на смех...

— Мода тут ни при чем, — возразил я. — Не забывайте: человечество в большинстве своем понятия не имеет, что вы существуете на самом деле. И как может быть иначе, если вы намерены и впредь убивать всякого, кто заподозрит, что ваш мир — реальность?

— А все эта канитель, — заявил дьявол с горечью, — которую вы именуете прогрессом. Вы сегодня можете иметь почти все, что хотите, но вы хотите все больше и больше. Заполняете свои умы вожделениями, не оставляя места самоанализу и не задумываясь о своих недостатках. В вас нет ни страха, ни мрачных предчувствий...

— Страх есть, — сказал я, — и мрачных предчувствий сколько угодно. Вопрос только в том, что мы предчувствуем и чего боимся.

— Точно, — согласился дьявол. — Вы боитесь водородной бомбы и неопознанных летающих объектов. Надо же выдумать такую чушь, как летающие тарелки!

— Ну, пожалуй, тарелки все же получше дьявола. С ними есть хоть какая-то надежда совладать, а с дьяволом — никогда. Ваша порода славится коварством.

— Знак времени, — посетовал он. — Механика вместо метафизики. Вы не поверите, но несчастные наши владения нынче забиты полчищами НЛО самой отвратительной конструкции, где обитают совершенно мерзостные инопланетяне. Они вселяют ужас, только он даже не сродни тому добросовестному ужасу, какой я олицетворяю собой. Они бредовые существа, не имеющие под собой никакой почвы.

— Понятно, что вам это не по нутру. Во всяком случае, я уловил, что именно вас беспокоит. Однако не представляю себе, чем тут можно помочь. Людей, продолжающих верить в вас с ноткой искренности, сегодня можно найти разве что в самых культурно отсталых районах. О да, конечно, вас поминают время от времени. Ссылаются, когда что-то не ладится, на происки дьявола или восклицают: «Ну и дьявол с ним!» — но ведь на самом-то деле о вас при этом вовсе не думают. Вы превратились просто-напросто в бранное слово, к тому же слабенькое. В вас не верят. Та вера, что была, приказала долго жить. И не думаю, что эту тенденцию можно изменить. Прогресс человечества не остановишь. Придется вам набраться терпения и ждать дальнейшего развития событий. А вдруг какое-нибудь из них ненароком обернется вам на пользу?

— А я полагаю, что кое-что можно предпринять уже сейчас, — заявил дьявол, — и хватит ждать. Мы и так ждали слишком долго.

— Совершенно не представляю себе, что вы можете сделать. Не можете же вы...

— Я не намерен раскрывать вам свои планы, — перебил он. — Вы показали себя чересчур находчивым умником, обладателем того бесчестного, изворотливого, безжалостного ума, который отличает отдельных представителей человечества. И если я поделился с вами немногими соображениями, то исключительно потому,

что когда-либо в будущем вы оцените их и, возможно, будете расположены согласиться на роль нашего агента...

И с этими словами он исчез в клубах серного дыма, оставив меня в одиночестве. Налетевший ветер отнес дымок к западу, и я вздрогнул, хотя ветер вовсе не был холодным. Скорее уж холод шел изнутри, как своеобразная память о недавнем моем собеседнике.

Местность была безлюдной, с неба светила бледная луна, подчеркивая это безлюдье и беззвучное ожидание — чего? Опять чего-то дурного?

Он сказал, что меж двух валунов меня ждет ложе из листьев, и я нашел его без большого труда. Покопался в листве, но гремучих змей не обнаружил. Да, пожалуй, и не предполагал обнаружить: дьявол не производил впечатления субъекта, прибегающего к столь откровенной лжи. Я забрался меж камней и взбил листья, устраиваясь поудобнее.

Во тьме надо мной постанывал ветер, и я благодарно подумал о том, что Кэти сейчас в безопасности, у себя дома. Я заверял ее, что мы как-нибудь выберемся отсюда, выберемся вдвоем, но и мечтать не мог тогда, что она окажется дома уже через час-другой. Моей заслуги, разумеется, в том не было никакой, но по существу это не играло роли. Так устроил дьявол, и, хоть его решение было продиктовано чем угодно, только не состраданием, я поймал себя на том, что думаю о нем с теплым чувством.

Я вспомнил Кэти, вспомнил ее лицо, обращенное ко мне в отблесках пламени у ведьмина очага, и старался восстановить в памяти ее счастливый тон и выражение глаз. Что-то ускользало, какой-то оттенок никак не вспоминался, и я все старался воссоздать его в точности, пока не заснул.

Чтобы проснуться в день битвы при Геттисберге.

Глава 14

Проснулся я от толчка, проснулся очень резко, стремительно сел и трахнулся затылком о валун. Из глаз посыпались искры, но и сквозь фейерверк я различил человека, который склонился надо мной и пристально меня рассматривал. В руках он держал ружье, и дуло было направлено в мою сторону. Не то чтобы он в меня целился всерьез — скорее он только что использовал ружье, чтобы растолкать меня.

На нем было кепи с большим козырьком, сидевшее кое-как, потому как он давненько не стригся. А еще на нем был линялый синий мундир с медными пуговицами.

— Ума не приложу, — сказал он, впрочем, вполне дружелюбно, — как это некоторые ухитряются дрыхнуть где и когда попало.

Он чуть повел головой, и поверхность валуна украсилась метким табачным плевком.

— Случилось что-нибудь? — спросил я.

— Мятажники стягивают пушки. С самого рассвета только этим и занимаются. Там уж, поди, тысяча пушек, вон на взгорке напротив. Развернуты в ряд, колесо к колесу.

— Да нет, какая там тысяча, — откликнулся я. — Цифра двести будет поточнее.

— Может, ты и прав, — согласился он. — Может, у них, у мятежников, тысячи пушек вообще нет.

— Значит, это Геттисберг?

— Конечно, Геттисберг, — ответил он недовольно. — И не уверяй меня, что не знаешь. Не мог ты стоять на позиции несколько дней и не иметь понятия, где стоишь. Тут было горячо как в аду, и чтоб мне провалиться, нам скоро опять попробуют задать жару...

Битва при Геттисберге. Ничего другого и ждать не приходилось. Неспроста рошица на склоне показалась мне вечером смутно знакомой. Но какой это был вечер? — задумался я. — Вчерашний вечер или тот, что оторел здесь сто с лишним лет назад? Или в этом мире точное время имеет не больше смысла, чем все остальное?..

Скорчившись на ложе из листьев, я старался как-нибудь взять себя в руки. Вечером тут была просто рошица и груда камней, — а утром оказалось поле битвы!

Я пригнул голову, выкарабкался из щели меж камнями и, сев на корточки, оказался лицом к лицу с тем, кто меня разбудил. Он перекатил жвачку во рту от щеки к щеке, присмотрелся ко мне и спросил подозрительно:

— Ты из какого отряда? Что-то не припомню, чтоб мне встречался здесь кто-нибудь, разряженный, как ты...

Если б мозги ворочались попроворнее, я, может, и нашелся бы, что ответить, но рассудок был еще помутнен со сна, и затылок трещал после близкого знакомства с валуном. Да и то, что я очнулся на поле битвы при Геттисберге, ясности мыслям тоже не добавляло. Я понимал, что надо что-то сказать, но никакого членораздельного ответа не придумал и только покачал головой.

На склоне надо мной, на самой его вершине, выстроился строй пушек с канонирами, замершими близ них неподвижно, как на параде, и неотрывно глазающими по-над низиной на взгорок напротив. Был виден офицер на лошади — она нервно пританцовывала, он выпрямился в седле. А чуть ниже пушек длинной ломаной линией расположилась пехота — кто за наспех сделанными укрытиями всевозможного вида, кто плашмя на земле, а кто сидел, словно отдыхая, но все без исключения таращились в одном направлении.

— Не по душе мне это, — произнес обнаруживший меня солдат. — Не нравится, как все это выглядит и как пахнет. Если ты из города, сматывайся-ка ты отсюда, пока не поздно.

Издали донесся сильный удар, звучный, хоть и не слишком громкий. Я вскочил на ноги и заметил за

низинной, над деревьями, венчающими противоположный склон, тающее облачко дыма. Немного ниже среди древесных стволов вдруг сверкнула вспышка, будто кто-то открыл на миг дверцу пылающей печки и тут же ее захлопнул.

— Ложись! — заорал солдат. — Ложись, дуралей безмозглый!..

Он добавил еще что-то, но слова потонули в звенящем грохоте, который раздался совсем близко у меня за спиной.

Сам солдат уже бросился ничком, как и все остальные. Я тяжело распластался рядом. Такой же грохот раздался где-то слева, и тут я увидел, как десятки печных дверец открылись разом по всему противоположному склону. Над низиной и прямо над головой воздух со свистом вспороли стремительно летящие ядра, а затем вершину позади меня и весь мир разнесло на куски.

И снова, и снова, и снова.

Казалось, сама почва подо мной прогибается от канонады. Воздух наполнился оглушительным, непереносимым громом — непереносимым и нескончаемым. Над склоном волнами плыл дым, к грохоту выстрелов и разрывов примешивались жужжание и свист. Ум обострился, как бывает нередко в минуты смертельного страха, и я без подсказки сообразил, что это свистят осколки, разлетающиеся веером с гребня позади меня и осыпающие склон впереди.

Я прижимался лицом к земле и все же чуть-чуть вывернул голову, чтобы вновь окинуть взглядом пушки на гребне. К моему удивлению, я мало что увидел — и уж, конечно, никак не то, чего ждал. Гребень был словно окутан тяжелым туманом, дымное покрывало висело не выше трех футов над почвой. Мне были видны лишь ноги отчаянных артиллеристов, суесящихся у своих батарей, — как бы некие половинки людей стреляли из половинок орудий: ведь из-под покрывала выглядывали только лафеты, и то не целиком, а остальное тонуло в плотном дыму.

Сквозь мутную пелену то и дело прорывались вспышки пламени — пушки, скрытые в дыму, вели ответный огонь по неприятелю по ту сторону низины. При каждой вспышке на меня сверху налетала волна жара, но сверхъестественным образом гром орудий, что палили

прямо над моей головой, тонул в грохоте обстрела с противоположной стороны, и казалось, что все пушки стреляют где-то поодаль.

Облака дыма не могли скрыть разрывов неприятельских ядер, однако эти разрывы скрадывались пеленой и не полыхали быстрыми острыми вспышками, как можно было бы ожидать, а мерцали красно-оранжевыми язычками, прыгавшими по гребню, как неоновая реклама. Исключением стал один мощный взрыв, когда в дыму извергнулся ослепительный багровый вулкан и серое покрывало прорезал гигантский столб черного дыма. Какое-то ядро угодило в зарядный ящик.

Я прижался к земле еще плотнее, изо всех сил стараясь зарыться в нее, распластаться по ней листом и в то же время стать тяжелым-тяжелым, чтобы почва подалась под моим весом, укрыла и защитила меня. И в этот самый миг меня осенило, что я нахожусь, пожалуй, в одной из самых безопасных точек на всем Кладбищенском гребне: известно, что в тот день более ста лет назад канониры-конфедераты брали слишком высокий прицел и чаще всего ядра рвались не на гребне, а по ту его сторону.

Вывернув голову в другом направлении, я бросил взгляд по-над низиной на противоположный, Семинарский гребень. Там над деревьями клубилось такое же облако дыма, а по низу облака перебежали искорки, отмечающие жерла конфедератских пушек. Солдату, что заговорил со мной, я сказал — двести пушек, а теперь мне припомнилось, что их было сто восемьдесят против восьмидесяти на гребне за моей спиной. Нет, против восьмидесяти с чем-то, если верить книгам. И время сейчас, по-видимому, шло к половине второго, так как канонада началась сразу после часу дня и длилась около двух часов без перерыва.

Где-то там, на том гребне, генерал Ли наблюдал за сражением, не покидая седла своего верного Странника. Где-то там другой генерал, Лонгстрит, присел на подвернувшуюся железную ограду в мрачном убеждении, что атака, приказ о которой он должен отдать, не принесет успеха. Потому что, по его мнению, атаки такого сорта следовало оставить северянам, а для южан наилучшей тактикой всегда была оборонительная — вынудить северян к атаке и стойко защищаться, выматывая противника.

Но, — поправил я себя, — ход моих мыслей неточен. Нет там, на том гребне, никакого генерала Ли, нет и Лонгстрита. Сражение, что было здесь, оттремело более века назад и не повторится. А эта шутейная битва, поставленная сегодня, — отнюдь не воссоздание того сражения, каким оно было в действительности, а пьеса на базе устоявшейся традиции: все происходит так, как отложилось в воображении позднейших поколений.

И тут перед самым моим носом в землю, раздирая дерн, впился осколок железа. Я несмело протянул руку, решив проверить, каков он на ощупь, но отдернул, прежде чем дотронулся до него, — осколок пылал жаром. Не оставалось сомнений: если бы он попал в меня, смерть была бы не менее достоверной и непоправимой, чем в настоящей битве.

Справа от меня оставалась рощица, где некогда атака конфедератов достигла наивысшей силы и захлебнулась, откатившись вниз по склону. Также справа, но у меня за спиной, должны были выситься кладбищенские ворота, массивные и безобразные, — впрочем, их было не различить за дымом. Несомненно, все здесь выглядело точно так, как в тот день сто с лишним лет назад, и все передвижения полков и более мелких отрядов соответствовали реальному расписанию, насколько оно было известно. Но, разумеется, многое так или иначе утратилось — разные мелкие подробности, о которых сыновья и внуки не знали или предпочли не знать, отлакировав их в памяти. Все, что сохранилось в достоверных свидетельствах о гражданской войне или традиционно считалось достоверным, например, «круглые столы», когда противники якобы раз в месяц встречались за ужином и спорили до хрипоты, безусловно воспроизводилось и здесь, но в этой пьесе не найдется места событиям, о которых было некому рассказать, потому что никто из участников не пережил их.

Кромешный ад на поле битвы не прекращался и не слабел — лязг, грохот и звон, пыль, дымный туман и пламя. Я цеплялся за почву, которая, казалось, продолжает прогибаться подо мной. Я утратил способность слышать, и мне представилось даже, что такой способности у меня никогда не было и не будет, что ее вообще нет в природе и она мне попросту примерещилась.

По обе стороны от меня и передо мной тела, одетые в синее, стискивали землю в объятиях, прятались за

валунами, жались к кучам кое-как наваленных железных прутьев, корчились в мелких, наспех выкопанных ямах, укрывались за каменными кладбищенскими оградами, убирая головы как можно ниже, но крепко сжимая ружья, торчавшие дулами вверх и в направлении, откуда падали неприятельские пушки. Люди ждали того часа, когда канонада прекратится и длинные цепи южан, маршировавших как на параде, начнут перебираться через низину и подниматься по склону.

Как давно началось это представление и сколько продолжалось? Я покрутил рукой, пододвигая запястье к глазам, — часы показывали одиннадцать тридцать. Что, конечно, было неверно, потому что канонада должна была начаться в час дня, а может, и на несколько минут позже. И ведь я ни разу не догадался взглянуть на часы с тех самых пор, как меня зашвырнули на это дурацкое взгорье, и не в моих силах было судить о том, как течет здесь время в сравнении с нормальным земным и есть ли здесь вообще такое явление, как время.

В конце концов я решил, что с начала канонады прошло всего пятнадцать-двадцать минут, хотя, естественно, казалось, что много больше. В любом случае я был уверен, что, прежде чем пушки смолкнут, придется ждать еще очень долго. И я приготовился ждать, силясь уменьшиться в размерах, чтоб являть собой самую маленькую мишень, какая только возможна. Мне не оставалось ничего другого, кроме как ждать, — а впрочем, я уже начинал беспокоиться о том, что стану делать, когда канонада прекратится и цепь конфедератов попрут вверх по моему склону с боевыми красными стягами, плещущими на ветру, со штыками и саблями, сверкающими на солнце. Что мне делать, если кто-то из них устремится прямо ко мне со штыком наперевес? Безусловно, только бежать — если здесь найдется куда бежать, и ведь наверняка будут и другие бегущие, много бегущих, и наверняка одетые в синее офицеры и солдаты по ту сторону гребня весьма неодобрительно отнесутся к каждому, кто удирает с поля битвы. Однако о том, чтобы защищаться, для меня лично не могло быть и речи, даже если бы удалось каким-то образом раздобыть ружье: ружья вокруг были несуразными, каких свет не видывал, а уж как из них стрелять, я просто не догадывался. Вроде бы все они заряжались с дула —

опыта обращения с подобным оружием у меня не было, мягко говоря, никакого.

Пелена над полем сражения сгустилась так, что затянула солнце. Дым заполнил низину, и толстый слой его плавал буквально над самыми головами тех, кто припал к склону перед строем рычащих унионистских батарей. Я смотрел вниз из-под этого слоя вместе со всеми, и мне чудилось, что я заглядываю в щелочку под свисающий сверху грязно-серый занавес, очень серый и очень грязный.

Внизу на склоне что-то шевельнулось — нет, не человек, кто-то гораздо мельче человека. Может, собачонка, — подумалось мне. — Оказалась между позиций и мечется... Нет, пожалуй, не собачонка, что-то более темное и пушистое. Похоже, очень похоже, что сурок. И я даже обратился к нему: «Послушай, сурок, на твоём месте я бы нырнул обратно в нору и не высовывался оттуда, пока все не кончится...» Не думаю, чтобы я в самом деле произнес что-то вслух, но, если бы и произнес, это не имело бы никаких последствий, потому что никто на свете, а тем более чокнутый сурок, меня при всем желании не расслышал бы.

Сурок чуть-чуть посидел, а затем потопал по склону вверх ко мне, раздвигая траву.

Тут от дымного слоя отделился клочок и на минуту скрыл сурка. Батарея у меня за спиной продолжала стрельбу, только теперь мне казалось, что пушки не говорят в голос, а немощно пыхтят: их привычный рев совсем потерялся в визге и грохоте металла, в нарастающей лавине разрывов, заполнившей все небо. Из дымного облака, как тяжелые капли дождя, падали кусочки железа, а время от времени в дерн вгрызались и более основательные осколки, выплескивая в воздух фонтанчики земли.

Клочок дыма наконец рассосался. Сурок оказался намного ближе ко мне, и я понял, что это не сурок. Как я не узнал с первого взгляда эту остроконечную шляпу из волос и эти уши-кувшинчики, остается для меня загадкой. Даже на расстоянии я обязан был догадаться, что рефери — не сурок и не собачонка.

А теперь я видел его совершенно отчетливо, и он пялился мне прямо в глаза, пялился с дерзким вызовом, как задиристый боевой петух, и как только понял, что

я вижу его, поднял кривопалую верхнюю лапку и недвусмысленно показал мне нос.

Мне бы проявить выдержку. Можно бы разрешить ему идти своей дорогой. Можно бы не обратить на него внимания. Но вид этого нахаленка, возникшего ниоткуда, привставшего на кривых нижних лапах и показывающего мне нос, оказался просто непереносим.

Забыв обо всем, я вскочил и бросился к нему. И едва я сделал первый шаг, как меня настиг неотвратимый удар. Я не запомнил толком, что случилось. По черепу чиркнуло раскаленное железо. Внезапное головокружение, а затем падение вниз по склону, падение стремительное, молниеносное — и все.

Глава 15

Казалось, я бесконечно долго карабкался сквозь пустынное царство тьмы — хоть глаза были плотно сжаты и я, в сущности, не знал, темно ли вокруг. Но вроде бы догадывался, что темно: я словно ощущал темноту кожей, что не мешало, впрочем, задумываться над тем, как же глупо будет открыть глаза и увидеть полуденное солнце. Так или иначе, глаз я не открыл. По какой-то причине — я не мог четко осознать ее, однако и одолеть не мог, — мне думалось, что глаза должны быть закрыты, почти как если бы меня поджидало зрелище, запретное для смертных. И это тоже оставалось чистой воды вымыслом. Подкрепить подобное подозрение мне было положительно нечем. Пожалуй, это и было самое страшное: в моем распоряжении не было фактов, я очутился в темном мире без фактов, я карабкался в пустоте и сознавал при этом, что здесь еще недавно была прочность, была материя и жизнь, а ныне не осталось ни того ни другого.

Я карабкался и карабкался, полз вверх по склону, полз мучительно, еле-еле, не зная, куда ползу и зачем. И все же мне казалось, что я должен ползти, не могу не ползти, и не потому, что мне этого хочется, а потому, что нет выбора — все иные решения непредставимо ужасны. Я не помнил, кто я и что я, не догадывался, как попал сюда. Не исключено, что я всегда был здесь и от

самого сотворения мира полз сквозь темноту по этому бесконечному склону.

Но постепенно я дополз до минуты, когда осознал кое-что новое, — руки нащупали почву и траву, колено отозвалось болью, когда я наткнулся на камушек и оцарапался о него, щека уловила прикосновение легкого прохладного ветерка, а ухо поймало звук, трепещущий посвист того же самого ветерка, перебирающего листву где-то над головой. Ощущений стало гораздо больше, чем раньше: окружающее меня царство темноты возвращалось к жизни. Я прекратил ползти и разлегся плашмя без движения, чувствуя каждой клеточкой, как земля отдает накопленное за летний день тепло. И понял, что тишину нарушает не только ветерок, играющий в листьях, а еще и неровный топот ног, и отдаленные голоса.

И я рискнул открыть глаза. Да, было темно, как я и предполагал, и все же не так темно, как могло бы быть. Невдалеке виднелась небольшая рощица, а на гребне за рощицей, силуэтом на фоне звездного неба, торчала пьяная пушка — колесо осело, а жерло задралось к звездам.

Разглядев пушку, я вспомнил Геттисберг и узнал место, где лежу. Выходит, никуда я не полз, а оставался там же или почти там же, где имел глупость вскочить на ноги, когда рефери показал мне нос. Никуда я не полз, это только мерещилось в горячем помрачении разума.

Я поднял руку к голове. Пальцы нащупали сбоку на черепе выпуклый скользкий рубец, а когда я их отнял, они оказались липкими. С грехом пополам я поднялся на колени, но вставать не спешил, прислушиваясь к своему самочувствию. Голову там, где я коснулся ее, немножко саднило, но ум работал ясно, меня не шатало и в глазах не двоилось. И я вроде бы сохранил достаточно сил. Вероятно, осколок задел меня по касательной, вспорол кожу да вырвал клочок волос, только и всего.

Стало ясно, что рефери чуть не добился того, к чему стремился, — от смерти меня спасла ничтожная доля дюйма. Но интересно все-таки: неужто такую битву затеяли ради меня одного, ради того, чтоб поймать меня в ловушку? Или сражение разыгрывается периодически, повторяется снова и снова по расписанию? А

может, ему суждено повторяться без конца до тех пор, пока жители моей страны не утратят интереса к эпохе Геттисберга?

Я стал на ноги, и они удержали меня, притом вполне уверенно, хотя где-то под ложечкой засело странное ощущение. Что бы оно значило? — подивился я и внезапно понял, что это самое обыкновенное чувство голода. Последний раз мне довелось поесть вчера днем, когда мы с Кэти обедали в придорожной закусочной у границ Пенсильвании. Вчера — если судить по моим часам, потому что откуда же было мне знать, как течет время на этом разрытом ядрами склоне. Я вспомнил, что обстрел здесь начался на два с лишним часа раньше, чем должно, — опять-таки судя по моим часам. Правда, историки до сих пор спорят, когда же точно раздался первый выстрел, но безусловно не раньше, чем в час дня. Однако я тут же поправился: в данных обстоятельствах исторические уточнения не играют в сущности никакой роли. В этом перекошенном мире занавес может подняться в любую секунду, когда того пожелает режиссер.

Едва я сделал три шага вверх по склону, как споткнулся обо что-то лежащее на земле и полетел кубарем, еле-еле успев выставить руки перед собой, чтоб не расквасить лицо. Руки оказались полны песка и камешков, — но это еще не худшее. Худшее наступило, когда я перевалился на бок, решив разобраться, что за препятствие подставило мне ножку. И чуть не задохнулся, когда разобрался, — и сразу заметил, что таких препятствий вокруг рассеяно много, очень много. Здесь на склоне, где две враждующие армии сошлись в рукопашной, кое-кто остался тихо лежать во тьме горами тряпья, только легкий ветерок шевелил полы мундиров, словно напоминая, что хозяева этих мундиров недавно были живы.

Убитые, — сказал я себе и тут же осекся: да нет, какие убитые, горевать не о ком, разве что в память о давних временах, когда здесь все происходило всерьез, а не в натужной постановке для слабоумных...

Мой старый друг размышлял об иной форме жизни. Возможно, более совершенной, чем наша. О том, что продолжающийся эволюционный процесс достиг нового значительного поворотного пункта. Пункт этот, вероятно, можно назвать силой мышления. Физическая

составляющая абстрактного мышления обрела здесь, в этом мире, приют и вещественную форму, и форма способна жить и умирать (или притворяться умершей), а затем вновь становиться абстрактной силой, чтобы со временем вновь ожить и вновь обрести форму, ту же самую или совсем иную.

Что за бессмыслица? — сказал я себе. Но ведь в таком случае бессмыслицей было все и всегда. Огонь был бессмыслицей, пока неведомый нам предок не приручил его. Колесо было бессмыслицей, пока кто-то его не придумал. Атом был бессмыслицей, пока любознательные умы не представили его себе и не доказали, что он существует (хотя, в сущности, так и не разобрались в нем досконально), и атомная энергия была бессмыслицей, пока однажды в Чикагском университете не возгорелся странный пожар, а чуть позже над пустыней не поднялся исполинский зловеющий гриб.

Если эволюция представляет собой, как принято думать, непрерывный процесс, направленный на то, чтобы привести жизнь в соответствие с изменениями окружающей среды, помочь ей совладать с ними, тогда этот новый гибкий, изменчивый род жизни означает, что эволюция близка к своему высшему достижению и окончательной, неоспоримой победе. Потому что жизнь, в основе своей не материальная, но способная, по крайней мере теоретически, принять любую материальную форму, может мгновенно приспособиться к любому окружению, справиться с любой экологической средой.

Какую же цель преследует эта новая жизнь? — задал я себе вопрос, лежа на поле битвы при Геттисберге в окружении мертвецов (можно ли назвать их мертвецами?). Но, коли на то пошло, наверное, слишком рано искать в проявлениях этой жизни осознанную цель. Орды голых плотоядных обезьян, шастающие по Африке два с чем-нибудь миллиона лет назад, разумному наблюдателю со стороны показались бы лишенными осознанной цели в еще большей степени, чем диковинные обитатели этого мира.

Я снова поднялся на ноги и побрел вверх, мимо рощицы, мимо разбитой пушки — теперь мне было видно множество таких разбитых пушек, — и в конце концов поднялся на гребень и заглянул на его противоположный склон.

Представление все еще не кончилось. На самом склоне, на юг и на восток от него искрились костры, издали доносились звяканье упряжи и скрип повозок, а может быть, пушек на марше. Где-то на отшибе, в районе Круглых вершин, закричал мул.

А над всей сценой навис полог сверкающих летних звезд, и это, вспомнилось мне, явная ошибка в сценарии, поскольку после последней атаки на злосчастный склон обрушился сильный дождь и кое-кто из раненых, не способных передвигаться, не сумел отползти от вздувшегося ручья и захлебнулся. Это так и окрестили — «пушечная погода». Военные подметили, что вслед за жестоким сражением часто поднимается буря, и уверовали, что можно спровоцировать дождь артиллерийской канонадой.

Весь ближний склон был помечен темными бесформенными контурами мертвых солдат, попадались и мертвые лошади, но, удивительное дело, раненых словно не было совсем. Они не выдавали себя ни звуком, не было ни стонов, ни рыданий, неизбежных после каждой битвы, и уж тем более не было надрывных криков людей, обезумевших от боли. Не приходилось сомневаться, что раненых никак не могли успеть подобрать и вынести с поля битвы всех до одного — слишком мало времени прошло, — и я усомнился, были ли здесь вообще раненые, не был ли исторический сценарий подвергнут цензуре, вычищен таким образом, чтобы раненых не осталось.

Достаточно было чуть взглянуть в смутные фигуры, распростертые на земле, чтобы ощутить исходящие от них безмолвие и покой, величие смерти. Никто не застыл неестественно и конвульсивно, все лежали в достойных позах, будто просто прилегли и заснули. Не было следов агонии и смертных мук. Даже лошади и те были лошадьми, прилегли отдохнуть. Не было тел, вспухших от газов, не было нелепо вывернутых ног. Поле битвы в целом было учтивым, аккуратным, дисциплинированным и, пожалуй, слегка романтическим. Ясно было, что и здесь вмешались редакторы — и, наверное, не столько редакторы этого мира, сколько моего собственного. Именно такой воображали себе войну те, кто жил в эпоху Геттисберга, именно такой она осталась в памяти поколений, когда годы постепенно содрали с нее наслоения грубости, жестокости, страха, набросили на

события плащ благородства и превратили войну в сагу о войне.

Я понимал, что действительность была другой. Я понимал, что на самом деле все происходило не так. И тем не менее, когда я стоял на гребне, то почти забыл, что это всего лишь спектакль, ощутил величие бранной славы и предался чувству овеянной величием меланхолии.

Мул покричал и затих, и у одного из костров завели песню. Рожица у меня за спиной зашелестела листьями.

Вот он, Геттисберг, — подумал я. Я ведь был здесь в иное время, в ином мире (или теперь попал в иной мир, каков бы он ни был и какие бы чуждые силы им ни управляли), стоял на этом самом месте и старался представить себе, как все это выглядело сто лет назад, — и вот я вижу, вижу своими глазами, по крайней мере, какую-то часть минувшего.

Я принялся спускаться с холма, когда услышал голосок, окликнувший меня по имени:

— Хортон Смит!

Я поспешно обернулся на оклик, но в первую секунду не разглядел говорящего. Потом я увидел его — он уселся на сломанное колесо разбитой пушки. Я различил только его силуэт — заостренную головку, накрытую копной волос, и уши-кувшинчики. Впервые за все эти дни он не прыгал в кипучей ярости, а сидел смирненько, словно и впрямь на насесте.

— Опять ты, — отметил я вслух. — Чего явился?

— Вы прибегли к помощи дьявола, — заявил рефери. — Вы снова поступили нечестно. Схватку с Дон Кихотом не следовало засчитывать в принципе, и только с помощью дьявола можно было уцелеть под канонадой...

— Допустим. Допустим, мне действительно помогал дьявол. Ну и что из того?

— Вы признаете это? — возбужденно переспросил он. — Признаете, что прибегли к его помощи?

— Ничего я не признаю, — ответил я. — Это ты утверждаешь так, а я просто не в курсе. Дьявол даже не заикался о том, что собирается мне помочь.

Он удрученно сник.

— Тогда, как видно, ничего не попишешь. Трижды испытан — заговорен. Таков закон, и я не вправе подвергнуть его сомнению, хотя, — добавил он зло, —

очень хотелось бы. Вы неприятны мне, мистер Смит. Вы мне весьма неприятны.

— Вот уж чувство, — ответил я, — которое я разделяю.

— Шесть раз! — взвыл он горестно. — Это аморально! Это немыслимо! Никто никогда не выдерживал даже трех раз!..

Подойдя поближе к пушке, на которой он восседал, я смерил его откровенно ехидным взглядом.

— Если тебе от этого станет легче, — высказался я наконец, — сообщаю, что я не вступал в сделку с дьяволом. Я просил его замолвить за меня словечко, но он дал мне понять, что не может выполнить мою просьбу. Он сказал, что правила есть правила и не в его власти их изменить.

— Если мне станет легче! — завопил монстренок, пытая от негодования. — С чего это вам вдруг заботиться, чтобы мне стало легче! По-моему, это новый трюк. Еще один грязный человеческий трюк!

Я резко развернулся на каблуках и бросил:

— А пошел ты!..

И впрямь, чего ради блюсти вежливость с этим чучелом?

— Мистер Смит! — бросил он мне вдогонку. — Мистер Смит! Ну пожалуйста, мистер Смит!..

Я продолжал решительно спускаться с холма, не обращая на его призывы никакого внимания.

Слева от себя я заметил белеющий силуэт фермы, а вокруг нее ограду из кольев, такую же белую, но частично порушенную. В окнах горел свет, на дворе били копытами привязанные кони. Вероятно, это был штаб генерала Мида, и вполне возможно, что сам генерал сейчас находился в штабе. Подойди я поближе, я бы мог, наверное, мельком увидеть его. Но я не подошел, а продолжал спускаться с холма. Потому что этот Мид не был настоящим Мидом — и ферма не была настоящей фермой, а разбитая пушка пушкой. Все это оставалось грубой подделкой, хотя и очень вещественной, настолько вещественной, что там на гребне я на мгновение ощутил дыхание подлинной истории, настоящего поля битвы.

Теперь до меня со всех сторон долетали невидимые голоса, а иной раз и звук шагов. Время от времени я даже смутно различал фигуры людей, перебегавших по

склону, то ли с официальными поручениями, то ли, скорее всего, по своим делам.

Почва чуть было не ушла у меня из-под ног — склон круто падал, переходя в овраг. Ближний край оврага густо зарос деревцами, а под ними был разожжен походный костер. Я попытался обойти его, я не испытывал желания встречаться с кем бы то ни было, но упустил момент, и меня заметили. И то сказать, какие-то мелкие камешки сорвались у меня из-под ног и с шумом покатались в глубину оврага. Раздался громкий окрик. Я застыл как вкопанный.

— Кто идет? — повторил тот же голос.

— Друг, — ответил я. Я сознавал, что это глупый ответ, но ничего лучше не придумал.

Пламя костра осветило поднятый ствол мушкета.

— Слушай, Джек, — вмешался другой, протяжный голос, — ну чего ты психуешь? Мятежников поблизости нет, а если б и были, то уж постарались бы вести себя тихо-тихо...

— Хотел проверить, только и всего, — откликнулся Джек. — После нынешнего побоища к чему рисковать?

— Не волнуйтесь, — произнес я, приближаясь к костру. — Никакой я не мятежник.

Попав в круг света, я остановился и позволил им осмотреть себя. Их было трое — двое расположились на земле у костра, третий стоял с мушкетом в руках.

— Но вы, погляжу, и не из наших, — сказал стоявший. Очевидно, он и был Джек. — Кто вы, мистер?

— Меня зовут Хортон Смит. Я газетчик.

— Ну и ну, — заметил солдат с протяжным голосом. — Идите сюда, присаживайтесь к костру. Можем потолковать чуток, если не торопитесь.

— Нет, не очень тороплюсь, — ответил я.

— Мы вам про все расскажем, — сказал тот, кто еще не говорил. — Мы же были в самой гуще. Там, подле рощицы.

— Погоди-ка, — перебил протяжный голос. — Ничего нового мы ему не расскажем. Я видел этого джентльмена. Он сам был там, рядом с нами. По крайней мере был какое-то время, а может, и до конца. Я его видел, пока не припекло так, что стало не до него.

Я подошел к костру вплотную. Джек прислонил мушкет к сливовому деревцу и вернулся на свое прежнее место у огня.

— Мы тут решили поджарить себе бекона, — пояснил он, показывая на сковородку, установленную на углях сбоку от костра. — Если вы голодны, у нас хватит на всех...

— Нужно очень оголодать, — отозвался кто-то из двух других, — чтоб польститься на такую еду.

— Похоже, что я оголодал как следует, — подхватил я, вошел к ним в круг и опустился на корточки. Рядом со сковородкой, где жарилась свинина, дымился кофейник, и я вдохнул дразнящий аромат. — Мне случилось сегодня пропустить обед. Да, по правде говоря, и завтрак тоже.

— Тогда вы, может, и не побрезгуете, — сказал Джек. — У нас есть в запасе парочка галет, я смастерю вас сандвич.

— Только не забудь для начала, — вмешался протяжный, — ткнуть галетой обо что-нибудь и выбить червяков. А то с непривычки сырое мясо может и не понравиться...

— Слушайте, мистер, — сказал третий, — сдается мне, вас нынче царапнуло...

Я коснулся раны на голове, — когда я отнял пальцы, они были по-прежнему липкими.

— Да, меня сегодня выключили, — признался я. — Очнулся совсем недавно. Осколок, наверное.

— Майк, — обратился Джек к протяжному, — почему бы вам с Эйсой не обмыть ему голову и не поглядеть, глубока ли рана? А я нацелю кружку кофе. Может, ему на пользу пойдет.

— Да ладно, — сказал я. — Это и правда царапина.

— Все равно лучше поглядеть, — заявил Майк, — а потом, когда расстанемся, двигайте к дороге на Тани-таун. Поверните по ней на юг — найдете нашего полевого хирурга. Он порядочный мясник, но приложит вам какую-нибудь мазь, чтоб не омертвело.

Джек подал мне кружку кофе, который оказался крепок и горяч. Я едва прихлебнул его и обжег язык. А Майк тем временем мягко, как женщина, обмывал мне рану с помощью носового платка, смоченного водой из фляги.

— В самом деле царапина, — подтвердил он. — Содрало кусочек шкуры, только и всего. Но на вашем месте я бы всё равно навестил мясника.

— Хорошо, навещу, — пообещал я.

Самое забавное в том, что не оставалось и тени сомнения: эти трое у костра всерьез верили в свои роли солдат-унионистов. Они не играли. Они жили той жизнью, что была им предложена. Возможно, они могли стать кем и чем угодно, вернее, сформировавшая их сила (если это сила) могла обернуться кем и чем угодно. Но, как только сила обрела определенный материальный облик, они стали теми, кем стали, без каких бы то ни было оговорок. Пройдет немного времени, и их нынешний облик утратится, трансформируется в некую изначальную сущность, готовую к новым трансформациям, но, пока этого не произошло, они были солдатами армии северян, недавно выдержавшими жестокую схватку на этом иссеченном ядрами гребне.

— Больше я ничего не могу сделать, — произнес Майк, усаживаясь на прежнее место. — Даже чистой тряпки и то нет, перевязать вас нечем. Но ничего, найдете дока, он укутает вас как надо.

— А вот и сандвич, — объявил Джек. — Я постарался выколотить всех ползунов. Думаю, мне это в общем удалось.

Галета была покрыта неаппетитным месивом и оказалась несусветно твердой, такой, как я и читал о галетах той поры, но я был голоден, а это была еда, и я ее проглотил. Джек приготовил сандвичи для остальных, и несколько минут мы жевали молча, не обмениваясь ни словом: такого рода пища требует от человека полной сосредоточенности. Тем временем кофе достаточно остыл, его стало можно пить, и галета стала казаться постыднее.

Наконец мы справились с едой, и Джек нацедил всем еще по кружке кофе. Майк вытащил старую трубку и долго шарил по карманам, пока не нашел довольно табачных крошек, чтобы набить ее. Прикурил от головешки, бережно добытой из костра, и сказал:

— Газетчик, надо же! Из Нью-Йорка, наверное?

Я покачал головой. Нью-Йорк был слишком близко. Кто-нибудь из них, чего доброго, уже встречался с газетчиками из Нью-Йорка.

— Из Лондона. Газета «Таймс».

— А говорите, по-моему, не как британец, — заметил Эйса. — Ваши обычно так смешно бормочут...

— Просто я уже много лет как из Англии. Слоняюсь тут среди вас...

Разумеется, это никак не могло объяснить потерю британского акцента, но их это на время устроило.

— Говорят, в армии Ли тоже есть британец, — сказал Джед. — По фамилии Фримантл или что-то похожее. Может, вы его знаете?

— Слышал о нем, — поспешил откреститься я, — но лично не встречал.

Они, пожалуй, становились чересчур любопытными. Держались по-прежнему дружелюбно, но любопытствовали не в меру. К счастью, они не задержались на этой теме: было слишком много других, которые им тоже хотелось бы обсудить.

— Когда будете писать свою статейку, — осведомился Майк, — что вы намерены сказать о Миде?

— Ну я еще не решил, — промямлил я. — Еще не успел как следует все обдумать. Конечно, здесь он провел прекрасную битву. Заставил южан пойти напролом. В первый раз сыграл их картами. Упорная оборона, и вот...

Джед сплюнул.

— Может, и так. Но нет у него блеска. Вспомните Мака — вот кто действительно воевал блестяще...*

— Блестяще, блестяще, — передразнил Эйса, — почему же нас под его началом всегда лупили? Честно скажу, недурно хоть разок почувствовать себя победителем. — Он взглянул сквозь пламя костра в мою сторону. — Как по-вашему, сегодня мы победили?

— Уверен, что победили, — ответил я. — Завтра Ли начнет отступление. Может, уже и начал.

— Кое-кто у нас думает иначе, — возразил Майк. — Я тут толковал с ребятами из Миннесоты. Они считают, что эти чокнутые повстанцы завтра начнут все сначала.

— Не думаю, — сказал Джед. — Сегодня мы перешибли повстанцам хребет. Черт побери, они поперли вверх по склону как на параде. Прямо на нас и прямо на пушки. И мы их смели, будто били на стрельбах по мишеням. Нам твердили, что их генерал Ли ловок и

* Имеется в виду, по-видимому, Джордж Макклеллан, до 1862 года командир Потомакской армии северян, затем замененный генералом Бернсайдом. На президентских выборах 1864 года Макклеллан выступил соперником Авраама Линкольна, но потерпел поражение.

умен, но какой же умный генерал пошлет своих людей парадом по ровному склону прямо на пушки!..

— Бернсайд послал нас на пушки при Фредриксберге, — напомнил Эйса.

Джед опять сплюнул.

— Кто сказал, что Бернсайд — умный генерал? Никто никогда этого не утверждал.

Я допил кофе, быстро крутанул кружку, взбалтывая остаток, и выплеснул его в костер. Джед потянулся за кофейником.

— Спасибо, больше не надо, — сказал я. — Мне пора идти.

Идти мне вовсе не хотелось. Хотелось остаться здесь и убить еще час-другой в болтовне с тремя солдатами у костра. Здесь было тепло, удобно и вообще уютно.

Однако меня не покидало глубокое, серьезное подозрение, что мне надо сматываться отсюда как можно скорее. Подальше от этих солдат и от поля битвы, пока не случилось еще чего-нибудь. Железный осколок пролетел достаточно близко. Теоретически, конечно, я был уже вне опасности, но я не доверял этому миру и тем более не доверял рефери. Чем быстрее я выберусь из Геттисберга, тем лучше. Я встал.

— Спасибо за еду и кофе. Честно скажу, это было не лишнее.

— Куда вы теперь?

— Наверное, прежде всего надо бы разыскать вашего доктора.

— На вашем месте, — кивнул Джед, — я бы сделал именно так...

Я побрел прочь, ожидая с секунды на секунду, что они окликнут меня и вернут обратно. Но они не сделали этого, и я, спотыкаясь, стал спускаться в темный овраг.

В голове у меня, пусть вчерне, возникла полузабытая карта местности, и вскоре я принял решение, куда идти. Конечно, ни о какой дороге на Танитаун не могло быть и речи — я остался бы чересчур близко к полю битвы. Я пересеку эту дорогу и пойду дальше на восток, пока не доберусь до Балтиморского тракта, а потом поверну по тракту на юго-восток. Хотя совершенно непонятно, о чем я размышлял и зачем. В этом таинственном мире одно направление, вероятно, ничуть не лучше другого. Да и, в сущности, куда мне было идти — я двигался без

всякой цели. Дьявол заявил, что Кэти в безопасности, снова в мире людей, но и полусловом не намекнул, как человеку попасть отсюда к своим. И не так уж твердо я был убежден, что дьяволу можно верить в отношении Кэти. Он субъект изворотливый и вряд ли достоин доверия.

Добравшись до конца оврага, я вышел к долине. Впереди уже была заметна дорога на Танитаун. Там и тут горели костры, я обходил их стороной. И неожиданно наткнулся в темноте на теплое волосатое тело, приветствовавшее меня легким фырканием. Я попятился и, прищурившись, разглядел лошадь, привязанную к уцелевшей железной оградке.

Лошадь шевельнула ушами и тихо заржала. Наверное, ее оставили тут давно, она была напугана одиночеством и определенно рада человеку. На ней было седло, и к оградке ее привязали по всем правилам, за повод.

— Привет, лошадка, — произнес я. — Как дела?

Она фыркнула, адресуясь несомненно ко мне. Я передвинулся и потрепал ее по шее. Она вывернула морду и попыталась ткнуться в меня носом.

Я отступил на шаг, осмотрелся — поблизости никого. Тогда я освободил поводья, накинул их ей на шею и, выпрямившись, с грехом пополам забрался в седло. Лошадь, по-видимому, была счастлива, что ее отвязали, и послушно шла, куда я ее направлял.

У дороги и на самой дороге стояла куча повозок, но я ухитрился проскочить мимо них незамеченным. Никто меня не окликнул, я пересек дорогу и погнал лошадь на юго-восток. Она пошла легкой рысью.

Нам повстречалось несколько маленьких групп солдат, тяжело бредущих куда-то, потом пришлось объезжать артиллерийскую батарею, но постепенно всякое движение замерло. В конце концов лошадь выбралась на Балтиморский тракт и поскакала по нему прочь от Геттисберга.

Глава 16

Несколько миль от Геттисберга — и дорога внезапно оборвалась. Как и следовало ожидать: ведь в горах Саут Маунтинз, где мы с Кэти впервые познакомились с этим миром, сыскался один-единственный проселок и ничего похожего на настоящую дорогу. Балтиморский тракт и дорога на Танитаун, а может, и сам Геттисберг в этом мире служили всего-навсего декорациями для битвы, и довольно было отдалиться от поля сражения, чтобы нужда в декорациях отпала.

А как только дорога приказала долго жить, я оставил всякие попытки выбирать маршрут и предоставил лошади брести куда ей заблагорассудится. Если разобраться, не было вообще никакого смысла продолжать движение. Мест, куда я хотел бы попасть, здесь просто не было, — но и останавливать лошадь я тоже не стал. По какой-то причине мне казалось, что чем дальше от Геттисберга, тем лучше.

И может, сейчас, мягкой летней ночью в седле под звездами, мне впервые с тех пор, как я попал в этот мир, выпал случай хорошенько подумать. Я перебирал в памяти одно за другим происшествия, что навалились на меня с минуты, когда я свернул на извилистую дорогу в Пайлот Ноб, и задавал себе множество вопросов по поводу каждого из них, — а ответов по-прежнему не находил. Осознав это, я одновременно понял,

что ищу ответов, которые удовлетворяли бы человеческой логике, а таких ответов нет, искать их — пустая затея. Перед лицом накопившихся у меня фактов не оставалось сомнений, что человеческая логика и происходящее просто не имеют между собой ничего общего. Нравится или не нравится, приходилось признать, хотя бы наедине с собой, что единственно возможные объяснения надо основывать на посылах, изложенных в рукописи моего друга.

Итак, есть некая область — и я угодил в нее, — где физическая составляющая воображения (термин очень неуклюжий, да что поделаешь) становится субстанцией, способной при известных условиях обращаться в материю, или подобие материи, или новую форму материи, не в наименовании суть. Я потратил немало времени, силясь вывести формулировку, которая действительно исчерпывала бы ситуацию и снижала число всяких «возможно» и «если» до разумных пределов, — но и такая задача на проверку была безнадежной. В конце концов я ограничился тем, что окрестил мир, где нахожусь, Страной воображения, — не Бог весть что, но на данный момент сойдет, и ладно. Определение неточное и даже малодушное, но, может, кто-нибудь когда-нибудь предложит лучшее.

Страна эта, как ее ни назови, слеплена из всех фантазий, всех маскарадов, всех волшебных сказок и народных поверий, всех выдумок и традиций рода человеческого. По этой стране шествуют и бегают, в этой стране таятся все существа и коллизии, когда-либо порожденные неутомленным мозгом своевольных маленьких приматов. Здесь Санта Клаус (каждую ночь или только в ночь перед Рождеством?) мчит по небу в запряженных северными оленями санях. Здесь Икабод Крейн (каждую ночь или только в канун Дня всех святых?) гонит свою измученную клячу по каменистой дороге в отчаянной надежде достичь заветного моста прежде, чем Всадник без головы сумеет запустить в него притороченной к седлу тыквой *. Здесь Дэниэл Бун пробирается по лугам Кентукки с неизменным длинным

* Имеется в виду новелла Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной лощине», а точнее, ее мультипликационный вариант, включенный Уолтом Диснеем в цикл «Страшные сказки».

ружьем на изготовку*. Здесь бродит славный Дедушка Песочник, а в его отсутствие злобные ухмыляющиеся твари танцуют джигу на заборе. И здесь повторяется битва при Геттисберге (вновь и вновь без остановки или только по специальному заказу?), но не та битва, что была на самом деле, а битва учтивая, облагороженная, почти бескровная, в какую ее превратило общественное мнение в последующие годы. И, вероятно, не только эта битва, но и многие другие — все великие беспощадные битвы, которые не утратили для нас значения, рассказы о которых вошли в традицию. Ватерлоо и Марафон, Шайло, мост Конкорд и Аустерлиц** — а в грядущие годы, как только воспоминания перейдут в традицию, к ним добавятся безумные, оскорбляющие человеческое достоинство механические сражения двух мировых войн, Кореи и Вьетнама. И одновременно частью этой страны станут, — может, уже стали — легендарные «громовые двадцатые» с их енотовыми шубами и долгополыми пиджаками, прикрывающими фляжки в заднем кармане брюк, с тупорылыми авто, гангстерами и пулеметами, заботливо уложенными в футляры от виолончелей.

Все это и многое другое, все образы и оттенки воображения, все безрассудство и остроумие, все шутовство и легкомыслие, все пороки и печали собрались здесь, в этом мире, лишь бы люди любой эпохи, от пещер до настоящего времени, обрисовали их в своем сознании с достаточной четкостью.

Разумеется, в холодном свете человеческой логики это выглядело помешательством, но вот оно, помешательство, окружает меня со всех сторон. Я ехал верхом по местности, которую язык не поворачивался назвать земной, — она была сказочной, застывшей под звездами, среди которых при всем желании нельзя было обнаружить ни одного созвездия, известного людям. Страна невозможного, где глупые поговорки обретали

* Дэниэл Бун (1734—1820 гг.) — реальное историческое лицо, один из тех, кого в Америке называют пионерами. Участвовал в войне за независимость и в бесчисленных стычках с индейцами, впоследствии стал героем книг, фильмов и комиксов.

** Перечислены сражения разных стран и эпох, начиная с битвы греков с персами при Марафоне в 490 году до н. э. и кончая Шайло — кровопролитной схваткой северян и южан в апреле 1862 года.

силу закона, где просто не оставалось места логике, поскольку сама страна была создана воображением, не признающим никакой логики.

Лошадка несла меня куда-то, переходя на шаг там, где почва была неровной, и пускаясь уверенной рысью, как только дорога позволяла ей это. Голова слегка побаливала, и, когда я коснулся раны, пальцы были по-прежнему липкими, однако я нащупал образующийся струп и понял, что все в порядке. И вообще я чувствовал себя гораздо лучше, чем полагалось бы при данных обстоятельствах, — ехал и ехал без приключений по волшебной стране, замершей в сиянии звезд.

Честно признаться, я с секунды на секунду ожидал встречи с кем-либо из обитателей этого фантастического мира, но никто не показывался. Лошадь в конце концов отыскала тропу, утоптанную получше прежних, и опять перешла на рысь. За спиной осталось уже немало миль, в воздухе холодало. Изредка я видел вдалеке поселения, хоть и не мог разобрать, что они такое. Впрочем, одно из них определенно выглядело как форт, обнесенный частоколом, наподобие тех, что ставили пионеры, когда осваивали новые земли Кентукки. Случалось, что сквозь звездную темень пробивались какие-то огоньки, но тут уж и вовсе нельзя было догадаться, что они могли означать.

Внезапно лошадь резко остановилась. Совершеннейшее чудо, что я удержался в седле, а не вылетел по инерции ей через голову. Ведь она шла так ровно и беззаботно, почти как заводная, и вдруг неожиданно замерла, просто уперлась в землю копытами и встала. И наострила уши, затрепетала ноздрями, будто учуяв что-то во мраке впереди.

А потом она пронзительно заржала от ужаса, развернулась на задних ногах и, прыгнув с тропы вбок, бросилась бешеным галопом в лес, не разбирая дороги. Я остался в седле лишь потому, что успел лечь ей на шею и схватиться за гриву, и в этом мне опять повезло, — если б я сидел выпрямившись, как прежде, какая-нибудь низко нависшая ветка непременно вышибла бы мне мозги.

Должно быть, лошадиный слух был значительно тоньше моего: только когда мы, забыв о тропе, понеслись по лесу, я различил позади хриплое мяуканье, переходя-

щее в чавканье. Налетевший ветерок приобрел смрадный оттенок, а затем сзади послышался настойчивый треск и хруст — что-то огромное, неуклюжее, кошмарное ломилось сквозь кусты и деревья следом за нами.

Отчаянно цепляясь за гриву, я осмелился бросить взгляд назад и уголком глаза уловил размытый контур тошнотворно зеленой туши, движущейся за нами след в след.

Нежданно-негаданно — так быстро, что я не заподозрил неладного, пока оно не произошло, — и седло и лошадь вырвались из-под меня и испарились. Их не стало, словно никогда и не было: я камнем упал вниз, приземлился на ноги, но не удержался, опрокинулся на спину и проехал по глине добрый десяток футов до крутопадающего откоса, ну а тут уж покатился кубарем до самого низа. Я был ошарашен, но если расшибся, то не сильно, — во всяком случае, я сумел подняться на ноги и встретить тошнотворно зеленое нечто, с шумом продирающееся по лесу, лицом к лицу.

В общем-то я сразу понял, что случилось, понял совершенно ясно — этого следовало ожидать, к этому следовало приготовиться, но верховая езда казалась таким спокойным, таким обыкновенным занятием, что я позволил себе забыть про самый вероятный ее исход. Постановка-реставрация битвы при Геттисберге должна была прийти и пришла к концу. И там, на склонах и округлых холмах, больше не было ни уцелевших солдат, ни усеявших поле бесформенных тел, ни разбитых пушек, ни расстрелянных ядер, ни боевых знамен и ничего другого — все исчезло в мгновение ока. Представление окончилось, актеров выгнали со сцены, декорации сломали, а поскольку моя лошадка тоже была частью реквизита, ее конфисковали.

И я остался в небольшой лощинке, укрывшейся в лесной чаще, один на один с преследующей меня омерзительной зеленью — она была зеленой, и мне впору было позеленеть от страшного гнилостного смрада, который она распространяла перед собой. Она мяучила яростнее прежнего, а время от времени чавкала и еще жутко взвизгивала, и визг ее проникал до самой глубины души. Я замер, не в силах отвести взгляд от этой зелени, и вдруг опознал ее — тварь, выдуманную Лав-

крафтом *, вселенского пожирателя по кличке Древний, вынырнувшего из преданий исчезнувших племен, некогда изгнанного с Земли, но вернувшегося насытить свой мерзкий, чудовищный голод, способного не просто сдирать мясо с костей, а лишать воли к жизни, замораживая душу и разум, сковывая их безграничным ужасом.

Я ощутил этот ужас — волосы поднялись дыбом, внутри все сжалось и перевернулось, по телу разлилась слабость. Во мне не осталось почти ничего человеческого, но я ощутил еще и гнев, и уверен — именно гнев сохранил мне рассудок.

Проклятый рефери, — выругался я про себя, — грязная маленькая хитренькая вонючка!.. Он, конечно же, возненавидел меня, и имел на то полное право, ведь я не только одолел его, притом не один раз, а дважды, я еще и показал ему спину, презрительно ушел, когда он, взгромоздившись на колесо разбитой пушки, умолял меня вернуться. Однако правила есть правила, — сказал я себе, — и коль скоро я играл в его игру до конца, то теперь по справедливости должен бы быть избавлен от дальнейших опасностей...

Зеленоватый свет накалился, стал тошнотно, смертельно зеленым, но разглядеть преследователя никак не удавалось. Трупный смрад усилился до того, что загустил в горле, заполнил ноздри, я попытался избавиться от него, вызвав рвоту, но ничего не вышло, разве что смрад теперь казался еще гуще, еще отвратительнее.

А затем я внезапно увидел его — увидел не слишком четко, чернота древесных стволов дробила контур, разбивала его на куски. И все же я увидел достаточно, чтобы ужас преследовал меня до конца моих дней. Вообразите себе чудовищно распухшую жабу, добавьте к ней чуток стреляющей языком ящерицы и что-то гадостное от змеи, и у вас появится отдаленная, слабенькая идея о том, как выглядит Древний. На деле все было хуже, много хуже — эта тварь просто не поддавалась описанию.

На ватных от ужаса ногах, задыхаясь и давясь рвотой, я все-таки попытался бежать, — но едва сделал

* Г о в а р д Ф и л и п с Л а в к р а ф т (1890—1937 гг.) — американский писатель, питавший пристрастие к жанру «черной фантастики».

первый шаг, как земля подо мной провалилась, и я рухнул лицом вниз. Упал на что-то твердое, ободрал лицо и ладони, да и ударился так, что как минимум расшатал себе зуб. Однако смрад исчез, и зеленоватый оттенок исчез, а когда я с грехом пополам приподнялся, то понял, что исчез и лес.

Поверхность, на которую я свалился, была залита бетоном, и тут меня пронзил новый страх. Что это — взлетно-посадочная полоса? Сверхскоростная автострада?

Длинная бетонная лента уходила от меня вдаль, и я глядел на нее тупо и озадаченно. Да, я очутился на середине автострады, — но опасности не было. Не было машин, с ревом мчащихся на меня на сумасшедшей скорости. Вернее, машины были, но ни одна не двигалась. Они просто застыли на бетонном полотне и ни с места.

Глава 17

Потребовалось немало времени, прежде чем я начал что-то соображать. Первым делом я испугался оттого, что стою посередине скоростной автостреды. Что это автострада, я понял моментально — широкие бетонные полосы, между ними разделитель, поросший травой, а по бокам вьется прочный стальной забор, ограждающий движение от помех. Потом я отдал себе отчет, что машины, все до одной, замерли без движения, и это был настоящий шок. Одиночная машина, съехавшая с бетона и стоявшая на обочине с поднятым капотом, не представляет собой ничего особенного. Но, когда таких машин десятки, это, согласитесь, совсем другое дело. И главное — ни в машинах, ни возле них не было людей, никого не было. Одни машины, пустые и неподвижные, некоторые с поднятыми капотами, хотя не все, далеко не все. Словно машины в одну секунду вышли из строя и катились по инерции, пока не остановились. И не только те, что поблизости, — точно такая же картина в обе стороны, вверх и вниз по шоссе. Сколько хватает глаз, везде застывшие машины, сжимающиеся в черные точки на отдалении.

И лишь теперь, лишь когда я осознал и кое-как переварил зрелище застывших машин, до меня дошло самое очевидное, то, что следовало бы уразуметь с первого же мгновения. Я снова очутился на моей род-

ной земле! Я больше не был пленником странного мира Дон Кихота и дьявола!

Если бы меня не отвлекли машины, я, наверное, ощутил бы себя счастливейшим из смертных. Но машины озадачили меня так, что все другие чувства на время как бы выключились.

Я подошел к машине, что была ближе всех, и присмотрелся. Дорожная карта и пачка туристских проспектов на переднем сиденье, термос и свитер в углу заднего. В пепельницу воткнута трубка. Ключей зажигания на месте нет.

Вторая машина, третья, четвертая. То тут, то там — брошенный багаж, будто хозяева отлучились за помощью в твердом намерении вернуться.

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, утро становилось по-настоящему теплым.

Вдалеке, ближе к горизонту, над шоссе повисла эстакада — тонкая линия, затуманенная расстоянием. Надо думать, там перекресток, и я смогу сойти с автостреды. Я пустился в путь в утренней тишине. За забором меж деревьями вились какие-то птицы, но и они молчали.

Итак, я снова дома, — сказал я себе, — и Кэти тоже, если позволительно верить дьяволу... Но где она? Скорее всего, в Геттисберге, в безопасности у родителей. Только бы добраться до телефона, — пообещал я себе, — сразу позвоню и выясню все доподлинно...

Я миновал изрядное число замерших машин, но больше не удостоил вниманием ни одну из них. Важно было единственное — выбраться с автостреды и найти кого-нибудь, кто объяснил бы мне, что происходит. Наконец мне попался дорожный знак с обозначением «автострада 70», и я разобрался, где нахожусь, — в штате Мэриленд, где-то между городом Фредерик и Вашингтоном. Выходит, лошадка за ночь одолела солидную дистанцию, — естественно, в том случае, если география того мира повторяет географию нашего.

На указателе перед перекрестком я прочел название поселка, о котором никогда и не слышал. Втащился наверх, на узкую поперечную дорогу, обнаружил станцию обслуживания, но двери оказались на запоре и вообще все вокруг вымерло. Еще немного, и я очутился на окраине поселка. У тротуаров стояли машины, однако движение замерло и здесь. Я ввалился в первое же

заведение, какое мне встретилось, — маленькое кафе, сложенное из бетонных блоков и выкрашенное в болезненно желтый цвет.

Центр зала занимал большой обеденный стол. Посетителей не было, хоть откуда-то из-за стены доносился звон кастрюль. Стойку украшал большой кофейник, под ним горел огонь, по залу плыл аромат кофе. Я опустилсЯ на стул, и в зал немедленно вышла неряшливо одетая тетка.

— Доброе утро, сэр, — произнесла она. — Раненько же вы поднялись... — Достав чашку и наполнив ее из кофейника, она поставила кофе передо мной и осведомилась: — Закажете что-нибудь еще?

— Яичницу с беконом, — ответил я, — а если вы дадите мне мелочи, то, пока вы готовите, хотелось бы позвонить по телефону...

— Мелочь-то я вам дам, только толку не будет. Телефон не работает.

— Что, испортился? Может, где-нибудь поблизости есть другой телефон?

— Вы меня не поняли. Не работает ни один телефон. Вот уже два дня, с той самой минуты, как остановились машины.

— Машины-то я заметил...

— Ничего не работает, — пожаловалась она. — Просто не знаю, что с нами будет. Ни радио, ни телевидения. Ни машин, ни телефона. А что прикажете делать, когда выйдут припасы? Ну яйца и цыплят можно купить у фермеров. Сынишке придется ездить к ним на велосипеде, да это бы ладно, в школе занятия все равно уже кончились. А когда у меня кончится кофе, сахар, мука и все остальное? Грузовиков-то нет. Остановились так же, как и легковые...

— Вы уверены? — спросил я. — То есть насчет машин. Вы уверены, что они остановились не только здесь, но повсюду?

— Ни в чем я не уверена, — отозвалась тетка. — Кроме того, что не видела ни одной машины на ходу вот уже целых два дня.

— Два дня? Это точно?

— Что уж точно, то точно. Лучше я пойду сготовлю вам завтрак...

И тут меня осенило: а что если случившееся — именно то, что имел в виду дьявол, заявивший мне, что у него есть определенные планы? Правда, когда мы с

ним сидели на Кладбищенском гребне, звучало это так, будто планы еще разрабатываются, — а на деле, выходит, он уже пустил их в ход. Вполне возможно, все началось в тот самый миг, когда машина Кэти слетела с автострасы и очутилась в призрачном мире воображения. Все другие машины заглохли и катились по инерции, пока не встали, а ее машину перекинули на тот убогий проселок на взгорье. Мне вспомнилось, что когда Кэти попыталась завести мотор сызнова, он не пожелал заводиться.

Но как можно осуществить такое? Как можно разом вывести из строя все машины до единой, чтобы они прокатились ровно столько, сколько сумеют, и больше не завелись?

Заклятье, — ответил я себе, — более чем вероятно, это заклатье... Хотя едва я сформулировал эту мысль, сама идея представилась мне невысказанной.

Да, она была невысказанной в моем мире, в том, где я сидел и ждал завтрака, который готовила тетка на кухне. А в мире дьявола такая идея, вероятно, вовсе не была невысказанной: там заклатье могло стать прочным, укоренившимся принципом, столь же веским, как физические и химические законы моего мира. Ведь принцип заклатья множество раз утверждался в волшебных сказках, в древнем фольклоре, да и в бесчисленных фантастических повествованиях, сочиняемых вплоть до наших дней. И люди некогда верили в него всерьез, и потом в течение долгих лет многие отнюдь не сумасброды явно испытывали почтение к давним предрассудкам, никак не желали расстаться с ними, а кое-кто, пожалуй, полуверит в них и сегодня. Разве мало людей предпочтут сделать крюк, лишь бы не пройти под приставной лестницей? Разве мало тех, кто чувствует неприятный холодок, если черная кошка перебежит дорогу? Разве редки те, кто втайне ото всех и сегодня носит с собой кроличью лапку, а если не лапку, то иной амулет, например, монетку или какой-нибудь дурацкий значок? Разве редки те, кто на досуге все еще ищет клевер в четыре лепестка? Может, это делается не вполне серьезно или даже с самоиронией, призванной прикрыть несовременное поведение, однако поступки таких людей сами по себе выдают живущие в них страхи, уцелевшие с пещерных времен, вечное человеческое стремление защититься от невезения, черной магии,

дурного глаза, — как ни называй подобные вещи, суть не меняется.

Дьявол изволил жаловаться, что простенькие, бездумные пословицы доставляют его миру много хлопот, поскольку трактуются там как законы и принципы. И уж если в мире дьявола руководством к действию стала такая бессмыслица, как «трижды испытан — заговорен», то в потенциальной силе обыкновенного заклатья даже сомневаться не приходится.

Ну хорошо, заклатья действуют там, но каким образом возможно распространить их на наш собственный мир, где физические законы вроде бы должны успешно им противостоять? Хотя, коль на то пошло, идея заклатья рождена не кем-нибудь, а самим человеком. Человек измыслил заклатья, а затем передал их в пользование другому миру, и если теперь другой мир обернул их и использовал против нас, то мы этого по справедливости заслуживаем.

Разумеется, с точки зрения логики, общепринятой среди людей, все мои рассуждения — сущая белиберда, но машины, замершие на автострадах, неработающие телефоны, умолкшее радио и погасшие телевизоры — не белиберда, а беспощадная реальность. Можно сколько угодно отрицать действенность заклатий, — но оглянись вокруг и убедишься, что они действуют, еще как действуют.

Вот уж ситуация, — сказал я себе, — нарочно не придумаешь... Если машины не заводятся, если поезда не движутся, если связи нет и не предвидится, страну буквально через неделю ждет катастрофа. Без транспорта и связи заскрежещет, содрогнется и замрет вся национальная экономика. В городских центрах неизбежно скажется нехватка продуктов, тем более что население примется в спешке скупать их про запас. Многим не хватит, и голодные толпы ринутся из городов в поисках пищи во всех направлениях, где есть надежда ее найти.

Не приходилось сомневаться, что уже сейчас налицо первые признаки паники. Столкнувшись с неизвестностью, при отсутствии привычного потока информации, люди пускают в ход домыслы и слухи. Через день-другой, подогретая этими слухами, паника достигнет ошеломляющих масштабов.

Похоже, что роду человеческому нанесен удар, от которого, если не принять каких-то ответных мер, он может и не оправиться. Сложное общественное здание в нынешнем его виде во многом опирается на средства быстрого передвижения и мгновенной связи. Уберите эти две опоры — и все хрупкое здание, вероятно, тут же развалится на куски. Через месяц от него, вчера еще горделивого, просто ничего не останется. Человек будет отброшен вспять, к состоянию варварства, и страну наводнят кочующие орды, отчаянно ищущие хоть каких-то средств к существованию.

В моем распоряжении был не слух, а точный ответ, — я знал, что произошло, — но, конечно же, понятия не имел, что теперь предпринять. Да и тот ответ, которым я располагал, если разобраться, тоже никого не устроит. Мне никто не поверит, а скорее всего, никто даже не наберется терпения, чтобы выслушать меня толком. Подобная ситуация не может не породить кучу полоумных объяснений, и мой рассказ займет место в том же ряду — еще одно полоумное объяснение.

Тетка высунула голову из кухни и спросила:

— Я вас раньше не видела. Вы, наверно, приезжий? — Я кивнул, и она продолжала: — Тут теперь много приезжих. Все с автострады. Кое-кто за тридцать земель от дома, и теперь им никак не попасть обратно...

— Железные-то дороги, должно быть, действуют...

Она покачала головой.

— Не думаю. До ближайшей миль двадцать, и люди говорят — поезда тоже не ходят.

— А где мы сейчас находимся?

Тетка смерила меня подозрительным взглядом.

— Сдается мне, вы с луны свалились, ничего ни о чем не знаете. — Я промолчал, и она в конце концов сообщила то, что мне было нужно: — Вашингтон в тридцати милях отсюда.

— Спасибо, — сказал я.

— Неблизкая прогулочка, особенно в такой денек. Ближе к вечеру будет настоящее пекло. Вы и правда собирались идти пешком до самого Вашингтона?

— Не исключено, — отозвался я, и она вернулась на кухню.

Значит, до Вашингтона тридцать миль. А до Геттисберга сколько получится — шестьдесят или больше? И нет никакой уверенности, — напомнил я себе, — что Кэти в Геттисберге...

Надо решать — Вашингтон или Геттисберг?

В Вашингтоне, конечно же, есть люди, которым следовало бы узнать, которые вправе узнать то, что я могу рассказать, однако крайне сомнительно, что они пожелают меня слушать. У меня в Вашингтоне есть друзья, в том числе и на высоких постах, и еще больше добрых знакомых, но найдется ли среди них хоть один, кто выслушает меня со вниманием? Я перебрал в уме десяток кандидатов и не обнаружил среди них ни одного, кто отнесся бы ко мне всерьез. Прежде всего, они просто не посмеют себе этого позволить, не захотят стать мишенью вежливых насмешек, неизбежных в случае, если кто-то попытается поверить мне хоть отчасти. Приходилось прийти к выводу, что в Вашингтоне я не добьюсь ничего, сколько бы ни колотился головой о каменные стены.

С учетом такого вывода, и все мои чувства кричали об этом в голос, мне следовало со всех ног броситься туда, где Кэти. Раз уж мир готов развалиться ко всем чертям, нам лучше быть вместе, когда это случится. Она единственная знает то же, что и я, она единственная способна понять уготованные мне муки, единственная, кто отнесется ко мне с симпатией, и если будет в силах, то поможет.

Хотя нет, в душе моей было нечто большее, чем надежда на симпатию и помощь. Во мне жило воспоминание о том, как она прильнула ко мне, излучая обаяние и теплоту, каким счастьем засветилось ее лицо, когда она глянула на меня в отсветах ведьминога очага. Вот так, — подумалось мне, — после всех лет скитаний и женщин дальних заморских стран оказывается, что мне нужна Кэти. Меня потянуло на землю моего детства, я не был уверен, что поступаю правильно, не знал, что я там найду, а оказывается, там была Кэти...

Тетка поставила передо мной яичницу с беконом, и я принялся за еду. И тут, во время еды, меня посетила нелогичная мыслишка, прокралась исподтишка и завладела мной не спросясь. Я старался отогнать ее — ведь она была безрассудной, ее нельзя было обосновать. Но

чем настойчивее я гнал ее, тем упорнее она возвращалась и укреплялась во мне. Я все яснее подозревал, что найду Кэти не в Геттисберге, а в Вашингтоне у ограды Белого дома, что она ждет меня, подкармливая тамошних белок.

Несомненно, мы толковали с ней о белках в тот вечер, когда я провожал ее домой, но кто из нас завел этот разговор и как вообще это было? Нет, я не мог припомнить ничего, кроме того, что разговор действительно имел место, — и я положительно был уверен, что в том разговоре не было ни словечка, которое могло бы навести меня на нынешнюю мысль. Но вопреки всему я продолжал пребывать в глубоком, неподвластном мне убеждении, что найду Кэти у Белого дома. Хуже того, убеждение это постепенно смешалось с уверенностью в неотложности дела. Я чувствовал, что обязан попасть в Вашингтон как можно скорее, иначе я ее упущу.

— Мистер, — подала голос тетка из-за стойки, — где это вы расцарапали себе лицо?

— Упал, — отозвался я.

— И на голове у вас здоровая ссадина. Смотрите, как бы не воспалилась. Вам бы к врачу наведаться.

— Некогда мне, — огрызнулся я.

— Тут в двух шагах живет старый док Бейтс. Больных у него немного, очереди не будет. Он не Бог весть что, старый док, но уж со ссадиной-то управится...

— Да не могу я. Мне правда надо в Вашингтон не теряя ни минуты. Не могу я задерживаться.

— Знаете, у меня на кухне есть йод. Я могу и сама промыть ссадину и смазать йодом. Наверное, найдется и чистое полотенце для перевязки, чтоб грязь не попала. Нельзя вам шляться с эдакой ссадиной, занесете инфекцию... — Я знай себе ел, она смотрела на меня, потом добавила: — Не думайте, мистер, мне это нетрудно. И я знаю, как это делается. Я в свое время сестрой работала. Должно быть, мозгами тронулась, когда променяла профессию на такую вот забегаловку...

— Вы говорили, у вашего сынишки есть велосипед, — перебил я. — Слушайте, а он не согласится продать его?

— Ну не знаю. Штуковина вроде отслужила свой срок и немногого стоит, да и нужна ему, чтоб ездить за яйцами...

— Я дам за велосипед хорошую цену, — настаивал я.

— Спрошу у него, — поколебавшись, сказала она. — Но мы с вами можем ведь продолжить разговор на кухне. Я поищу йод. Ну не могу я позволить вам уйти отсюда с разодранной головой...

Глава 18

Тетка предсказывала, что день превратится в пекло, и была права. Волны жары, отражаясь от бетонного покрытия, катились мне навстречу. Небо сверкало как латунная чаша, воздух обжигал, и не было ни ветерка, чтобы хоть шевельнуть его.

Поначалу велосипед доставил мне несколько неприятных минут, но уже две-три мили спустя тело начало припоминать навыки, запрограммированные с детства, и я стал управляться с педалями довольно уверенно. Ехать было, может, и нелегко, но, разумеется, легче, чем идти пешком, — и разве у меня оставался выбор?

Я сказал тетке, что дам за велосипед хорошую цену, и она поймала меня на слове. Сто долларов — почти все деньги, какие у меня были. Сто долларов за допотопную железяку, скрепленную на живую нитку проволочками и случайными винтиками! Красная цена ей была — десятка, но тут уж либо плати, либо отправляйся на своих двоих, а я спешил. И, — добавил я себе в утешение, — если нынешнее положение вещей продержится и дальше, я, пожалуй, даже не переплатил. Если б у меня не отобрали лошадку, я оказался бы обладателем ценнейшей собственности. Будущее, как оно складывается, принадлежит лошадям и велосипедам...

Автострада была забита брошенными машинами и грузовиками, кое-где среди них торчали автобусы, а

люди не попадались. У тех, кто застрял в отказавшем транспорте, было более чем достаточно времени убраться с дороги. Картина оставляла гнетущее впечатление, словно все эти машины были живыми существами, а теперь их убили и бросили на месте убийства, — да и сама автострада недавно была живой, полной шума и движения, и вот лежит бездыханная.

Я крутил и крутил педали, то и дело отирая рукавом рубашки пот, стекавший в глаза, и мечтая о глотке воды, — и в конце концов понял, что добрался до пригородов.

Тут, конечно, были люди, но движение замерло, как и всюду. На улицах попадалось немало велосипедистов; я встретил и смельчаков, взгромоздившихся на роликовые коньки. Самое потешное на свете зрелище — джентльмен в безупречном костюме, с деловым чемоданчиком в руке, бегущий на роликовых коньках, но старающийся не уронить своего достоинства. Выбор у людей был невелик — либо ничего не делать и молчаливо ждать, усевшись на бровке тротуара, на крылечке, на лужайке подле дома, либо пытаться с упорством отчаяния придерживаться прежнего распорядка дня.

Потом я спешил к скверу, типичного вашингтонского сквера со статуей в центре, скамейками в тени деревьев, со старушкой, пришедшей покормить голубей, и фонтанчиком для питья. Надо ли говорить, что меня привлек фонтанчик. Долгие часы я накручивал педали под палящим солнцем, и язык иссох до того, что рот казался наполненным ватой. Однако остановка не затянулась: напившись и чуть отдохнув на скамейке, я вновь уселся на велосипед и тронулся в дальнейший путь.

Приблизившись к Белому дому, я еще издали заметил собравшуюся возле него толпу. Толпа стояла полукругом, не только заполнив тротуары, но и выплеснувшись на мостовую, и все безмолвно пялились в одну точку, похоже, на кого-то, кто держался ближе к ограде.

Кэти! — подумал я. Это же было в точности то место, где я и надеялся ее увидеть. Но что они все на нее уставились? Что еще стряслось?

Нажав на педали, я добрался до края толпы и соскочил с седла. Велосипед повалился набок, а я кинулся в самую гущу, работая плечами и локтями. Люди сердито огрызались, кто-то орал на меня, кто-то толкался в

ответ. Не обращая внимания на тычки и окрики, я пробивался в первые ряды и наконец пробился. И увидел.

Нет, это была не Кэти. Это был тот, кого, пораскинь я умом, я и должен был здесь увидеть, — старина Ник, его сатанинское величество, дьявол собственной персоной.

Наряд у него остался без изменений: непристойное его брюхо все так же перевешивалось через грязную тряпку, видимо, отвечавшую его понятиям о минимуме приличий. Зажав хвост в правой руке, он ковырялся в грязных зубах, используя кисточку как зубочистку. Небрежно привалился к ограде, упер раздвоенные копыта в пересекающую бетон трещину — и сверлил, сверлил толпу плотоядными глазками, намеренно доводя ее до исступления. А заметив меня, немедленно выпустил хвост и, сделав шаг-другой вперед, обратился ко мне как к закадычному приятелю, которого, собственно, и поджидал.

— Привет герою! — протрубил он, быстро двигаясь мне навстречу и раскрывая объятия. — С возвращением домой! С возвращением не откуда-нибудь, а из Геттисберга! Я вижу, вы ранены. Но где, хотел бы я знать, вы раздобыли прелестную повязку, которая вам столь безусловно к лицу?

Он и впрямь чуть не обнял меня, но я уклонился. Я был раздражен: как это он посмел оказаться там, где я рассчитывал встретить Кэти?

— Где Кэти? — спросил я без обиняков. — Я думал увидеть ее здесь...

— А, маленькую девицу! — весело откликнулся он. — Оставьте свои опасения. Она в безопасности. В большом белом замке на вершине. Над ведьминым постоянным двором. Вы, надо думать, помните замок?

— Значит, вы мне солгали! — задохнулся я от ярости. — Вы же заверяли меня...

— Ну и солгал, — ответил он, разведя руки в знак того, что это не имеет для него ровно никакого значения. — Лгать — один из моих самых мелких пороков. И что за невидаль маленькая ложь между добрыми друзьями! Кэти в полной безопасности, покуда вы со мной заодно...

— Это я-то с вами заодно!.. — возмущенно воскликнул я.

— Вы же хотите, чтобы ваши драгоценные машины покатались, как прежде? Хотите, чтобы радио бормотало, а телефоны трезвонили?..

Толпа беспокойно зашевелилась и начала смыкаться вокруг нас. Может, они и не понимали, что происходит, но наострили уши, едва дьявол упомянул про машины и радио. Впрочем, он не удостоил толпу вниманием.

— Однако вы и впрямь можете стать героем. Вам посильно осуществить переговоры. Посильно вступить в контакт с важными шишками...

Мне вовсе не хотелось становиться героем. Инстинкт подсказывал, что толпа вот-вот сделается неуправляемой.

— Мы войдем внутрь, — изрек дьявол, — и проведем с ними разговор начистоту.

И, не оборачиваясь, ткнул пальцем через плечо, указывая на Белый дом.

— Не можем мы войти туда, — сказал я. — Нельзя просто так взять и войти туда с улицы...

— Но у вас же есть аккредитационная карточка!

— Конечно, есть. Но она вовсе не означает, что я могу войти в Белый дом в любой момент, когда мне заблагорассудится. В особенности с таким компаньоном...

— Вы что, не можете попасть в Белый дом?

— Во всяком случае, не так просто, как вы себе представляли.

— Послушайте, — почти взмолился он, — вы должны вступить с ними в переговоры. Вы способны подобрать подходящие выражения, вы владеете протоколом. Я не смогу ничего добиться без вашей помощи. Они не станут меня слушать.

Я покачал головой. От ворот Белого дома отделились двое охранников и двинулись по тротуару в нашу сторону. Дьявол проследил за моим взглядом и осведомился:

— Что, неприятности?

— Вероятно, да, — ответил я. — Охрана, должно быть, уже успела позвонить в полицию. Да нет, конечно, позвонить они не могли, но догадываюсь, что послали кого-нибудь за полицией. Чтоб упредить назревающие беспорядки...

Дьявол приблизился ко мне и произнес утолком рта:

— Только столкновения с полицией мне недостава-ло... — Он вытянул шею, чтоб получше разглядеть охранников, которые целеустремленно вышагивали, на-

правляясь несомненно к нам. Тогда он схватил меня за руку. — Давайте уберемся отсюда...

Удар грома — и мир ушел у меня из-под ног, его скрыл мрак, заполненный ревом ураганных ветров. И вдруг мы очутились в большой комнате. Центр комнаты занимал длинный стол, а вокруг стола сидело много народу во главе с президентом Соединенных Штатов.

В ковре на полу была прожжена дыра, от нее поднимались струйки дыма. Я стоял рядом с дьяволом. Воздух загустел от запаха серы и тлевшей ткани. В комнату вели две двери, и кто-то отчаянно барабанил по ним снаружи.

— Будьте любезны сообщить им, — произнес дьявол, — что сюда все равно не попасть. Боюсь, что двери заклинило.

Человек со звездами на плечах вскочил на ноги, и комната содрогнулась от его разъяренного рыка:

— Это еще что такое?

— Генерал, — отвечивал дьявол, — пожалуйста, сядьте на место и постарайтесь вести себя как подобает военному и джентльмену. Обещаю, что никто не пострадает.

В подтверждение своих слов он свирепо помахал хвостом.

Я быстро оглядел комнату, проверяя первое свое впечатление, и оно оказалось правильным. Мы угодили прямо на заседание кабинета, — а может, и нечто большее, чем заседание кабинета, потому что тут были не только министры, а и директор ФБР, и глава ЦРУ, и несколько высших военных чинов, и еще какие-то сумрачные личности, которых я не узнал. У стены поставили ряд дополнительных кресел, и на них расположилась группа весьма серьезных, по-видимому, ученых гостей.

Кто бы мог подумать, — мелькнула мысль, — мы таки добились своего!..

— Хортон, — обратился ко мне госсекретарь, не повышая голоса и нисколько не волнуясь (он не умел волноваться), — что вы здесь делаете? Мне говорили совсем недавно, что вы ушли в отпуск...

— Я действительно ушел в отпуск, — ответил я, — только отпуск оказался непродолжительным.

— Вы, конечно, уже слышали про Фила?

— Да, я слышал про Фила.

Генерал опять вскочил на ноги, — в отличие от госсекретаря, он был взволнован до крайности.

— Тогда, — рывкнул он, — может, государственный секретарь соизволит объяснить мне, что происходит?

Снаружи по-прежнему барабанили и даже громче, чем раньше. Словно ребята из секретной службы старались взломать двери, используя столы и стулья.

— Все это очень необычно, — промолвил президент спокойным тоном, — но поскольку джентльмены уже здесь, можно догадаться, что они явились сюда с определенной целью. Предлагаю выслушать их, а затем вернуться к нашему обсуждению.

Разумеется, ситуация сложилась нелепая, и мной завладело ужасное подозрение, что я так и не выбрался из Страны воображения и что все вокруг, включая президента, и членов его кабинета, и остальных, — не более чем бредовая пародия, годная разве что для комикса.

— Полагаю, — обратился президент ко мне, — что вы Хортон Смит, хотя, признаться, я бы вас не узнал.

— Я был на рыбалке, мистер президент, — ответил я, — и не успел переодеться.

— О, ничего страшного, — заверил президент. — Мы тут не склонны придерживаться формальных церемоний. Но я не знаю вашего друга.

— Не уверен, сэр, что он мой друг. По собственному его заявлению, он дьявол.

Президент глубокомысленно кивнул.

— Так я и подумал, хоть это представляется весьма театральным. Но, если он в самом деле дьявол, что он здесь делает?

— Я явился, — сообщил дьявол, — обсудить взаимовыгодное соглашение.

Министр торговли оказался догадливым:

— Относительно наших проблем с машинами?

— Что за безумие! — воскликнул министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. — Я вижу это собственными глазами и все-таки говорю себе, что этого не может быть! Даже если бы дьявол действительно существовал... — Он запнулся и обратился ко мне: — Мистер Смит, уж вам-то прекрасно известно, что так не делается...

— Конечно, известно, — подтвердил я.

— Согласен, — заявил министр торговли, — что процедура отлична от общепринятой, но ведь и ситуация необычна. Если мистер Смит и его сернистый приятель располагают какой-то информацией, мы обязаны их выслушать. Мы уже выслушали многих, включая наших ученых гостей, — при этом он обвел широким жестом людей на дополнительных креслах у стены, — и, собственно, ничего не узнали. Нам наперебой втолковывали, что случившееся попросту невозможно. Ученые сообщили нам, что события последних дней противоречат всем физическим законам и что они поставлены в тупик. А инженеры добавили...

— Но при чем тут дьявол?.. — взревел все тот же человек со звездами на плечах.

— Если, — заметил министр внутренних дел, — он действительно дьявол.

— Друзья, — вмешался глава Белого дома, потеряв терпение, — эти стены видели президента, великого президента военных лет, который, когда его упрекали в сотрудничестве с одним малосимпатичным иностранным правителем, сказал, что согласен воспользоваться помощью дьявола, лишь бы перебраться через стремнину. Сейчас перед вами еще один президент, который не устыдится вступить в переговоры с дьяволом, если они обещают решение наших проблем... — Он бросил взгляд на меня. — Мистер Смит, можете вы толково объяснить нам, что значит вся эта чертовщина?

— Мистер президент, — запротестовал министр здравоохранения, просвещения и т. д., — право же, смешно терять время на подобную чепуху. Если пресса когда-нибудь пронюхает о том, что происходит в этой комнате сию минуту...

— А что им проку, — хмыкнул госсекретарь, — если они пронюхают? Как они свяжутся со своими редакциями? Их каналы связи не действуют точно так же, как и все другие. И, в любом случае, мистер Смит сам представляет прессу и, если захочет, разгласит все до мельчайших подробностей, что бы мы ни предпринимали.

— Напрасная трата времени, — объявил генерал.

— Мы уже потратили напрасно все утро, — напомнил министр торговли.

— Теперь вы потратите время еще и на меня, но, боюсь, с тем же результатом, — сказал я. — Да, я могу рассказать вам, в чем дело, только вы не поверите ни одному моему слову.

— Мистер Смит, — заявил президент, — не заставляйте меня упрашивать вас...

— Сэр, — огрызнулся я, — вам незачем просить...

— Тогда будьте добры сесть и вместе со своим приятелем сообщить нам то, с чем пожаловали.

Я перешел комнату, чтобы взять себе стул из тех, на которые он указал. Дьявол ступал рядом, возбужденно помахивая хвостом. Барабанный стук по дверям наконец прекратился.

Пересекая комнату, я будто физически ощущал взгляды, прожигающие мне спину. Боже правый, куда меня занесло, — подумал я, — в одну компанию с президентом и членами кабинета, с шишками из Пентагона, знаменитыми учеными и отборными советниками... И самое скверное, что, прежде чем я расстанусь с ними, они растерзают меня в клочья. Помнится, я недоумевал, сумею ли найти хоть кого-нибудь, кто располагал бы властью или был близок к властям и набрался бы терпения меня выслушать. И вот, пожалуйста, — не кто-то один, а целая комната власть имущих, и они, похоже, намерены меня выслушать, а я боюсь до полусмерти. Министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения не сдержал себя, генерал тоже, остальные пока что хранили бесстрастность, однако я не сомневался: прежде чем я доведу свою миссию до конца, к тем двоим присоединятся многие другие.

Я пододвинул стул к столу, и президент напутствовал меня:

— Не смущайтесь, просто расскажите все, что знаете. Мне доводилось раз-другой слушать вас по телевидению, и я уверен, что ваш рассказ получится живым и интересным...

С чего начать? Как, не затратив ни одной лишней минуты, поведать им обо всем, что пережито за последние несколько дней? И внезапно до меня дошло, что единственный способ сделать это — представить себя перед микрофоном и телекамерой и говорить так, как я привык годами. Хотя, конечно, нынешняя задача потруднее обычного. В студии я бы выкричал какое-то

время, чтобы решить заранее, что именно я хочу сказать, и даже, может, набросал бы сценарий, который служил бы подспорьем в самых каверзных местах. Здесь я был один на один с судьбой, и мне это отнюдь не нравилось, но деваться некуда — надо было перетерпеть и довести дело до конца, надо было показать лучшее, на что я способен.

Все смотрели на меня, только на меня. Многие, я знал заведомо, гневались, решив, что я намеренно оскорбляю их интеллект, а кое-кто просто развлекался, — и те и другие были убеждены непоколебимо, что дьявола нет в природе, и ждали подходящего повода, чтобы разнести меня вдребезги. А были и такие, кто перепугался не на шутку, — я не видел тут разницы, поскольку эти, конечно же, начали праздновать труса еще до того, как мы с дьяволом объявились в комнате.

— Отдельные факты, о которых я расскажу, — начал я, — можно проверить. Например, то, что касается смерти Фила. — При этом я посмотрел на госсекретаря, и он явно удивился, но я не дал ему возразить, а повел свою линию: — Однако по большей части мой рассказ проверке не поддается. Я сообщу вам правду или, по крайней мере, то, что я лично воспринимаю как правду. А уж поверите вы мне или нет, частично или полностью, — решать вам...

Самое трудное было взять старт, дальше пошло легче. Я внушал себе, что выступаю вовсе не перед членами кабинета, а в студии перед микрофоном и, как только скажу все, что хочу сказать, спокойно встану и уйду. Они сидели довольно тихо и слушали внимательно, хотя время от времени кто-нибудь ерзал, словно намереваясь прервать меня. Но каждый раз президент вскидывал руку и, восстановив порядок, разрешал мне продолжать. Время я не засекал, но, по-моему, говорил я примерно четверть часа, может быть, чуть-чуть дольше. Мне удалось сжать свое выступление до предела, проще говоря, опустить все, кроме самого существенного.

Когда я замолк, никто не решался нарушить тишину. Я обвел собравшихся взглядом. Наконец директор ФБР зашевелился и произнес:

— Весьма интересно...

— Ну уж как же! — желчно отозвался генерал.

— Если я правильно понял, — сказал министр торговли, — ваш приятель возражает против того, что мы

засылаем в его мифическую страну множество подрывных элементов и, таким образом, путаем ему карты, мешая попыткам создать достойное правительство...

— Не правительство, — возразил я, ошеломленный таким поворотом мысли: это же надо умудриться говорить о правительстве в мире, который я описал! — Речь идет о культуре. Может статься, ее лучше назвать образом жизни. Или поисками цели — потому что в этом мире до сих пор, по-видимому, не было общепризнанных целей. Каждый живет в свое удовольствие, и никто никому не дает указаний. Разумеется, надо принять в расчет, что я провел там всего несколько часов, а потому не могу ручаться...

Министр финансов смерил министра торговли взглядом, исполненным ужаса:

— Уж не хотите ли вы сказать, что приняли на веру эту... эту байку, эту сказочку для детей?..

— Не знаю, принял или не принял, — ответил министр торговли. — Но мы выслушали свидетеля, заслуживающего доверия, и, по моему убеждению, он не стал бы сознательно искажать факты...

— Его одурачили! — вскричал министр финансов.

— Или это какой-нибудь новый рекламный трюк, — предположил министр здравоохранения и т. д.

— С вашего разрешения, джентльмены, — взяв слово госсекретарь, — хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство, поразившее меня чрезвычайно. Сотрудник нашего департамента Филип Фримен умер, по заключению следователя, от сердечного приступа. Но вскоре прошел загадочный слух, что он был сражен стрелой, которую выпустил убийца в одежде средневекового лучника. Никто, конечно, не поверил этой версии, она звучала слишком неправдоподобно. Точно так же и выслушанный нами только что рассказ кажется неправдоподобным, но...

Министр здравоохранения и т. д. чуть не взвился на дыбы.

— Вы что, тоже поверили в эту чепуху?

— Поверить трудно, — ответил госсекретарь, — но я предостерег бы вас от побуждения отбросить этот рассказ, затолкать его под ковер, не удостоив повторным взглядом. По меньшей мере это следовало бы обсудить.

Генерал развернулся на стуле и обратился к приглашенным, сидевшим у стены:

— Не следует ли первым делом спросить, что думают по этому поводу наши выдающиеся ученые?

Один из ученых медленно поднялся с места. Седовласый, нервный и немощный, но по-своему очень величественный, он старательно выбирал слова, подчеркивая их чуть заметными движениями венозных рук:

— Я не считаю себя вправе говорить от имени всех своих коллег, но надеюсь, они поправят меня, если я заблуждаюсь. Мое мнение, и я тщательно взвесил его, сводится к тому, что обрисованная ситуация противоречит всем принципам, известным науке. Я бы сказал, что она не представляется возможной.

И он сел так же аккуратно, как встал, предварительно взявшись за ручки кресла и лишь затем бережно опустившись в него. В комнате вновь воцарилось молчание. В группе ученых двое-трое согласно кивнули, остальные держались непроницаемо.

Дьявол возмущенно обратился ко мне:

— Эти болваны не поверили ни одному слову!..

Он не стал снижать голоса, и в окружающей мертвой тишине его слова прозвучали совершенно отчетливо, их нельзя было не услышать. В общем-то, можно предположить с достаточным основанием, что политиков (коль скоро они таковы, каковы есть) непременно обзывают болванами, но чтоб им сказали это без обид, в глаза — такого, надо полагать, с ними еще не случилось. Я покачал головой, отчасти подтверждая, что да, увы, не поверили. Просто не посмели: любого, кто рискнул бы поверить, осыпали бы градом насмешек и без промедления лишили бы политического поста.

Вскочив на ноги, дьявол стукнул тяжелым волосатым кулаком по столу. Из ушей у него вырвались струйки дыма.

— Вы создали нас! — заорал он. — Это ваши грязные, мелкие, злобные умишки, ваши бесподобно смутные умишки, ваши неумелые, ненасытные, трусливые умишки создали нас и тот мир, куда вы нас поместили! Вы не предвидели, что получится, и не виновны в том, что натворили. Хотя, раз уж вы так сведущи в физике и химии, могли бы и догадаться — только вы, грамотеи, предпочли талдычить по-прежнему, что этого не может

быть. Но теперь-то вы знаете, что может, теперь мы заставили вас понять это! И теперь вы морально обязаны облегчить несносные условия, которые сами нам навязали. Вы обязаны...

Президент в свою очередь поднялся на ноги и, подобно дьяволу, стукнул кулаком по столу. Впрочем, эффект оказался намного меньше, поскольку пустить дым из ушей он не сумел.

— Месье дьявол! — крикнул президент. — Я хотел бы, чтобы вы ответили на мои вопросы. Вы заявили, что остановили машины и радио...

— Чертовски верно, остановил! — прорычал дьявол. — Остановил не только здесь, а по всему миру, но это лишь первое предупреждение, легкая демонстрация моих возможностей. И обратите внимание, я проявил гуманность. Машины остановились плавно и спокойно, ни одного пострадавшего. Самолетам, прежде чем я остановил их, было позволено приземлиться. А фабрики и заводы я и вовсе пока не тронул, чтобы не лишить людей работы и не оставить их без денег и потребительских товаров...

— Но ведь без транспорта нам все равно крышка! — завопил министр сельского хозяйства, до той поры молчавший. — Люди, лишенные подвоза продовольствия, начнут голодать. Прекращение перевозок промышленных товаров приведет к остановке бизнеса...

— А интересы армии! — взвизгнул генерал. — Ни самолетов, ни танков, коммуникации перерезаны...

— Вы еще ничегошеньки не видели, — объявил дьявол. — В следующий раз я наложу запрет на колесо. Колеса просто перестанут вращаться. Не останется ни фабрик, ни велосипедов, ни роликовых коньков, ни...

— Месье дьявол! — крикнул президент. — Прошу вас высказываться потише. Прошу всех высказываться потише. От того, что мы орем что есть мочи, нет никакой пользы. Проявим благоразумие. У меня назрел еще один вопрос. Вы сказали, что вы это сделали. Не скажете ли вы нам, как вы это сделали?

— Ну как, как, — начал дьявол и запнулся, — просто сделал, вот и все. Приказал, чтоб это случилось, оно и случилось. Я многое делаю именно таким способом. Вы же сами вложили в меня этот способ, выдумали его, описали его, без конца говорили о нем между собой. Дьявол может все, что угодно, при одном-един-

ственным условии — если творит зло. Очень сомневаюсь, что мне удалось бы с таким же успехом творить добро...

— Заклятье, джентльмены! — провозгласил я. — Единственное объяснение случившемуся — заклатье. И не пеняйте на это дьяволу — мы сами придумали заклатье, как и все остальное.

Старичок, выступавший от имени ученых, тоже оказался на ногах. Он сжал кулаки и, пошатнувшись, поднялся над головой.

— Заклятье! — пискнул он. — Не может быть никакого заклатья! Нет таких законов науки...

Он хотел продолжить, но задохнулся, постоял минутку в надежде вновь обрести дыхание и дар речи, не справился с этим и сдался, бессильно опустившись обратно в кресло.

— Наверное, нет, — согласился дьявол. — Но при чем тут законы науки? Какое мне дело до науки? Мой следующий шаг — колесо, потом электричество, а потом, надо полагать, огонь, хотя так далеко я еще не заглядывал. А когда это будет выполнено, назад к феодализму, к старому доброму средневековью, ко временам простого честного мышления и...

— Теперь, сэр, — вмешался президент, — если вы покончили с угрозами, разрешите еще вопрос.

— Мой превосходный сэр, — ответил дьявол в тон, изо всех сил стараясь быть вежливым, — я отнюдь не угрожаю. Я просто заявляю, что еще может быть сделано и будет сделано, и вы...

— Но зачем вам это нужно? — поинтересовался президент. — Чем вы недовольны? На что жалуетесь?

— Жалуюсь! — заревел дьявол, вспыхнув и мгновенно забыв о вежливости. — Вы еще спрашиваете, на что я жалуюсь! Хортон Смит, раненный при Геттисберге, сражавшийся голыми руками с Дон Кихотом, гонимый за злобой ведьмой по страшным чашебам, уже обрисовал перед вами мои печали. — Тут он одумался и в знак доброй воли снизил голос с рева до обычного рычания. — Некогда наш мир был населен отважным народцем. Одна его часть была честной и искренней в своей добродетели, другая не менее честной и искренней в своей злобности. Не стану скрывать, друзья мои: я был и остаюсь в числе служителей зла. Но по меньшей мере мы сознавали свое назначение и вели достойную

жизнь — добрые и злые, феи и бесы в равной мере. А кого нам навязывают сегодня? Я скажу кого. Крошку Эбнера, Чарли Брауна и пеликана Пого. Сиротку Энни, Дэгвуда Бамстеда и двойняшек Боббси. Хорейшо Эджера, мистера Мэгу, Мики Мауса, безмозглого Хауди Дуди...*

Президент попытался жестом остановить его.

— Полагаю, вы очертили проблему с достаточной ясностью.

— Ни у кого из них нет характера, — не унимался дьявол. — Ни в ком из них не чувствуется ни вкуса, ни стиля. Все они пресны, как вата. Ни по-настоящему злобных, ни по-настоящему добрых — от той доброты, что в них якобы заложена, поднимается тошнота. Спрашиваю вас со всей искренностью: мыслимо ли с таким контингентом выстроить толковую цивилизацию?

— По правде сказать, — вклинился министр здравоохранения и т. д., — этот джентльмен — не единственный, у кого поднимается тошнота. Просто поражаюсь, чего ради мы принимаем участие в этом балагане...

— Потерпите еще минуту, — произнес президент. — Я стараюсь разобраться, что к чему. Пожалуй-ста, проявите терпение.

— Вероятно, — заявил дьявол, — вам хочется выяснить, что вы можете предпринять.

— Совершенно верно, — согласился президент.

— Вы можете положить конец этим глупостям. Можете остановить интервенцию крошек Эбнеров, Хауди Дуди и Мики Маусов. Можете вернуться к прямым и честным фантазиям. Можете придумать существ, исполненных настоящей злобы, и других существ, исполненных подлинной доброты, и можете поверить в них...

— Никогда во всей моей жизни, — вскричал министр сельского хозяйства, поднявшись на ноги, — я не слышал такого позорного предложения! Он предлагает контроль над мыслями! Он предлагает нам дикто-

* В этом списке, куда вошли преимущественно герои популярных в Америке комиксов, обращает на себя внимание имя Хорейшо Эджера (1832—1899 г.г.), родоначальника так называемой «скаутской литературы». Эдджер многократно использовал один и тот же сюжет о мальчике-рассыльном либо о чистильщике ботинок, который благодаря своему трудолюбию и упорству становится миллионером. С легкой руки Хемингуэя и писателей его поколения имя Эджера стало считаться синонимом литературной пошлости.

вать характер развлечений и зрелищ, душить художественную и литературную творческую свободу! Но, даже если бы мы согласились на это, каким образом это осуществить? Можно ли представить себе такой закон или президентский указ? Пришлось бы развернуть специальную кампанию, секретную, совершенно секретную, — хотя, на мой взгляд, ее все равно не удалось бы удержать в секрете более трех дней. И даже если бы удалось, потребовались бы миллиарды долларов и годы настойчивых усилий самых хитроумных экспертов Мэдисон-авеню * — а толку, уверен, все равно не вышло бы никакого. Нынче не средние века, которые, по-видимому, приводят этого джентльмена в такой восторг. Мы не можем заставить наш народ или другие народы мира заново поверить в дьяволов и чертей, да и в ангелов тоже. Предлагаю считать дискуссию законченной.

Слово взял министр финансов.

— Мой коллега, — сказал он, — принял данное происшествие чересчур серьезно. Я лично и, подозреваю, многие другие в этой комнате не в силах отнестись к услышанному даже с минимальным доверием. Принять эту смехотворную концепцию, пусть гипотетически, и обсуждать ее, по-моему, унизительно и несовместимо с нашим достоинством и общепринятыми правилами.

— Слушайте! Слушайте! — возопил дьявол.

— Мы сыты вашими выходками по горло, — обратился к нему директор ФБР. — Не в духе американских традиций, чтобы государственный совет выслушивал потоки оскорбительной и злобной чепухи, да еще из уст кого-то либо чего-то, кому и чему, в сущности, нет места в действительности.

— Прекрасно! — взъярился дьявол. — Нет места в действительности, говорите вы? Я покажу вам, олухи, что почем. Колесо, затем электричество, а потом я вернусь и у нас, быть может, появится лучшая база для откровенных переговоров. — С этими словами он потянулся и схватил меня за руку. — Мы удаляемся!..

И мы удалились, не сомневаюсь, в клубах пламени и дурно пахнущего дыма. Так или иначе, мир опять ушел

* На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены крупные издательства, зрелищные и рекламные агентства.

из-под ног, нас накрыл мрак, завывли ветры, а когда мрак рассеялся, мы вновь очутились на тротуаре у ограды Белого дома.

— Ну что ж, парень, — заявил дьявол самодовольно, — похоже, я сказал им все, что о них думаю. Похоже, я содрал фальшивую шкуру с их напыщенных задниц. Обратили вы внимание, какие у них были рожи, когда я назвал их олухами?

— Да, конечно, вы выступили блестяще, — ответил я досадливо. — Прямо-таки с изяществом бегемота.

— Теперь, — он потер руки, — теперь колесо...

— Откажитесь от этого, предупредил я. — Вы разрушите наш мир, но что произойдет тогда с вашим собственным миром?..

Однако он уже не слушал меня. Он уставился мне через плечо на что-то вдали, видимое только ему, и на его лице застыло странное выражение. Толпа, окружавшая дьявола в момент, когда я увидел его здесь впервые, рассеялась, — но в парке на другой стороне улицы было немного народу, и вдруг все как один подняли восторженный крик.

Я резко обернулся, чтобы выяснить, что там такое.

К нам стремительно приближался Дон Кихот, до него оставалось едва ли полквартала. Он мчался верхом на мешке с костями, служившем ему в качестве боевого коня. Дон Кихот был в шлеме, щит поднят, сверкающее на солнце копые взято наперевес. Следом поспешал Санчо Панса, увлеченно настигая своего ослика, который прыгал на непослушных ногах, как мог бы прыгать вспугнутый кролик. В одной руке Санчо держал кнут, в другой, плотно прижатой к туловищу, — ведро, где была какая-то жидкость. Ослик не хотел отставать от коня, прыгал изо всех сил, и при каждом прыжке она выплескивалась на мостовую. А позади Дон Кихота и Санчо гарцевал единорог, на ярком солнце он казался ослепительно белым, точеный рог отливал колдовским серебром. Единорог бежал грациозно и легко, он был само изящество, и на спине у него, примостившись боком, сидела Кэти Адамс.

Дьявол снова потянулся ко мне, но я оттолкнул его руку и, поднырнув под нее, ухватил его поперек живота. Одновременно, выбросив ногу назад, я пропихнул ее меж чугунных прутьев ограды. По сути я не отдавал себе отчета в том, что делаю, я не планировал ничего

подобного и, скорее всего, вообще не понимал в ту секунду, что делаю и зачем. Но, вероятно, подсознание подсказало мне, что это может сработать. Только бы не позволить дьяволу перебраться за долю секунды в иные края — тогда Дон Кихот доскачет до нас и, если не промажет, нанижет его на копье. Была и еще какая-то мыслишка о том, что мне при этом не помешает надежный якорь, а может, припомнилось и поверье, что дьяволу не по нутру соприкосновение с железом, — по той ли, по другой ли причине моя нога оказалась меж прутьев и там застряла.

Дьявол извивался, пытаясь вырваться, однако я вцепился в него мертвой хваткой, сомкнув руки ему на брюхе. Шкура у него была вонючая. Мое лицо, поскольку я поневоле прижался к ней, взмокло от его жирного пота. Он вырывался, ругался последними словами, молотил по мне кулаками, но краем глаза я все время видел устремленное к нам острие копья. Стук копыт раздавался все громче, надвигался все ближе, и вот копье с хлюпающим звуком вонзилось в цель. Дьявол упал. Я выпустил его и тоже упал на тротуар, а нога так и застряла между прутьями.

Кое-как вывернув шею, я увидел, что копье ударило дьявола в плечо и пришпилило его к ограде. Он извивался и подвывал, взмахивая руками. Изо рта у него текла пена.

Дон Кихот попытался открыть забрало, но петли заело. Тогда рыцарь дернул шлем так, что сорвал его с головы целиком. Старческие пальцы не удержали тяжесть, шлем вывалился из них и гремя покатился по тротуару.

— Мошенник! — вскричал Дон Кихот. — Предлагаю тебе сдаться и дать торжественный обет, что отныне и навсегда ты воздержишься от вмешательства в дела людей...

— Будь ты проклят на веки вечные, — отвечал дьявол. — Уж кому бы я сдался, так только не бестолковому добродею, который дня не может прожить, не затеяв новый крестовый поход. Изو всего вашего племени ты несомненно самый несносный. Ты способен учуять доброе дело за миллион световых лет и рвешься к нему как одержимый. А я не хочу иметь с тобой ничего общего. Пойми ты, наконец, — ничего общего!..

Санчо Панса соскочил с ослика и устремился к нам со своим ведром, куда, как выяснилось, был опущен черпак. В двух шагах от нас Санчо остановился, схватил черпак и плеснул на дьявола жидкостью, которая тут же с шипением вскипела. Дьявол скорчился в агонии.

— Вода! — восторженно вскричал Санчо. — Освященная лично святым Патриком и наделенная чудодейственной силой!..

Он выплеснул на дьявола еще черпак. Тот продолжал корчиться и вскрикивать.

— Проси пощады! — потребовал Дон Кихот.

— Сдаюсь! — завопил дьявол. — Сдаюсь, и подавитесь своим обетом!..

— Более того, — заявил неумолимый Дон Кихот, — ты дашь еще обет, что все зло, причиненное тобою людям, отменяется. С настоящей минуты и навсегда.

— Не стану! — взвыл дьявол. — Как же так, разрушить всю мою кропотливую работу!..

Санчо Панса положил черпак на тротуар. Сжав ведро обеими руками, он приподнял его и вознамерился опрокинуть на дьявола целиком.

— Погодите! — истошно заорал дьявол. — Уберите проклятую воду! Сдаюсь безоговорочно и приношу любые обеты, какие хотите!..

— Тогда, — заявил Дон Кихот с известной церемонностью, — наша миссия здесь окончена.

Я даже не заметил, как они исчезли. Не было ни мерцания, ни самой короткой вспышки. Просто их вдруг не стало — ни дьявола, ни Дон Кихота, ни Санчо Пансы, ни единорога. А Кэти осталась и бежала ко мне со всех ног, и я еще подумал: как же это она может так резко бежать, ведь у нее вывих... Попытался встать ей навстречу, но сперва надо было выдернуть ногу из ограды, а я не мог. Нога застряла плотно, освободиться не удавалось.

Кэти опустилась подле меня на колени.

— Мы снова дома! — воскликнула она. — Хортон, мы дома!..

Она наклонилась и поцеловала меня, а толпа на противоположной стороне отозвалась на поцелуй громкими возгласами и хихиканьем.

— Нога застряла, — пожаловался я.

— Ну так вытащи ее, — улыбнулась Кэти, не сдерживая счастливых слез.

Я попытался еще раз и опять не смог. Ногу, как только я принимался тянуть ее, сводило болью. Кэти, поднявшись, подошла к ограде и попробовала помочь мне — тщетно, ничего не получалось.

— Кажется, щиколотка опухла, — сказала она, вновь села на тротуар и расхохоталась. — Два сапога пара, — смеялась она и плакала, — у обоих одно и то же. Сперва моя щиколотка, теперь твоя...

— Но твоя-то теперь в порядке...

— У них в замке живет волшебник. Чудесный старик с длинной белой бородой, в смешном колпаке и в плаще, усыпанном звездами. И вообще этот замок — такое славное место, лучшее из всех, какие я видела в жизни. Все так благородно и вежливо. Право, я могла бы остаться там навсегда, если б только ты был со мной. А единорог! Такой милый, такой ласковый... Ты же видел единорога?

— Видел, видел, — подтвердил я.

— Послушай, Хортон, а кто эти люди, бегущие к нам по лужайке?

Я так увлеченно смотрел на нее, так радовался тому, что она вернулась в наш мир, что лужайка у Белого дома просто выпала из поля моего зрения. Теперь я их увидел. Они бежали к ограде — впереди президент, а за ним все остальные, кто был на заседании. Добежав и остановившись, президент смерил меня взглядом, который я не назвал бы особо доброжелательным.

— Хортон, — спросил он требовательно, — черт побери, что тут еще происходит?

— Вот, нога застряла, — ответил я.

— Черт с ней, с ногой! — объявил он. — То есть я вовсе не то хотел сказать... Клянусь, я видел здесь рыцаря и единорога...

Участники заседания столпились у самой ограды. И вдруг от ворот донесся крик охранника:

— Эй! Смотрите все! Машина! По улице едет машина!..

И точно, на улице появилась машина. На ходу.

— Но что будет с его ногой? — возмутилась Кэти. — Мы не можем вытащить ее, щиколотка опухла. Боюсь, похоже на вывих.

— Надо бы послать за доктором, — сказал госсекретарь. — Раз машины завелись, то, наверное, и телефоны заработали. Как ваше самочувствие, Хортон?

— Нормально, — откликнулся я.

— И пришлите сюда слесаря с ножовкой, — распорядился президент. — Во имя всего святого, пусть перепилят ограду, но освободят ему ногу...

Так я и остался недвижим, поджидая врача и слесаря, и Кэти рядом со мной. Не обращая внимания на толпу министров у ограды, а может, заинтересовавшись происходящим, несколько белок, обитающих подле Белого дома выбрались на тротуар. И сели рядком, изящно поджав передние лапки и выпрашивая подачку.

А по улице катились машины, и их становилось все больше и больше.

Содержание

Заповедник гоблинов, роман <i>перевод с английского И. Гуровой</i>	7
Исчадия разума, роман <i>перевод с английского О. Битова</i>	195

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Полное собрание фантастических произведений

Книга четвертая

Составитель В. Быстров

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Е. Ошуркова, Г. Бочарова, К. Вартанова
Операторы компьютерной верстки Т. Крукле, О. Кинель

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Цветные иллюстрации и форзац: В. Иванов

Оформление шмуцтитолов: А. Сергунин

**Миры Клиффорда Саймака кн. 4/Пер. с англ.—Рига:
Полярис, 1993.—383 с.**

Подписано в печать 10.07.93. Формат 84×108/32.
Усл. печ. листов 20,58. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2067 С011.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР

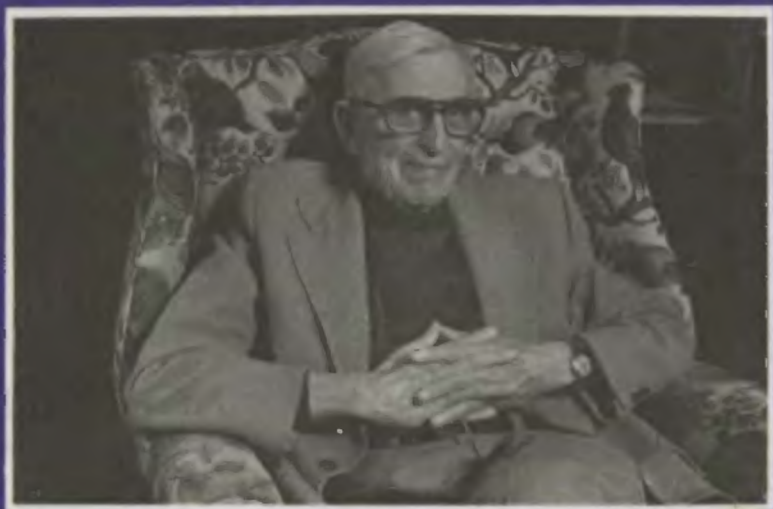
Министерства печати и информации
Российской Федерации.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher